

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

52

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1953

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ответственный редактор *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов,
Л. А. Евтюхова, А. Ф. Медведев (отв. секретарь), Г. Б. Федоров

АКАДЕМИК БОРИС ДМИТРИЕВИЧ ГРЕКОВ

9 сентября 1953 г. на 72 году жизни скончался академик Борис Дмитриевич Греков. Весть об этом отозвалась глубокой скорбью в сердцах всех советских людей, ибо Борис Дмитриевич был не только крупнейшим ученым, но и выдающимся общественным деятелем, горячим патриотом, поборником дела мира и передовых идеалов человечества.

Трудовой путь Бориса Дмитриевича характеризуется редкой целеустремленностью творческих исканий, направленных на разработку важнейших проблем истории древней Руси, истории трудового народа по преимуществу. В краткой траурной памятке нельзя и пытаться охватить всю его работу — она станет предметом изучения нашей историографии, на страницах которой имя Бориса Дмитриевича займет одно из первых мест среди корифеев отечественной исторической науки.

Уже в замечательной магистерской диссертации «Новгородский дом св. Софии» (1914 г.)¹ ярко выразился интерес ученого к социально-экономическим проблемам истории древней Руси. В этой работе были вскрыты феодальные отношения, слагавшиеся в крупной вотчине, и даны широкие сопоставления с западноевропейским материалом. Особенно ярко эти темы были разработаны в вышедшей в 1926 году монографии «Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв.». Борис Дмитриевич указывал здесь, что «хозяйственные процессы на русской почве аналогичны европейским, и параллельное их рассмотрение методологически дает очень много преимуществ в смысле углубления наших представлений о ходе развития хозяйственных и общественных отношений в России»². Великий Новгород надолго остался в кругу научных интересов Бориса Дмитриевича. Он публикует один из интереснейших графических документов по истории древнерусского города — план части Новгорода конца XVII в.³, посвящает специально исследование знаменитому перевороту

¹ «Новгородский дом святой Софии» (опыт изучения организации и внутренних отношений церковной вотчины). Ч. I, СПб., тип. Александра, 1914.

² Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв. в кн. «Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг.», вып. 33, Л., АН СССР, 1926, стр. 202.

³ План части Новгорода конца XVII в., Л., 1926.

1136 г. в Новгороде¹. Позже Борис Дмитриевич живо интересуется изучением Новгорода, содействуя организации там секции Института истории АН СССР, всячески поощряя местные исследовательские силы, поддерживая идею превращения Новгорода в город-музей.

В период, когда советская историческая наука становилась на путь марксистско-ленинской методологии, из-под пера Бориса Дмитриевича вышел ряд работ по истории крестьянства, из которых в дальнейшем вырос выдающийся труд «Крестьяне на Руси» (1946). Одновременно Борис Дмитриевич подходит к разработке коренных вопросов генезиса и развития феодализма в России. В развернувшихся дискуссиях он горячо выступает против порочной концепции о рабовладельческом строе в Киевской Руси. Развивая и конкретизируя положения В. И. Ленина о феодализме и крепостничестве в России, Борис Дмитриевич создал стройную и непрерывно совершенствовавшуюся в его последующей работе марксистско-ленинскую концепцию возникновения и развития феодальных отношений в Киевской Руси.

Мы, археологи, особенно хорошо помним то время, когда Борис Дмитриевич работал в нашей среде — в Государственной академии истории материальной культуры. Решение вопросов древнейшей истории Руси он связывал с данными археологии, многое черпая у археологов и ориентируя их на освещение тех или иных исторических проблем или памятников. Именно в археологии видел Борис Дмитриевич возможности, которые позволяли пересмотреть старые, но устойчивые концепции древней истории славянства и Руси. В археологии Борис Дмитриевич нашел союзника в борьбе с пресловутой «охотничьей» теорией Рожкова. «Современное состояние археологии,— писал далее Борис Дмитриевич,— требует решительного отказа от старой традиции начинать историю образования государственной жизни на территории Восточной Европы с IX в., традиции, опирающейся на авторитет летописца». Знание археологической картины I тысячелетия позволило Борису Дмитриевичу сформулировать тезис, что «Киевская Русь — последнее звено древней исторической цепи и первое — новой». Этот действенный, творческий интерес к археологии Борис Дмитриевич пронес через всю свою жизнь. Поэтому Борис Дмитриевич особенно памятен нам, археологам, как наш большой друг из семьи историков. В Известиях ГАИМК в 1934 г. вышли его статьи «Очерки по истории феодализма в России» и «Рабство и феодализм в древней Руси», представляющие как бы подготовительные этюды или эскизы к широко известному капитальному труду «Киевская Русь».

Избрание в 1934 г. членом-корреспондентом, а в 1935 г. действительным членом Академии Наук СССР было признанием выдающихся научных заслуг Бориса Дмитриевича. В 1939 г. он возглавил Институт истории АН СССР, одновременно был директором Института славяноведения и Института истории материальной культуры.

---

¹ Революция в Новгороде Великом в XII в. Уч. зап. Ин-та истории РАНИИОН, т. IV, М., 1929.

Борис Дмитриевич Гроков
1882—1953

Особый этап в научной деятельности Б. Д. Грекова связан с периодом Великой Отечественной войны, когда в его трудах с необычайной силой и яркостью проявился глубокий патриотизм ученого, живущего одной жизнью с народом, ставящего свой труд на службу борьбе народа, делу победы. В этот период Борис Дмитриевич расширил свою замечательную книгу «Киевская Русь»¹ и создал две небольшие, мастерски написанные работы: «Борьба Руси за создание своего государства»² и «Культура Киевской Руси»³. Во время всемирно-исторической битвы с фашизмом, в которой участвовали все народы нашей страны во главе с великим русским народом, необычайно поднялся интерес к русской истории, к источникам русской культуры, к проблеме значения славянства в мировой истории. Все эти вопросы нашли освещение в названных трудах Б. Д. Грекова.

Борис Дмитриевич активно боролся с устарелыми взглядами, господствовавшими в буржуазно-дворянской науке; он выступал против лживых «теорий» зарубежных фальсификаторов истории, принижавших культуру славянства и Руси и тем самым искажавших историю.

В своих трудах по истории восточного славянства в VI—VII вв. он показал самобытность славянской культуры и глубокие корни истории русской государственности. Борисом Дмитриевичем особенно рельефно показана роль славянства как крупнейшей силы раннего средневековья: проникновение славян в пределы Восточной Римской империи было одним из важнейших условий ликвидации здесь рабовладельческого и формирования более прогрессивного феодального строя. Борис Дмитриевич подчеркнул своеобразный путь исторического развития восточного славянства, миновавшего рабовладельческую ступень и перешедшего в силу конкретно-исторических условий от первобытно-общинного строя непосредственно к феодализму. Этот вывод являлся весьма существенным для развития теории генезиса феодализма.

Нарисовав историю напряженной борьбы, в которой слагалось древнерусское государство, Борис Дмитриевич по-новому осветил и его замечательную культуру — культуру высокого уровня, самостоятельную и прогрессивную — и показал, что Киевское государство было государством всех восточнославянских племен, колыбелью трех великих братских народов — русского, украинского и белорусского. В этих работах данные археологии вновь входят в четкую систему аргументации как равноправные звенья рядом с мастерски анализируемыми письменными источниками. Вопросы раннего развития земледелия и общественного строя у восточных славян, древнерусского ремесла и прочие неизменно решаются с учетом выводов археологов, работавших в области истории культуры Древней Руси. «Если учесть все письменные известия о предках славян, о них самих и в частности о восточных славянах, то этих известий будет недостаточно, чтобы составить себе представление о роли их культуры, о преемственной связи культур

---

¹ Киевская Русь. М.—Л., 1944.

² Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1942.

³ Культура Киевской Руси. М.—Л., 1944.

различных народов, связанных с культурой русской. Археологический материал,— писал Борис Дмитриевич,— несравненно богаче и последовательнее. Надо только уметь заставить его заговорить языком нам понятным. Надо, конечно, уметь предъявить ему наши четкие требования».

Книги Б. Д. Грекова, написанные живым, ярким языком, приобрели большую любовь читателей; это книги боевые, смелодвигающие науку вперед, заставляющие советский народ гордиться своим великим прошлым, воспитывающие высокое чувство советского патриотизма и разрушающие враждебные «теории».

В годы войны Борисом Дмитриевичем создан также выдающийся труд «Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVII в.» (1946), подводящий итог многолетним исследованиям автора в этой области. Своим трудом исследователь отвечал на положение марксизма-ленинизма, что «историческая наука должна прежде всего заниматься историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс». Впервые в отечественной науке историческое прошлое крестьянства получило столь глубокое и многогранное освещение. Реконструировав историю крестьянства Киевской и Галицкой Руси, Новгородско-Псковской земли, Северо-восточной Руси и обрисовав особенности положения крестьян в этих областях, Борис Дмитриевич дал картину закрепощения их со времен Ярослава до середины XVII в., разрушив ряд старых представлений и показав, как общие законы развития феодальной формации проявились в многовековой истории крестьянства древней Руси. И здесь Борис Дмитриевич строил выводы не только на анализе письменных источников; но и широко использовал данные языкознания, археологии и других дисциплин, дал образец всестороннего освещения разрабатываемой проблемы.

По окончании Великой Отечественной войны, после установления народной демократии в южно- и западнославянских странах и с развитием связей с ними, Борис Дмитриевич включил в круг своих исследовательских интересов проблемы истории этих народов. Особое внимание он отдал сравнительно-историческому изучению древнейших памятников права — Винодольского и Полицкого статутов¹. Эти работы Б. Д. Грекова лишены специфической «историко-юридической» узости, они перерастают в живые и яркие характеристики общественного строя и быта страны. Так, исследование Винодольского статута вылилось в реконструкцию экономики и социального строя раннефеодального княжества на берегу Адриатики. Изучение славянских «прав» имеет огромное общетеоретическое значение; оно расширяет наши знания о жизни раннефеодального общества и позволяет проследить особенности его развития у славянских народов. В то же время в этих работах Бориса Дмитриевича намечены новые проблемы сравнительного изучения древнеславянского права.

Научные интересы Бориса Дмитриевича не ограничивались темами далекого прошлого. Он не раз подходил к разработке вопросов истории

---

¹ Винодольский статут об общественном и политическом строе Винодола. М.— Л., 1948. Полица. Опыт изучения общественных отношений в конце XV—XVII вв. М., 1951.

России в XVIII—XIX вв. Таковы его работы о хозяйственном состоянии России перед выступлением декабристов, по обследованию хозяйственных анкет XVIII в., о тамбовском хозяйстве М. С. Лунина в начале XIX в. и др.

В кругу разрабатывавшихся Борисом Дмитриевичем вопросов этой поздней поры следует особо отметить его историографические статьи. В работе о М. В. Ломоносове Борис Дмитриевич показал его значение для русской исторической науки, осветив новую сторону многогранной деятельности великого ученого, не оцененную в старой историографии¹. В статье о А. С. Пушкине Борис Дмитриевич очень тонко и вдумчиво раскрыл исторические воззрения поэта².

Замечательной чертой Б. Д. Грекова как советского ученого являлось постоянное совершенствование своих теоретических позиций, глубокое знание и применение в конкретном исследовании марксистско-ленинской теории. Интересна в этом смысле статья Бориса Дмитриевича «Энгельс и проблема родового строя у восточных славян»³, показывающая, как вдумчиво и творчески овладевал покойный ученый великим наследием классиков марксизма-ленинизма. Борис Дмитриевич живо откликался на указания партии по вопросам истории и идеологической работы, смело пересматривал в их свете свои взгляды, всегда показывая пример самокритического отношения к сделанному. Так, в связи с работой И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» Борис Дмитриевич по-новому рассматривает проблему генезиса феодализма и возникновения государства на Руси⁴.

Здесь же следует упомянуть статьи Бориса Дмитриевича о вкладе Ленина и Сталина в историческую науку⁵.

Наряду с неустанной личной исследовательской работой Б. Д. Греков отдавал много сил организации и редактированию многочисленных исторических трудов, журналов, учебников. Достаточно назвать академическое издание древнейшего кодекса русского права — «Русской Правды», материалов о вотчине боярина Морозова, о крепостной мануфактуре в России, по истории земледелия, по истории ряда советских республик, учебник истории СССР для вузов, журнал «Вопросы истории», «Исторические записки» и пр. Все научное наследие Б. Д. Грекова исчисляется внушительной цифрой — больше двухсот трудов⁶.

Свою научную деятельность Борис Дмитриевич умел соединять с большой педагогической работой, начавшейся еще в 1910 г. в Петербурге. Он был профессором Ленинградского и Московского университетов, возглавлял кафедру истории СССР в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

¹ Ломоносов — историк. «Историк-марксист», 1940, кн. 11.

² Исторические воззрения Пушкина. «Истор. записки», 1937, № 1.

³ Сборник статей к пятидесятилетию книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», М.—Л., 1936.

⁴ Генезис феодализма в России в свете учения И. В. Сталина о базисе и надстройке. «Вопросы истории», 1952, № 5.

⁵ В. И. Ленин и историческая наука. «Под знаменем марксизма», 1944, № 2—3; И. В. Сталин и историческая наука. «Вестн. АН СССР», 1950, № 1.

⁶ Подробный список научных трудов Б. Д. Грекова см. в сборнике «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». М., Изд. АН СССР, 1952 г., стр. 20—36.

Он нес свои знания и в широкую народную аудиторию, читая многочисленные публичные лекции в разных городах, выступая по радио, издавая популярные статьи и брошюры. Его специальные исследования тоже написаны так просто и живо, что доступны любому читателю. Это драгоценная и редкая черта — народность — характерна для всего научного творчества Бориса Дмитриевича.

Трудно представить себе, как мог Борис Дмитриевич, занятый множеством научно-организационных, педагогических и иных ответственных заданий, еще нести на своих плечах столь же большую общественную и государственную работу. Он был депутатом Московского и Ленинградского советов, депутатом Верховного Совета РСФСР и СССР, членом Президиума Славянского комитета СССР и заместителем председателя Советского комитета защиты мира. Он с честью нес и эти высокие обязанности, не раз участвуя в конгрессах сторонников мира за рубежом, посещая страны народной демократии и способствуя укреплению культурных связей с ними.

За научные труды, за огромную научно-организационную и педагогическую работу Б. Д. Греков был трижды удостоен высшей награды — Сталинской премии — и награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Широкой популярностью пользовались его труды и в странах народной демократии: он был избран членом Польской и Болгарской академий наук, Пражский университет присвоил ему звание доктора философии.

Выдающийся советский ученый, педагог, воспитавший несколько поколений историков, руководитель важнейших участков исторической науки, передовой общественный деятель академик Б. Д. Греков был человеком большой души, отзывчивым и чутким, неизменно приходившим на помощь товарищам своим доброжелательным советом или делом. Мы запомним Бориса Дмитриевича как старшего товарища, с неизменно живым интересом встречавшего все крупные события в области советской археологии, руководившего в последние годы отчетными пленумами нашего института. Его светлый образ всегда будет жить как образ ученого-гражданина, как пример беззаветного служения науке, народу, Родине.

орнамента, тогда как серебряные фигуры и узор контрастно и рельефно вырисовывались на черном фоне.

С XIII в. распространяется принцип выполнения рисунка жирным черневым контуром по блестящему светлому фону. Б. А. Рыбаков подчеркивает, что «чернь применялась исключительно для серебряных изделий»¹. Однако нахождение в большом количестве бронзовых энколпионов и боевых гирь к кистеням, покрытых черным узором, свидетельствует, что технической основой при отделке чернью может быть не только серебро, но и другие металлы: медь, бронза и даже железо.

Украшение черневым узором бронзовых изделий для мастера не составляло затруднения. При отливке в форме предмет получал специальные орнаментальные углубления. Мастер расчищал их резцом и создавал искусственную шероховатость — насечку для лучшего сцепления черневой массы с металлом. Предмет с нанесенным узором подвергался обжигу. Чтобы получить глубокий бархатистый тон черни, важно было не пережечь массу, иначе чернь получалась с металлическим отливом. При хорошем обжиге рисунок всегда выступает жирным контуром на блестящем золотистом фоне бронзы.

Иные приемы нанесения черни применялись при железной основе. Изменение в технике черни бесспорно происходит в связи с развитием инкрустации по железу, как и предполагал Б. А. Рыбаков².

В коллекции Львовского исторического музея находится боевая гиря к кистеню, на которой прослеживается совершенно новый прием нанесения черни на железную основу.

Эта гиря, найденная в с. Зеленче Тербовельского района Тернопольской области³, обычного типа; она грушевидной формы с массивной петлей для ремня на узком конце, но материал, из которого она сделана, техника изготовления и орнаментальная отделка заставляют отнести ее к разряду особых.

Техника изготовления распространенного типа боевых гирь к кистеню дана Б. А. Рыбаковым⁴, который подробно описывает изготовление формы по восковой модели и процесс литья, не учитывая, однако, того, что приведенная им медная боевая гиря не цельнолитая, как он предполагает, а состоит из двух частей. Медный корпус-футляр действительно отливался в форме, сделанной по восковой модели, но процесс отливки гораздо сложнее, чем описал Б. А. Рыбаков. Заполнение корпуса-футляра производилось другим металлом, более легкоплавким, более тяжелым и менее дорогим, чем медь.

В коллекции Львовского исторического музея имеется подобная боевая гиря⁵. Это типичная медная, грушевидной формы гиря к кистеню, богато орнаментированная чернью. Корпусная коробка на одной стороне проломлена острым предметом. Края пролома рваные, содержимое выплавлено. От ударов во время проломов чернь на этой орнаментированной стороне почти целиком выпала. Толщина корпусной коробки не одинакова в разных местах поверхности, в месте пролома она равна 0,5 мм. Внутренняя поверхность неровная. Заполнение другим металлом корпуса сохранилось плохо, кое-где видны следы подпайки (рис. 1—1, 2).

О наличии другого, более тяжелого металла в заполнении корпуса свидетельствует разница в весе между пустой корпусной коробкой гири (97,5 г) и другой боевой гирькой с заполнением (71 г). Несмотря на то,

¹ «История культуры Древней Руси», т. I, стр. 134.

² Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси, стр. 323.

³ Инв. № III 3045. Коллекция приобретена музеем в 1946 г. из частных рук.

⁴ Б. А. Рыбаков. Указ соч., стр. 249.

⁵ Инв. № III 966.

что последняя по размеру в три раза меньше боевой гири без заполнения, разница в их весе совсем незначительная — 16,5 г. Ясно, что достигнуть при малом объеме такого большого веса возможно лишь при заполнении футляра другим металлом, более тяжелым по удельному весу, чем медь.

Боевая гиря из Зеленча аналогичной формы, также грушевидная, но бóльших размеров (высота 71 мм, вес 268 г). Она отличается от обычного

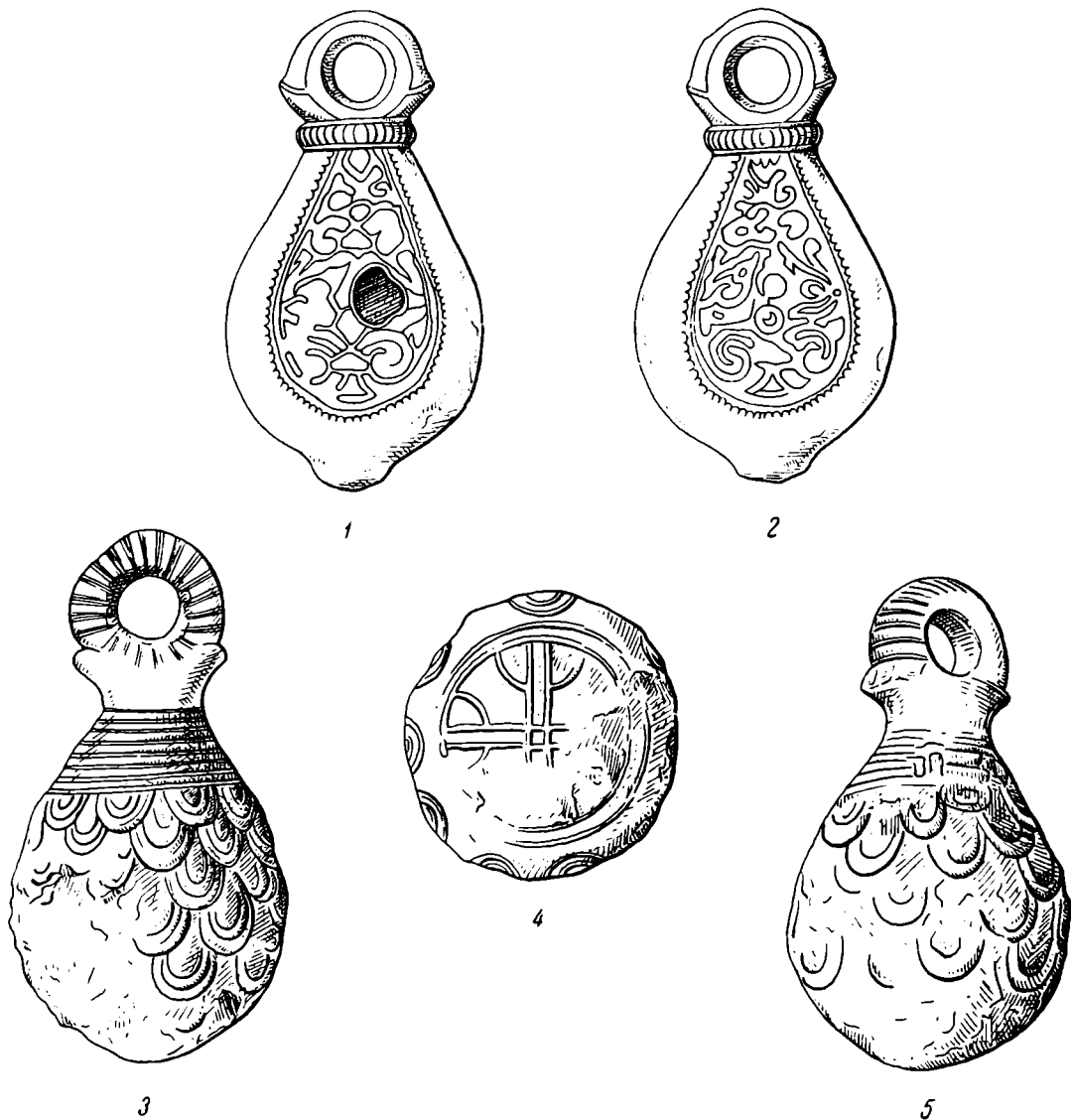

Рис. 1. Боевые гири из Львовского музея.

1, 2 — гиря инв. № III 966; 3 — 5 — гиря из Зеленча, инв. № III 3045

типа боевых гирь в первую очередь металлом: вместо меди взято железо. Возможно, что она не пустотелая с заполнением, а цельнолитая. Но главная ее особенность в богатой оригинальной орнаментации чернью. При работе над ней мастер применил два технических приема — инкрустацию и чернь (рис. 1—3—5).

Вначале предмет был отделан богатой серебряной инкрустацией. Техника ее обычна¹; хорошо видны прорезанные резцом первоначальные бороздки на железной основе там, где инкрустация выпала. Серебряная про-

¹ «История культуры Древней Руси», т. I, стр. 133.

волокна от расплющивания в углублении приобрела треугольную в сечении форму. Внешняя поверхность петли, шейка и верхняя часть гири отделаны инкрустацией в виде параллельных серебряных полосочек шириной в 1 мм. На петле их 20, на шейке и верхней части сохранилось 11. Средняя часть наиболее богато инкрустирована сложным орнаментом типа рыбьей чешуи. От нижней параллельной полоски выложено по окружности десять фестонов из парных серебряных линий с полутора миллиметровым расстоянием друг от друга. Второй, третий, четвертый и пятый ряды фестонов по окружности предмета выложены из трех серебряных полосок. Замыкается чешуйчатый орнамент в нижней части гири двумя концентрическими полосками, положенными отступя 2 мм от среднего орнаментального пояса и на таком же расстоянии друг от друга. Нижняя окружность перекрещена двумя парными параллельными линиями.

В местах пересечения параллельных полосок с концентрическими положено четыре полукруга с двумя параллельными линиями по середине каждого (рис. 1—4).

При накладке инкрустации в нижней части гири мастер не рассчитал центра, поэтому центр рисунка не совпал с центром предмета. Геометрически рисунок неточен, смещен на один бок. По нанесении инкрустации мастер применил второй, совершенно новый технический прием орнаментации — заполнение всей поверхности предмета между инкрустацией серебра черневой массой по железной основе. Прочному сцеплению черни с железом способствовали специально созданная мастером шероховатость поверхности и «оксидация» предмета; кроме того, серебряная инкрустация давала углубления, удобные для заполнения чернью. Таким образом, вся поверхность оказалась покрытой серебряной инкрустацией и заполнена черневой массой так, что железная основа была закрыта и внешне гиря ничем не отличалась от других предметов, сделанных из серебра и покрытых чернью.

Как видим, галицкие мастера украсили предмет соответственно современным им вкусам серебром и чернью, с успехом заменив серебряную основу железной, не нарушив художественных качеств предмета. Отделка вещи новым способом инкрустации с чернью на железной основе не уступает превосходным серебряным черненым изделиям, а по прочности, по крепости сцепления черневой массы с железом намного превосходит изделия из серебра. Чернь на боевой гире из Зеленча до сих пор прекрасно сохранилась и прочно держится на большей части поверхности. Выпадение черни и инкрустации — результат длительного пребывания предмета в почве, где в силу окисления разрушалась сама основа предмета. По нашему мнению, сравнительно хорошая сохранность находки — следствие консервации железной основы черневым и серебряным покровом.

Не представляет загадки, почему новый технический прием (нанесения черни на железную основу) нашел свое выражение на таком предмете, как гиря к кистеню. Перед мастером стояли две задачи: создать высокохудожественную вещь, отвечающую вкусам того времени, и сохранить прочность орнаментальной отделки на специфическом предмете, который по своему назначению подвержен ударам и сотрясениям. По исследованиям найденных при раскопках изделий с чернью известно, что сцепление серебряной основы с черневой массой, несмотря на специальную подготовку основы, не отличалось достаточной прочностью. Большинство предметов с чернью дошло до нас с сильным разрушением черневой массы (колты, браслеты и пр.). Если бы черневая масса могла прочно держаться на серебряной основе при выпуклой форме предмета, то мастер использовал бы обычный метод — обтянул бы боевую гирю листом серебра, как, например, декоративный топорик, приписываемый Андрею Боголюбскому, и разделал черневым орнаментом. Но при такой отделке боевой гири он не

достиг бы второго требования — прочности орнаментального рисунка. Нужна была иная техническая основа предмета, которая дала бы прочное сцепление с черневой массой и возможность отделки серебром. Такую основу представляет железо. Инкрустация серебром по железу — давно бытовавший на Руси ювелирный прием украшения, а заполнение пространств между инкрустацией черневой массой на железной основе — новый способ, давший блестящие результаты.

Законченный орнаментальный рисунок представлял собою чудесное сочетание тонкого узора серебром на черном бархатистом фоне. При всех трех вариантах орнамента черневая масса выступает фоном для серебряной инкрустации, но в то же время не является преобладающей на светлом контурном рисунке — между рисунком и фоном гармоничное равновесие.

Бытование такого приема техники черни, где фон преобладает над рисунком и играет вспомогательную роль, Б. А. Рыбаков ограничивает XII в. Так как на гире из Зеленча наблюдается равновесие между черневым фоном и серебряным рисунком, правда при ведущей роли рисунка, то и датировать его можно началом XIII в.

По нашему мнению, этот новый технический прием мог возникнуть лишь в начале XIII в., когда техника черни и инкрустации достигла высокого развития.

Преимущество техники черни наблюдается и в производстве декоративной керамики. Майоликовые плитки, служившие украшением для наружного и внутреннего убранства архитектурных сооружений, широко известны по археологическим находкам¹.

Галицкие мастера, используя богатый опыт мастеров Киева, Владимира, Белгорода, Старой Рязани, Гродно, внесли в эту отрасль свой вклад, создав новый тип декоративной керамики, который развивается под непосредственным влиянием мастерства владими́ро-суздальских камнерезов, создававших удивительную отделку в резном камне для архитектурных ансамблей². Галицкие мастера создают подобную облицовку, но не в камне, а в пластическом материале — глине. Это — декоративные облицовочные плитки с рельефным изображением птиц и зверей, подобные изображениям Дмитриевского собора³. Рельефный орнамент — это то новое, что внесли галицкие мастера в искусство декоративной керамики. Наиболее распространенный вид выполнения рисунка декоративной керамики — это нанесение по одноцветной эмалевой поливе многоцветного узора также слоем поливы. Примером такого способа украшений могут служить майоликовые плитки Боголюбовского дворца⁴ и Белгородские керамические плитки с эмалевым узором⁵. Галицкие мастера в производстве подобных плиток применили сочетание рельефного рисунка и заполнения фона эмалевой поливой, перенося элементы техники черни для большей контурности изображений.

При отделке предмета чернью по серебряной основе мастер предварительно углублял фон тиснением, давая рельефный рисунок, и только после этого фон заполнялся черневой массой. Так и в изготовлении некоторых декоративных глиняных плиток галицкие мастера первоначально в форме с углубленным орнаментом получали плитку с рельефным изображением. После просушки и обжига покрывали эмалевой поливой все углубления фона до уровня рисунка, не затрагивая его рельефа, и после вторичного

¹ М. К. Каргер. К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода. Тр. Всерос. Академии художеств, т. I, М.—Л., 1947; Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси, стр. 359—361.

² «История культуры Древней Руси», т. II, глава восьмая: Н. Н. Воронин, М. К. Каргер. «Архитектура», стр. 306—329.

³ Там же, стр. 322—324.

⁴ Там же, стр. 317, рис. 124.

⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси, стр. 350, рис. 98.

обжига получали декоративную плитку со своеобразной красочной орнаментацией. На блестящем темновишневом фоне поливы — матово-розовый рисунок.

Примером заимствования и перенесения техники черни ювелирного ремесла на гончарное служит декоративная глиняная плитка из г. Галича¹. Это обыкновенного типа декоративная плитка, первоначально, вероятно, квадратной формы, небольшого размера (10×8×2 см), оттиснутая в деревянной форме, но с рельефным тисненым орнаментом на темном фоне

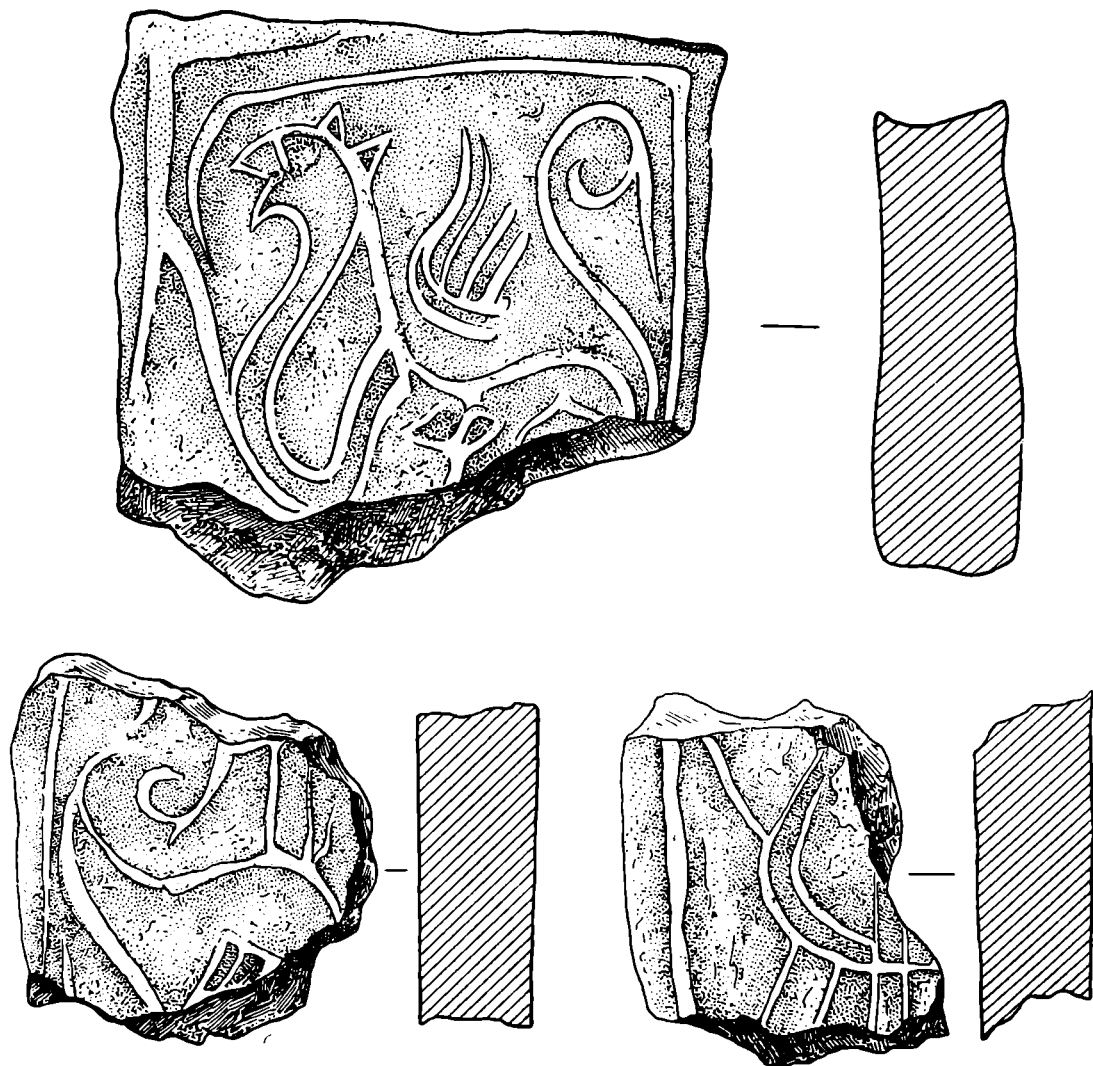

Рис. 2. Поливные керамические плитки.

поливы — изображением птицы, обрамленным квадратной рельефной же рамкой. Изображение расположено так, что заполняет всю поверхность плитки (рис. 2). В левом верхнем углу — голова птицы с большим клювом, бородкой и большим выразительным глазом. На голове два характерных хохолка в виде треугольников. Плавными округлыми линиями дано туловище. Крыло высоко поднято, состоит из четырех перьев. Туловище и крыло заполняют среднюю часть плитки. Хвост изображен в виде пальметты, расположенной в правом верхнем углу. Заполнение нижних углов можно только предполагать на основании двух аналогичных фрагментов другой плитки. Видны массивные ноги птицы и, возможно, декоративные

¹ Коллекция Львовского исторического музея, инв. № III1145/4.

пальметты. Как выше сказано, все пространство вне рисунка заполнено эмалевой поливой темновишневого цвета.

Из описания процесса изготовления плитки видно, что техника подготовки рельефного рисунка (оттиск в углубленной форме) и заполнения фона орнамента представляет удивительную аналогию с техникой заполнения черневой массой фона орнамента на серебряной основе.

Детальный анализ орнаментального рисунка поможет нам раскрыть элементы, послужившие галицким мастерам декоративной керамики исходным пунктом. По всем характерным признакам (два хохолка в виде треугольника на голове, борода, большой клюв, хвост пальметтой) мы видим типичное изображение грифа, которое имеет полную аналогию с парным изображением грифов на колте из Черниговского клада¹. Не только совершенно тождественны перечисленные основные признаки, но совпадают и отдельные детали, например туловище грифа, данное двумя линиями, ободок под шеей и форма крыла, подчеркнутые двумя линиями, второе крыло, идущее от груди птицы, пальметтообразный хвост, мощные деформированные, состоящие из двух линий лапы.

Конечно, мастер внес много своего, исходя из задач заполнения квадратной площади одним грифом. Но такое разительное сходство в технике и характере рисунка — светлыми тонами на темном фоне — возможно только при условии бытования предметов с чернью типа черниговских колтов на территории Галича.

Так как рельефные декоративные плитки из Галича аналогичны по тематике орнамента (птицы, звери) рельефным изображениям Дмитриевского собора Владимира (1197 г.), то и их можно датировать концом XII в. Эту возможную дату до некоторой степени подтверждает перенесение элементов техники черни типа, бытовавшего до конца XII в.

* * *

Ярким примером развития культуры феодальных княжеств на богатой основе культуры Киевской Руси, с проявлением местных особенностей, является развитие искусства черни и декоративной керамики с рельефным орнаментом в Галиче в конце XII — начале XIII в.

Широко используя достижения мастеров черни Киевской Руси, галицкие мастера создают новый тип черневой отделки на новой технической основе — железе. В художественном отношении их изделия не уступали серебряным вещам с чернью, а в прочности орнаментальной отделки превосходили их. Примером такой техники может служить боевая гиля к кистеню из Зеленча.

Широкое использование и распространение изделий с чернью типа черниговских колтов способствовало перенесению элементов техники черни в декоративную керамику. Галицкая декоративная керамика с рельефным орнаментальным изображением птиц и зверей развилась в непосредственной связи с белокаменной резьбой типа украшений Дмитриевского собора во Владимире.

Это еще раз подтверждает культурную связь Галицко-Волынского княжества с Владимиро-Суздальской землей в период феодальной раздробленности.

---

¹ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА СССР, № 11, 1949, стр. 59, рис. 26.

П. А. РАППОПОРТ

ДРЕВНЕРУССКИЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ СЫРЦОВОЙ КЛАДКИ

Киевский археолог В. В. Хвойка, проводя в 1909 г. археологические раскопки в м. Белгородке (Киевская обл.), обнаружил в валах Белгородского городища чрезвычайно своеобразную и совсем неизвестную конструкцию. Открытие заинтересовало Киевский отдел Русского военно-исторического общества, и в 1910 г. на средства общества В. В. Хвойка произвел исследование этих конструкций.

К сожалению, В. В. Хвойка не опубликовал отчета об этой работе. Результаты раскопок известны лишь по статье Н. Д. Полонской и краткому описанию в приложении к работе В. В. Хвойки «Древние обитатели среднего Приднепровья»¹. Все же и эти сведения дают достаточно ясное представление о конструкции валов Белгородского городища.

В основе валов находились бревенчатые трехстенные срубы, плотно забитые землей и расположенные рядом по всей линии валов. С передней стороны (т. е. со стороны, обращенной к противнику) к срубам примыкала конструкция из деревянных стоек, соединенных с ними и между собой лежнями. Получившиеся таким образом клетки были заполнены сырцовой кирпичной кладкой.

В. В. Хвойка датировал обнаруженные им сооружения временем князя Владимира Святославича, т. е. концом X в.

Устройство древнерусских оборонительных сооружений вообще изучено еще очень слабо, а конструкции такого раннего для русской истории периода, как X век, по существу совершенно не известны. Естественно, что исследования в Белгородке выдвинули этот памятник на одно из важнейших мест в истории древнерусского военно-инженерного искусства. В литературе по вопросам истории культуры древней Руси, или, более узко, истории русской фортификации, конструкция Белгородских валов начала приводиться в качестве типичного примера устройства оборонительной системы древнерусского города.

Между тем этот тип обнаружен лишь в одном памятнике — в Белгородке. Ни в каком другом древнерусском городище подобной конструкции не было известно. Кроме того, датировка, предложенная В. В. Хвойкой, вызвала серьезные сомнения, так как не была достаточно обоснована

---

¹ Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойки 1909—1910 гг. в м. Белгородке. Тр. Моск. комитета по устройству XV археол. съезда, М., 1911; В. В. Хвойка. Древние обитатели среднего Приднепровья. Киев, 1913.

археологическим материалом¹. Особенно дискредитировало древность Белгородских валов то, что В. В. Хвойка принимал за древние не только конструкции, раскопанные внутри валов, но и остатки дерева (следы частыкола и, повидимому, башен), обнаруженные на вершине валов. Но если можно предположить, что бревна, будучи плотно забитыми глиной, могли сохраниться в течение тысячи лет, то совершенно невероятно, чтобы от бревен, находящихся на поверхности земли, могли за это время сохраниться какие-нибудь следы². Между тем известно, что Белгородка считалась в XVII в. «укрепленным городком», а в описи 1686 г. в ней указан «на земляном валу острог и тот острог сгорел и вал во многих местах развалился»³.

Таким образом, не предрешая вопроса о древности самой конструкции Белгородских валов, можно уверенно говорить, что остатки дерева на поверхности валов относятся не к X, а к XVII в.

Значение Белгородских укреплений для истории русского военно-инженерного искусства настолько велико, что уточнение датировки, предложенной В. В. Хвойкой, а также поиски подобных конструкций в других памятниках являлись чрезвычайно важными для выяснения вопросов развития древнерусских крепостей.

Разведка в 1951 г. дала материалы, позволяющие уже несколько определеннее ставить вопрос о роли конструкции валов типа Белгородки в истории русской фортификации.

На мысу, возвышавшемся над поймой р. Стугны, у села Заречье (б. Ханбиково) Киевской обл., находится небольшое городище⁴. От прилегающего плато оно отделено рвом. С этой же стороны рядом со рвом находится вал, сохранившийся в настоящее время на высоту около 2 м и имеющий в длину 65 м. С остальных сторон городища вала нет.

Прорезка вала выявила очень своеобразную конструкцию его (рис. 3—1). Находящийся в основании темный гумусный слой, отмечающий уровень древней поверхности земли, не включает никаких культурных остатков. На древней поверхности насыпан слой темносерой земли, выравнивающий площадку и делающий ее приблизительно горизонтальной. На площадке сооружен земляной вал из трех прослоек земли разного цвета.

С напольной стороны перед земляным валом находится стенка, сложенная из сырцовых кирпичей (рис. 4). Основой ее служил деревянный каркас, состоявший из столбов прямоугольного сечения (20 × 11 см), соединенных между собой горизонтальными связями (доски толщиной ок. 5 см). Столбы стоят на уровне низа кирпичной кладки. Повидимому, они

¹ Опубликовавшая материал белгородских раскопок Н. Д. Полонская отмечала: «На мой взгляд, вопрос о точной датировке укреплений в Белгороде не может считаться решенным до тех пор, пока не будет произведено более детальное исследование как этих укреплений, так и сохранившихся валов в Вышгороде и Василькове, относящихся к той же эпохе». Труды Моск. комитета по устройству XV археол. съезда. М., 1911, стр. 57.

² Остатки деревянных сооружений на гребне валов Белгородского городища были отмечены еще задолго до В. Хвойки. См., например, статью А. Савельева «Следы древней крепости в м. Белгородке». Инж. журнал, 1890, № 12, стр. 219.

³ Опись 1686 г. см. Архив юго-западной России, ч. 7, т. I. Киев. 1886 стр. 522. Укрепленным городком называет Белгородку в 1659 г. Андрей Целларий (Сборник материалов для исторической топографии Киева. Киев, 1874, отд. 2, стр. 99). Как крепость показана Белгородка и на карте Боплана середины XVII в., см. В. Г. Лясковский и Гильом Левассер де Боплан. Киев, 1901.

⁴ Городище это коротко упоминает Л. Добровольский, ошибочно называя его Берковым городком, по названию русского форпоста XVIII в., находящегося поблизости (см. «Военно-исторический вестник», 1912, № 1—2, стр. 173). Публикуя материалы разведки 1950 г., автор вслед за Л. Добровольским также называл это городище Берковым городком. См. КСИИМК, вып. XLI, стр. 115. План и описание городища см. П. А. Раппопорт. Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья.

были установлены на предварительно закопанные сваи, от которых сохранились лишь пустоты с круглым сечением в плане. Горизонтальные связи расположены перпендикулярно друг к другу и находятся в двух ярусах — первый на уровне низа кирпичной кладки и второй приблизительно на 1,4 м выше. Вблизи мест пересечения связей обнаружены железные костыли — гвозди 16—18 см длиной, квадратные в сечении (приблизительно 1×1 см).

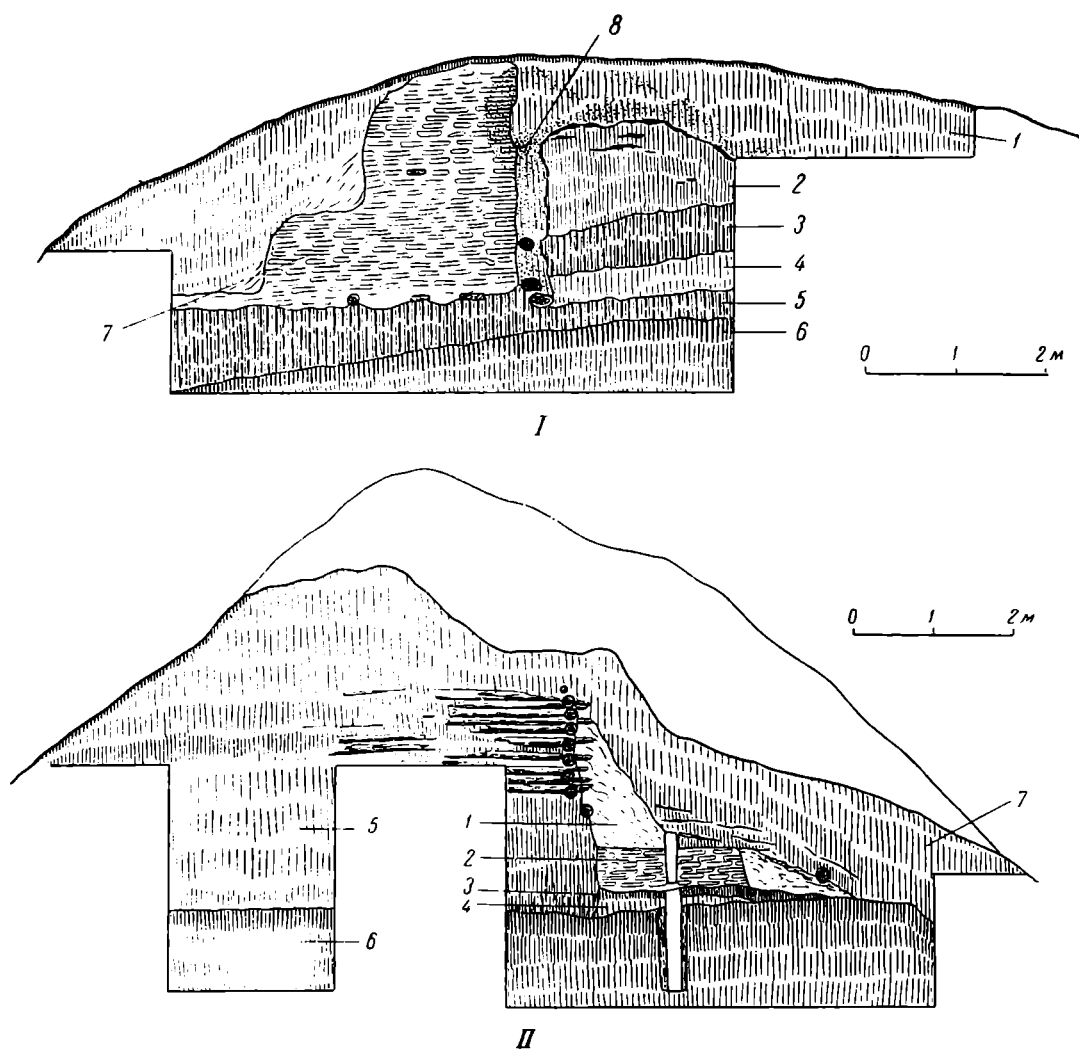

Рис. 3. Древнерусские оборонительные конструкции.

I — разрез вала на городище у с. Заречье; 1 — светлосерая земля с включениями глины; 2 — серая насыпная земля с пятнистыми включениями и углями в верхней части; 3 — темносерая земля с пятнами светлой глины; 4 — светлосерая земля; 5 — темносерая земля с включениями глины; 6 — темный гумусный слой, постепенно переходящий внизу в материковую глину; 7 — сырцовая кладка; 8 — обожженная глина. *II* — разрез вала детинца в с. Белгородке. 1 — глина с кусками сырцовых кирпичей; 2 — сырцовая кладка; 3 — черная земля; 4 — желтая земля; 5, 7 — гумусированная глина; 6 — культурный слой, постепенно переходящий внизу в желтую материковую глину

Лицевая сторона кирпичной стенки имеет уступ. Между задней стороной и земляным валом обнаружена щель шириной ок. 0,3 м. В щели — обгорелые бревна, а сама она заполнена мелкими комками покрасневшей от действия огня глины. Здесь, повидимому, находилась какая-то деревянная конструкция, вероятнее всего стенка сруба, впоследствии сгоревшая. Нижнее бревно, на самом дне щели, обгорело только с верхней стороны.

На земляном валу, повидимому, также существовала деревянная конструкция, так как вся поверхность его покрыта слоем угля, а выше лежит

значительный слой комков обожженной глины. Огонь, уничтоживший это сооружение, был настолько силен, что сырцовая кладка со стороны, обращенной к валу, оказалась прокаленной почти до состояния обожженного кирпича на глубину ок. 0,3 м.

Сырцовая кладка очень однородна. Кирпичи сделаны из белой каолиновой глины и имеют длину 41—42 см, ширину 23—24 см и толщину 5—5,5 см. Горизонтальные ряды кладки хорошо выдержаны, швы почти всюду перевязаны. Вертикальные швы в кладке, как правило, толщиной 2—3 см, а горизонтальные ок. 5 см. Связующее, на котором велась

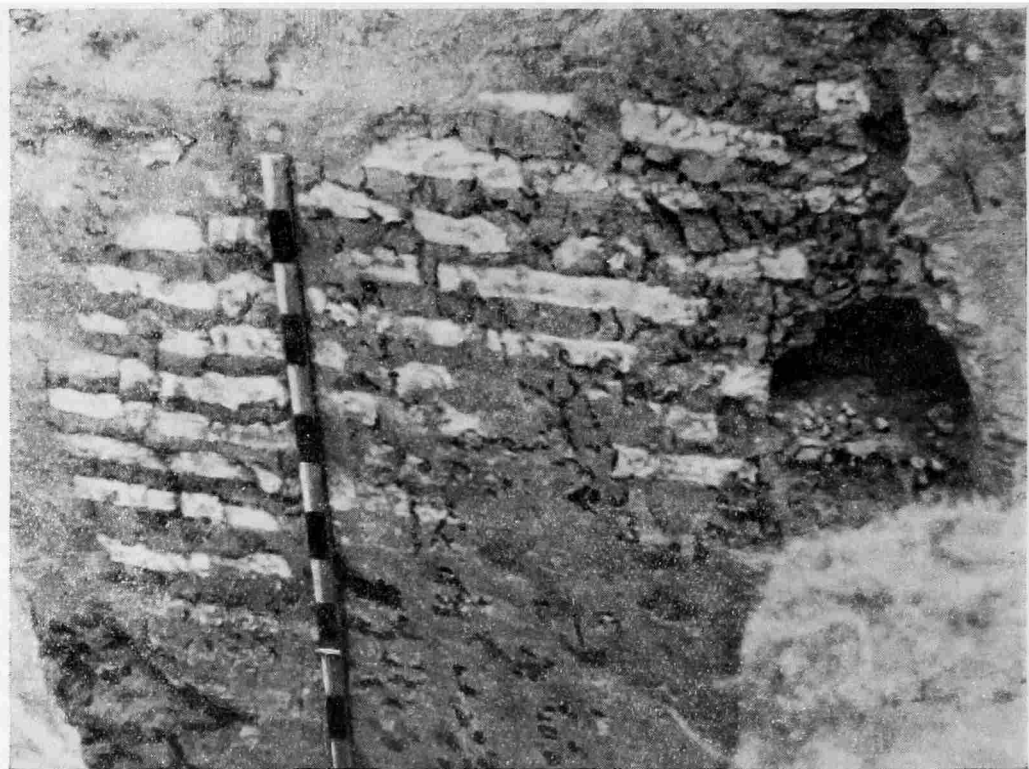

Рис. 4. Сырцовая кладка в конструкции вала на городище у с. Заречье

кладка, — светлокорицевая глина со значительной, но, повидимому, естественной примесью песка.

Столбы и связи каркаса, так же как и бревна, лежащие в щели, дубовые. Продуманное сочетание столбов и лежней деревянного каркаса с кирпичной кладкой свидетельствует о том, что постройка производилась одновременно и согласованно.

Таким образом, на городище у с. Заречье конструкция оборонительной системы состояла из невысокого земляного вала, повидимому, заключенного в бревенчатые срубы (т. е. представлявшего собой земляную забивку срубов), и из расположенной перед ним сырцовой стенки. На вершине вала, вероятно, находилась деревянная стена.

Обнаруженный на городище подъемный археологический материал составляет керамика, целиком относящаяся к X—XI вв., хотя на расположенном рядом селище имеется, кроме того, материал XII в., а быть может, даже и XIII в. В шурфах, заложенных на городище, встречены находки, также относящиеся исключительно к X—XI вв.

Однако интересная особенность городища не просто в отсутствии на нем более поздних материалов, но и в полном отсутствии следов каких-либо переделок оборонительной системы. Есть основание связывать городище у

Заречья с известием летописи о постройке князем Владимиром Святославичем в конце X в. «городов» по Стугне и другим южнорусским рекам. К этому же времени, возможно, и относится сооружение рассмотренной оборонительной конструкции.

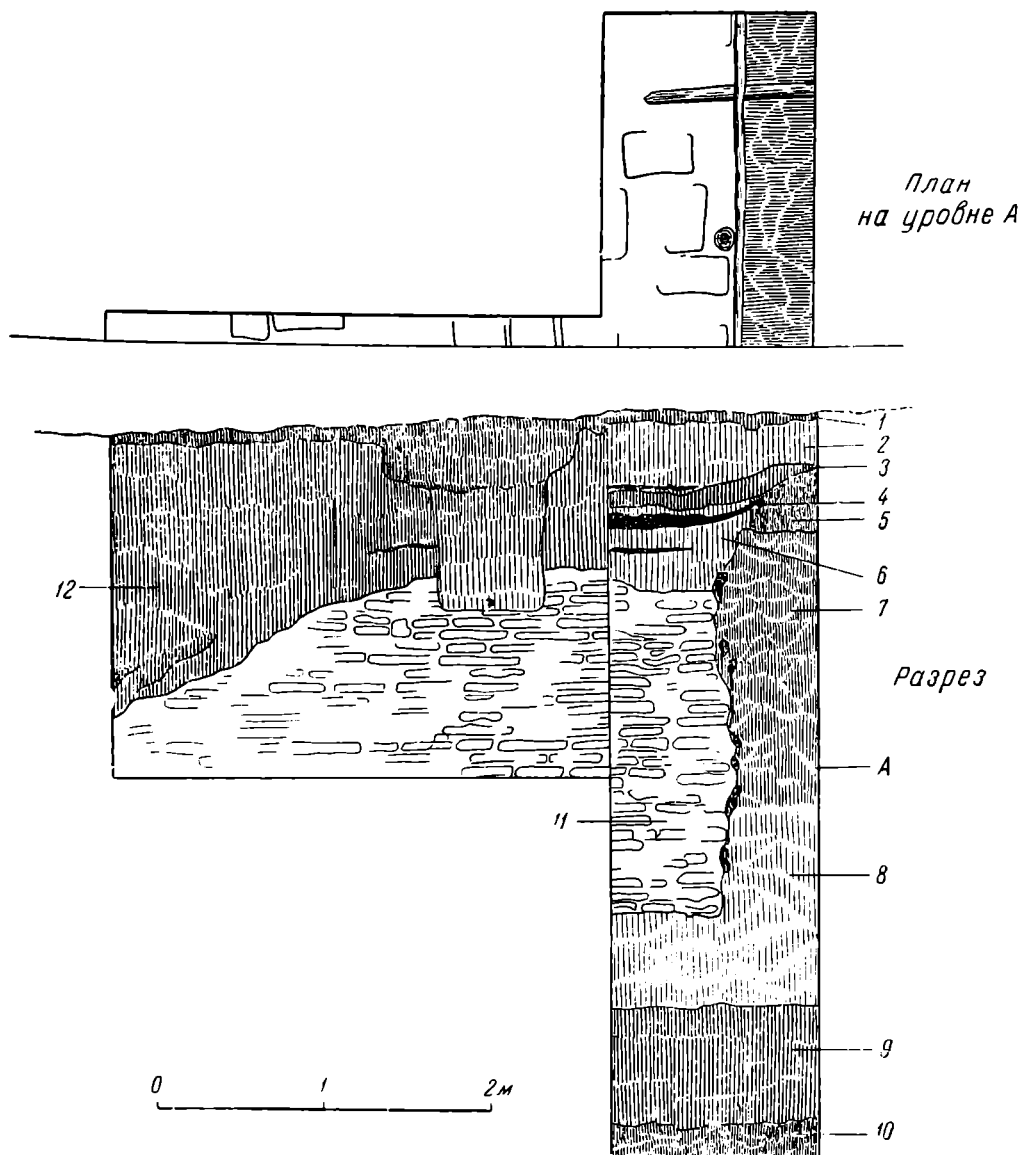

Рис. 5. Зачистка обреза вала в г. Переяславе-Хмельницком.

1 — дерновый слой; 2 — серая земля; 3 — мусор; 4 — уголь; 5 — желтая глина; 6 — серая земля; 7 — темная земля с пятнами глины; 8 — светлая земля с пятнами глины; 9 — культурный слой; 10 — материковая глина; 11 — сырцовая кладка; 12 — черная земля с мусором

Во время разведочных раскопок в 1945 г. Б. А. Рыбаков обнаружил сырцовую кладку в конструкции валов детинца древнего Переяславля (теперь город Переяслав-Хмельницкий)¹. Зачистка вала, сделанная в 1951 г., позволила составить представление об основной схеме конструкции (рис. 5).

На культурном слое, толщиной ок. 0,7 м, была сделана глино-земляная засыпка. На 60-сантиметровой засыпке расположена сырцовая кладка

¹ Б. А. Рыбаков. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1945 г. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, 1949, стр. 23.

высотой около 2 м. В зависимости от сорта глины кирпичи кладки разного цвета — белые, красно-коричневые, голубовато-серые. Глина довольно тощая, с примесью мелкого песка, а в некоторых случаях очень мелких раковин. Связующее в кладке — коричневая глина со значительным количеством мелких включений каолина. Кирпичи в большинстве случаев неправильной формы, кладка небрежная, почти без перевязи швов. Швы тонкие: горизонтальные 1—1,5, вертикальные до 3 см. Горизонтальные ряды кладки все же большей частью выдержаны, а сами кирпичи более или менее одинаковых размеров: длина 39—43 см, ширина 23—29 см, толщина 5—7 см.

Повидимому, как и на городище у с. Заречье, сырцовая кладка имела деревянный каркас, так как в нижних частях ее обнаружен железный костыль, очевидно скреплявший брусья каркаса.

С тыльной стороны к кладке примыкает дубовый сруб, плотно забитый землей. Продольная стенка его, идущая вдоль вала, сложена не из круглых бревен, а из лежащих на ребре плах. Поперечная стенка бревенчатая. В отличие от вала на городище у с. Заречье, земляная забивка сруба в Переяславе несколько возвышается над уровнем кладки.

Лицевая сторона сырцовой кладки образует понижающуюся линию, повидимому, по форме древней лицевой поверхности вала. Выше этой наклонной линии кладки идет мощный слой темной насыпной земли, в которой встречаются культурные остатки, относящиеся к X—XIII и XV—XVII вв. На стрелке у слияния рек Трубежа и Альты насыпной слой образует большое расширение, в значительной части уже срытое. Нет сомнения, что это остатки «больварка» — круглого бастиона, построенного здесь при Мазепе в 1700 г.¹ Возведение «больварков», а также уничтожение больших участков вала при постройке жилых и хозяйственных сооружений в XIX и XX вв. настолько исказили древний вал, что его первоначальное направление удастся проследить с большим трудом. Зачистка нескольких обрезов вала и специально заложенный шурф показали, что в районе слияния Трубежа и Альты древний вал проходил по самому краю надпойменной террасы этих рек.

Если в засыпке мазепинских «больварков» в большом количестве встречаются различные культурные остатки, то в сырцовой кладке вала и в забивке его дубовых срубов никаких предметов не найдено. В культурном слое под валом, в месте зачистки обреза и в шурфе, обнаружены фрагменты керамики X—XI вв.² Культурный слой в Переяславе-Хмельницком, как правило, насыщен находками, датируемыми XVI—XVII вв., а ниже в большом количестве встречаются предметы XI, XII и XIII вв. Поэтому найденная в культурном слое под валом керамика, целиком относящаяся к X—XI вв., и отсутствие более поздних наслоений свидетельствуют о том, что и вал был, повидимому, сооружен не позднее этого же времени, т. е. до XII в.

В 1951 г. для проверки сведений В. В. Хвойки в с. Белгородке был зачищен торец вала в восточной части окольного города (в том месте, где вал прорезан дорогой) и прорезан вал детинца в его юго-восточной части. Устройство вала окольного города в общих чертах совпадает с данными

¹ Место этого углового «больварка» хорошо видно на старинных планах города, например на плане 1852 г. См. в Архиве ИИМК (ф. 1, д. № 254 за 1900 г.) планы между лл. 10 и 11. Описание «Переяславской фортеции» 1718 г. см. А. З. Мышляевский. Крепости и гарнизоны южной России в 1718 г. (СПб., 1897, стр. 20), а также Донесения о древнейших памятниках, составленные по губерниям в первой половине XIX в. Архив ИИМК, ф. 6, д. № 51, ч. VI, л. 63; ф. 6, д. № 52, ч. 2, л. 449.

² Там же найдены единичные фрагменты керамики эпохи «полей погребений».

В. В. Хвойки, с той разницей, что в действительности оно оказалось не таким правильным и аккуратным, как показано на чертежах 1910 г.

В основании вала находится культурный слой толщиной ок. 0,3 м. На нем лежит слой желтой глины, но не равномерно под всем валом, как указано на чертеже В. В. Хвойки, а в основном — под срубом. Сырцовая кладка расположена на 30—40-сантиметровом слое глины, сильно перемешанной с землей. Такой же глиной, смешанной с землей, забиты и дубовые срубы, составляющие основу вала.

С лицевой стороны к срубам примыкает сырцовая кладка. Кирпичи ее сделаны из светлоричневой глины и уложены на коричневой глине. В кладке сохранились бревна деревянного каркаса. Столбы каркаса были закопаны в глину приблизительно на 0,3 м ниже основания кладки, т. е. почти до уровня культурного слоя. Кроме вертикальных стоек и горизонтальных связей, в деревянном каркасе обнаружены и наклонно расположенные брусья. Брусья и бревна соединялись между собой железными костылями.

Конструкция вала детинца оказалась несколько отличной от вала окольного города (рис. 3—II). Здесь на культурном слое, который книзу постепенно переходит в материковую глину, расположен насыпной слой темной гумусированной глины. На высоте ок. 1,3 м на этом слое находится трехстенный дубовый сруб, забитый такой же гумусированной глиной. С лицевой стороны вала перед срубом, непосредственно на культурном слое, расположены прослойки желтой глины и черной земли, а на них — сырцовая кладка. Она очень невелика, ее ширина ок. 1,8 м при высоте 0,5 м, т. е. шесть рядов кирпича. Кирпичи уложены довольно аккуратно и большей частью даже с перевязью швов, хотя сами они далеко не все имеют правильную форму. Наряду с целыми, в кладке широко использовались и куски кирпичей.

Сырцовые кирпичи сделаны из светлоричневой лёссовидной глины и уложены на такой же глине, но более темного цвета и с несколько большей примесью песка¹. Размер кирпичей: длина 41—42 см, ширина 23—24 см, толщина 6—6,5 см. Толщина швов, горизонтальных и вертикальных, 2 см.

Под кладкой в материковый грунт были закопаны (через каждые 1,4 м вдоль линии вала) столбы длиной ок. 1,3 м и диаметром ок. 0,36 м. Бревна отесаны топором и поэтому многоугольные в сечении. Столбы не сохранились — дерево полностью сгнило, но отпечатки их видны в земле чрезвычайно отчетливо. Верх столбов находился на уровне низа кладки. Сверху они были перекрыты тонкой прослойкой глины, а над ними в кладке были расположены вертикальные квадратные брусья, соединенные друг с другом лежнями — досками. Повидимому, для скрепления этого деревянного каркаса использовались железные костыли, так как на дне ямы, оставшейся от одного из столбов, найден кованый железный гвоздь длиной ок. 13 см. Сверху кладка была забита глиной с большим количеством кусков сырцовых кирпичей.

В культурном слое под валом обнаружены фрагменты керамики X—XI вв. Учитывая, что в Белгородке имеется значительный культурный слой XII—XIII вв., а также и более поздние напластования XVI—XVII вв., отсутствие таких более поздних находок под валом (причем и в окольном городе и в детинце) свидетельствует о довольно раннем времени сооружения вала, повидимому, также в X—XI вв.

Несмотря на некоторое различие в деталях, общий принцип устройства валов в Заречье, Переяславе и в Белгородке одинаков. Во всех случаях

¹ В ямах на наружной стороне вала детинца кое-где видно, что, кроме коричневых кирпичей, в сырцовой кладке использованы и кирпичи из белой глины.

к основному валу, представляющему собой ряд забитых землей деревянных срубов, примыкает с лицевой стороны стенка, сложенная из сырцовых кирпичей и имеющая деревянный каркас.

Помимо совпадения общей системы конструкции, на этих городищах можно отметить и ряд совпадающих деталей. Например, размер сырцовых кирпичей на всех трех памятниках почти совершенно одинаков: длина 41—42 см, ширина 23—24 см, толщина 5—7 см. В Заречье кладка наиболее аккуратная, размер кирпичей более точно выдержан. В Белгородке точность уже меньшая, наряду с целыми кирпичами, часто используется кирпичный бой. В Переяславе кладка наименее аккуратная, размеры кирпичей варьируют гораздо больше, причем здесь даже с внешней стороны кладка производит впечатление очень небрежной, вследствие использования кирпичей, сделанных из разных сортов глины.

Совершенно одинаков во всех трех памятниках принцип устройства каркаса в сырцовой кладке и даже способ скрепления стоек и лежней каркаса железными костылями, т. е. коваными железными гвоздями, квадратными в сечении, со сторонами 8—11 мм и длиной 13—17 см. В Заречье и Белгородке совпадает даже такая деталь, как установка стоек каркаса не непосредственно на грунт, а на предварительно закопанные в землю сваи.

Близость, а порой полное совпадение строительных приемов свидетельствует, что все отмеченные сооружения, т. е. укрепления в Заречье, Переяславе и Белгородке, относятся к одному времени. Археологический материал подтверждает это предположение. Правда, ни в одном из трех памятников не было обнаружено данных, позволяющих с полной уверенностью датировать их определенным веком, но все же во всех случаях наиболее вероятной датировкой являются X—XI вв.¹

Повидимому, не случайно, что сырцовая кладка в конструкции валов была обнаружена в памятниках, связанных с именем князя Владимира Святославича. Так, по свидетельству летописи, «города» по Стугне были построены в 988 г., укрепления Белгорода заложены в 991 г., а Переяслава в 992 г.²

Видимо, оборонительные конструкции с применением сырцовой кладки являются действительно характерными для русской фортификации конца X века.

К сожалению, конструкции подобного типа пока известны лишь на трех памятниках³. Поэтому вопрос об их происхождении, широте распространения и причинах исчезновения еще не может быть разрешен из-за недостаточности материала.

---

¹ Недостаточная изученность хронологических изменений русской керамики домонгольского времени не позволяет использовать этот материал для большего уточнения датировки.

² Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 83 и 85.

³ Имеются довольно неопределенные сведения о кладке из сырцовых кирпичей, найденной Д. В. Милеевым в 1919 г. на склоне горы вблизи Десятинной церкви в Киеве (прибавление к вып. 32 ИАК, стр. 132). Быть может, эта кладка представляла собой сползшие по склону остатки конструкции древнего киевского вала эпохи князя Владимира.

В. В. КОСТОЧКИН

РУССКИЕ ВОЕННО-ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ XVI ВЕКА У УСТЬЯ РЕКИ НАРОВЫ

Устье реки Наровы, где расположен поселок Нарва-Йыэсу (Усть-Нарва), отстоит от города Нарвы всего лишь на 12 км. Окаймленный с одной стороны сосновыми и березовыми лесами, с другой — песчаной отмелью, этот песок примыкает к южному берегу Финского залива и тянется вдоль так называемой Наровской губы.

Пятьсот лет назад территория, которую теперь занимает поселок, была под властью Ливонского ордена. Воды Наровы отделяли ее от Московского великого княжества, которое при Иване III вступило на международную арену и заняло почетное положение в Европе. Северный участок западной границы, отделявшей в XV в. Русское государство от захваченной немцами Ливонии, в состав которой входила и территория Нарва-Йыэсу, проходил по р. Нарове, соединяющей Чудское озеро с Финским заливом. В 1492 г. на этой границе, против Нарвы, по приказу Ивана III были воздвигнуты каменные твердыни крепости Ивангород: «В лето 7000 ... Тоя же весны, повелением великого князя Ивана Василиевича всея Руси, заложил град на Немецком рубежи против Ругодива города немецкого, на реце на Нарове, на Девичье горе на Слуде, четвероуголен; и нарече ему имя Ивангород»¹.

Вскоре после постройки крепости около нее образовалось «Ивангородское окологородье», которое вошло в состав Ивангородского уезда. Последний занимал северную часть Шелонской пятины и, гранича с псковскими землями, с ямским «окологородьем» и Ливонией, узкой полосой тянулся вдоль восточного берега Наровы от устьев рек Плюсы и Пяты до морского побережья.

Переписная оброчная книга Шелонской пятины 1498 г. указывает, что на самом краю Ивангородского уезда, там, где воды Наровы и Росоны, соединяясь, вливаются в море, шестью годами позже постройки Ивангорода уже существовало русское поселение — «село Норовское»: «В Ивангородском же уезде на усть Норовы и Росоны, у моря, великого князя село Норовское»².

Место расположения села отмечено на «карте погостов» А. М. Андрия-

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 224. Подробнее о крепости см. наши работы «Крепость Ивангород», МИА, № 31, стр. 224—317 и «Архитектура Ивангородской крепости». Архитектура СССР, № 2, 1953, стр. 19—25.

² НПК, т. IV, СПб., 1886, стр. 230.

шева; оно находилось на левом берегу Росоны, на мысу при слиянии ее с Наровой¹.

Село было довольно большое; та же оброчная книга указывает, что «всех дворов в Норовском 62, а людей в них 71 человек»². О значительных размерах Норовского свидетельствует и упоминание о нем как о селе и то, что оно было в шесть раз больше двух деревень, расположенных за пределами Ивангородского посада и состоявших в общей сложности из десяти дворов и тринадцати жителей³.

Находясь у самого устья Наровы, рядом с Финским заливом, с. Норовское было своего рода воротами древней Руси; оно встречало торговые караваны, плывшие по Балтийскому морю, Нарове и Чудскому озеру к рекам русской равнины. Расположение села у начала водного пути давало возможность его жителям заниматься не только рыболовством и земледелием. Норовцы, прекрасно знавшие речное устье, вводили русские и иностранные корабли в Нарову и выводили их в воды Балтики. Большое число домов, имевшихся в с. Норовском в 1498 г., дает возможность предполагать, что жители держали еще и постоянные дворы для торговых людей, плывших вверх и вниз по Нарове. Являясь связующим звеном между балтийскими городами и землями древнерусского севера, Норовское было крайним русским населенным пунктом на северо-западе Московского государства. Оно держало под своим наблюдением вход в Нарову и было сторожевым форпостом, предохранявшим Ивангород от неожиданного нападения с моря.

Однако Норовское было не единственным селением у устья р. Наровы. В XVI в. рыбацкие постройки, в которых хранились различные рыболовные снасти, существовали и на левом (западном) берегу устья Наровы, там, где в настоящее время находится поселок Нарва-Йыэсу. Эти постройки появились только в начале XVI в. К этому времени крепость Ивангород, взяв под контроль нижнее течение Наровы, положила конец немецкому хозяйничанью в водах пограничной реки, что заставило в 1503 г. нарвского гермейстера издать приказ, в котором указать, что рыболовство, стесняемое присутствием Ивангорода, «с настоящего времени должно производиться при устье реки Наровы в открытом море, и для этой цели на суше должны строиться хижинны и домики для высушивания сетей и тенет»⁴.

Надо думать, что к тому времени, когда из «хижин и домиков» образовалась небольшая рыбацкая деревушка, село Норовское превратилось в еще более крупный населенный пункт. Вместе с Ивангородом, укрепления которого русский народ противопоставил Нарве и ее замку, этот пункт играл видную роль в стратегической обороне русской границы.

В 30-х годах XVI в., когда в целях внешней и внутренней безопасности перестраивались и возводились военно-оборонительные сооружения в ряде русских городов, в частности укреплялись Новгород и Псков, строились стены московского Китай-города и возводились «города» Себеж и Балахна, близ села Норовского выросло первое русское укрепление. Известия о его появлении имеются в ливонских документах. Так, 9 апреля 1536 г. из Нарвы в Ревель было отправлено письмо, в котором, по свидетельству Г. Гильдебранда, сообщалось, что «на самом узком месте реки великий князь хочет поручить итальянскому (? — В. К.) строителю устроить укрепление,

¹ См. А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг., т. II. Карты погостов.

² НПК, т. IV, стр. 232.

³ Там же, стр. 230.

⁴ Н. I. Hansen. Geschichte der Stadt Narva. Derpt, 1858, стр. 35; И. А. Зальцман. Курорт Усть-Нарва в историческом, топографическом и санитарно-медицинском отношении. СПб., 1897, стр. 5.

которое командовало бы въездом»¹. Правда, Г. Гильдебранд, кратко изложив содержание документа, указал только место предполагаемой стройки («узкое место реки»), не пояснив, какая это река и что за «въезд», которым укрепление будет «командовать». Может быть, таких данных и не имелось в подлиннике². Однако если говорится о реке, то под «въездом» надо подразумевать ее устье. Поскольку же письмо было отправлено из города Нарвы, а около него протекает только одна река, следовательно, речь идет именно о реке Нарове. Отсюда ясно, что «укрепление» должно было строиться поблизости от Наровского устья. Это подтверждается и документом, посланным в Ревель 19 августа 1536 г. В нем, указывает Г. Гильдебранд, Дерпт сообщал Ревелю, что он приглашен епископом высказаться по поводу целесообразности отправки письма, в котором Любек пишет «великому князю относительно постройки, предпринятой при устье Наровы»³. Но в первой половине XVI в. р. Нарова еще продолжала оставаться пограничным рубежом между русскими землями и владениями Ливонского ордена. Поэтому «укрепление» могло строиться только на русской территории, т. е. на правом (восточном) берегу Наровского устья, в том районе, где находилось и село Норовское.

О строительстве «укрепления» свидетельствует и упомянутый августовский документ 1536 г., где пишется о постройке как о ведущейся, «предпринятой». Это «укрепление» не было выстроено на месте Норовского, и военно-оборонительные сооружения села не окружали. О Норовском, упомянутом первый раз в оброчной книге 1498 г., говорится также в книге «Ивангородского окологородья» 1571 г.: «В Шелонские пятины в Ивангородском Окологородьи государя царя великого князя село Норовское на усть Неровы реке у моря»⁴. Следовательно, Усть-Норовское укрепление 1536 г. было самостоятельной постройкой, стоявшей где-то поблизости от села Норовского. В противном случае, если бы им было обнесено Норовское, то в книге 1571 г. Норовское было бы названо уже не селом, а «городом».

Расположение Усть-Норовского укрепления устанавливается при ознакомлении с местностью. Здесь Нарова впадает в море почти перпендикулярно. Чуть ли не под прямым углом вливается в Нарову и Росона, конечный участок русла которой идет почти параллельно морскому заливу. Благодаря этому между солеными и пресными водами образовался узкий мыс, ограниченный с юга Росоной, с запада Наровой и с севера Финским заливом. Ширина Наровы у мыса сокращается почти вдвое. Сопоставляя географические данные с текстом пересказанных Г. Гильдебрандом документов и учитывая, что в письме от 9 апреля 1536 г. говорилось об укреплении, которое должно строиться «на самом узком месте реки», можно сделать вывод, что «укрепление» это находилось у устья Наровы, поблизости от с. Норовского, там, где русло реки суживается, точнее — на стрелке между Наровой, Росоной и Финским заливом (рис. 6). Возможно, что маленькое поселение с двумя ветряными мельницами, существовавшее на стрелке в первой половине XVIII в., возникло именно около того места, где двести лет до этого было построено русское крепостное сооружение⁵.

¹ Г. Гильдебранд. Отчеты о розысканиях, произведенных в Рижских и Ревельском архивах по части русской истории. Приложение к XXIX т. Записок Академии Наук. СПб., 1877, стр. 81, № 590.

² Как этого, так и остальных упоминаемых выше документов нам не удалось обнаружить в Таллинском городском архиве. Очевидно, они вместе с другими документами были вывезены гитлеровскими войсками в период Великой Отечественной войны.

³ Г. Гильдебранд. Отчеты..., стр. 81, № 592.

⁴ НПК, т. V, стр. 567.

⁵ См. чертежи 1740 и 1744 гг. ЦГВИА, ф. 349, оп. 19, № 4530 и 4546.

Что представляло собой Усть-Наровское укрепление 1536 г., когда было окончено его строительство, неизвестно. Во всяком случае это укрепление должно было сыграть определенную роль в военных операциях в Прибалтике, развернувшихся в начале второй половины XVI в. Готовясь к борьбе за Ливонию — исконное владение и старинную «отчину» Русского государства, Иван Грозный особое значение придавал не только Ивангороду, но и всему Наровскому устью. По его распоряжению ивангородские оборо-

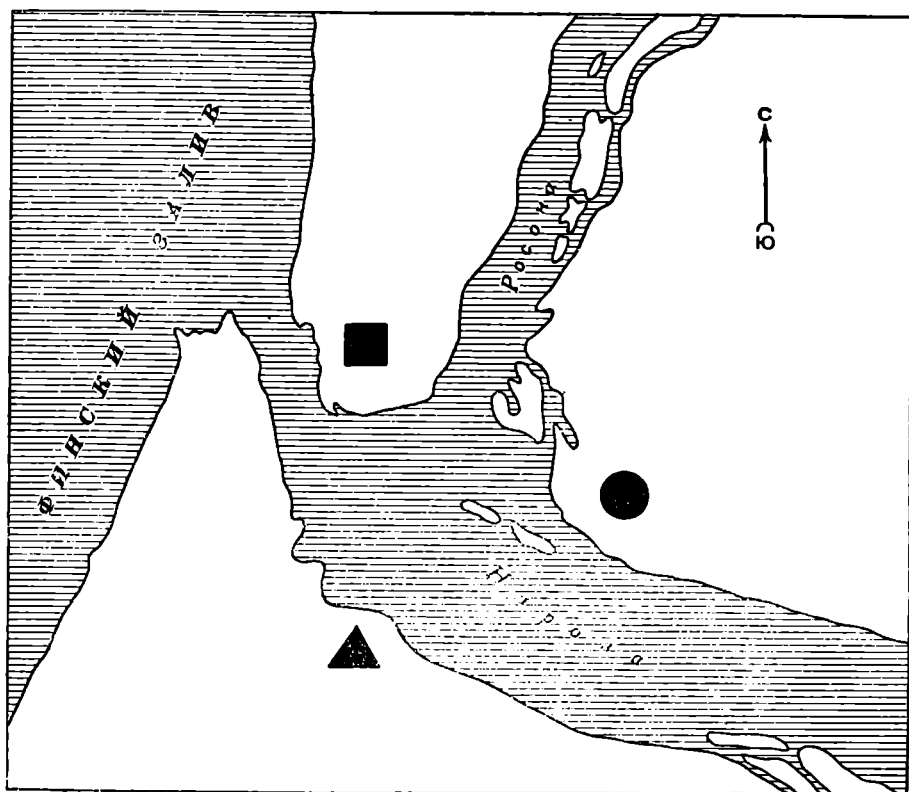

Рис. 6. Схема предполагаемого расположения русских Усть-Наровских крепостей XVI в.

Квадратом обозначено «укрепление» 1536 г., кружком — «город» 1557 г., треугольником — крепость 1558 — 1577 гг.

нительные сооружения были приведены в полную боевую готовность, а у устья Наровы, несмотря на существование укрепления 1536 г., были выстроены новые военно-оборонительные сооружения. О постройке их Московская летопись рассказывает, что в апреле 1557 г. «послал царь и великий князь околничего своего князя Дмитрия Ивановича Шастунова, да Петра Петровича Головина, да Ивана Выродкова на Ивань-город, а велел на Нерове, ниже Иванья-города, на устье на морском город поставить для корабленого пристанища»¹.

Постройка «города» в этом месте давала возможность русским войскам появиться в центре борьбы, которую великие державы вели из-за господства над Балтикой в северо-восточной части Европы, а его укрепления вместе с Ивангородом должны были служить опорой как при решении вопроса о выходе Руси к морю, так и в деле возвращения древних русских земель, находившихся под игом Ливонского ордена. В связи с этим строительство Усть-Наровского «города» предпринималось в 1557 г. не только

¹ Летописец Русский (Московская летопись), изд. А. Н. Лебедевым. М., 1895, стр. 71; ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 281.

с целью охраны речного устья, но главным образом «для корабленого пристанища».

Указанные в летописи лица вскоре прибыли в Ивангород и развернули подготовительные работы. О пребывании в Ивангородской крепости в это время Шастунова, Головина и Выродкова и об их активной деятельности свидетельствует документ Таллинского архива, в котором, по словам Г. Гансена, «наместник Ивангородский князь Дмитрий Семенович Шестунов, и воеводы Петр Петрович Головин и Иван Грегорьевич Выродков пишут в Колывань (Ревель, Таллин.— В. К.), что Ивангородские купцы, с товарами отправились морем в Колывань, но шведские душегубцы напали на них, потопили Ивангородцев и отняли товары, а потом сами были взяты и отведены Колыванцами» и «требуют выдачи всех товаров сполна», а также «наказания душегубцев»¹.

Строительство Усть-Наровского «города» было осуществлено очень быстро — менее чем в три месяца. Та же Московская летопись указывает, что в июле 1557 г. «поставлен город от немец усть Неровы реки, на Розсеке, у моря, для пристанища морского корабленого, а ставил его Петр Петров да Иван Выродков»².

Таким образом, за 8—9 месяцев перед началом Ливонской войны (1 апреля 1558 г.) у устья Наровы, кроме села Норовского и рыбацкой деревушки, существовали «укрепление» 1536 г. и «город» 1557 г.

Постараемся уточнить место расположения Усть-Наровского «города» 1557 г. В летописи указано, что по приказу Ивана IV он должен был строиться «на Нерове, ниже Иваня-города, на устье на морском», следовательно, на правом (восточном) берегу Наровы. Кроме того, в ней говорится, что он был поставлен не только на «усть Неровы реки... у моря», но и «на Розсеке». По Далю «розсек» — это просека в лесу³. Из такого определения выходит, что городовые укрепления 1557 г. были окружены лесом. Действительно, правый берег Наровы у ее устья покрыт лесным массивом. Однако лес, близко подступавший к городу, давал возможность противнику незаметно подобраться к городovým стенам, способствуя тем самым его захвату. Русские города хотя и строились в лесах, однако лес вокруг них всегда вырубался на значительной площади. Такое «удаление» леса было необходимым условием стратегической защиты города. Поэтому, находясь в лесу, «город» 1557 г. должен был иметь вокруг себя «охранную» зону, свободную от деревьев. Кроме того, он должен был находиться неподалеку от берега и иметь короткое и удобное сообщение с ним по про странству, не имевшему деревьев и позволявшему гарнизону крепости вести постоянные наблюдения за морем. Свободное пространство между «городом» и берегом должно было служить местом скопления различных приспособлений, позволявших не только производить перегрузку товаров, но и вести ремонт судов перед выходом в море. Ведь «для пристанища морского корабленого» и строился Усть-Наровский «город». Естественно, что такое оживленное место должно было находиться где-то рядом с населенным пунктом, который давал ему рабочую силу и снабжал крепость продовольствием. Таким местом мог быть только район, прилегающий к с. Норовскому.

В материалах И. Срезневского нет слова «розсек», а есть «розсоха». Этот термин близок нашему и означает: развилина, разветвление⁴. Такое

¹ Г. И. Гансен. Древние русские грамоты, хранящиеся в Ревельском городском архиве. Ревель, 1890, стр. 24—27, № 35.

² Летописец Русский, стр. 76; ПСРА, т. XIII, ч. I, стр. 284.

³ В Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III. Изд. 4-е. СПб.— М., 1912, стр. 1711.

⁴ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1912, стр. 168.

определение соответствует топографии местности у устья Наровы. Тут водное пространство как бы разветвляется на суживающийся при впадении в море проток Наровы и проток Росоны. Очевидно, это разделение и названо в летописи «розсекой». Если это так, то выстроенный по приказу Грозного «город» располагался на мысу, омываемом с одной стороны водами Наровы, а с другой — Росоны (рис. 6).

Расположение «города» близ села Норовского, которое существовало не только во время постройки, но и двадцатью годами позже окончания строительных работ, позволяет считать, что «город» вырос на базе села и что норовчане были непосредственными участниками создания его стен и башен.

Шведская карта р. Наровы от залива до порогов, являющаяся копией 1754 г. с чертежа 1676 г., показывает, что во второй половине XVII в. все пространство мыса между Наровой и Росонной было занято постройками довольно крупного поселка¹. Не исключена возможность, что этот поселок начал расти под стенами крепости сразу же после ее создания и слился затем с с. Норовским.

Других сведений о «городе» 1557 г., так же как и известий об «укреплении» 1536 г., в документах этого времени нет. Нет упоминания о них и в книге 1571 г., фиксирующей место расположения великокняжеского села Норовского. Однако можно с уверенностью сказать, что спустя шесть лет после составления книги 1571 г. оба Усть-Наровских военно-оборонительных сооружения еще существовали. Больше того, в это время их было не два, а три, ибо 27 августа 1577 г. шведам, бомбардировавшим Наровское устье, удалось сжечь три деревянные крепости, находившиеся около него².

Вероятно, постройка третьей крепости у устья Наровы произошла между 1558 и 1577 гг. В это время Нарва была уже отвоевана Иваном Грозным и соседние государства всячески стремились воспрепятствовать расширению развернувшейся в ней торговли. Поэтому естественно, что Наровское устье, являвшееся важным узлом обороны, предохранявшим подступы к Нарве и Ивангороду со стороны Финского залива, требовало еще большего укрепления.

Повидимому, эта крепость находилась уже не на правом берегу Наровы, а на левом, там, где в конце XVII и первой половине XVIII в. существовала небольшая деревушка³. Беглое обследование местности показало, что примерно в полукилометре от поселка Нарва-Йыэсу, на берегу Наровы, имеется песчаный холм насыпного происхождения. Расположение холма отвечает необходимым стратегическим условиям. Его небольшая площадка довольно правильной формы. Со стороны реки можно определить контуры двух прямоугольных башен. Кроме того, с этой же стороны, из песчаного откоса холма, примерно на глубине 1—1,3 м от поверхности его площадки, торчат концы деревянных бревен со следами пожара и видны остатки сгнившего дерева. В одном месте можно видеть даже бревна, лежащие перпендикулярно друг к другу. Наличие их наводит на мысль, что здесь находился угол башни.

Все эти остатки можно считать принадлежащими древней деревянной крепости, которая вместе с двумя другими русскими военно-оборонительными сооружениями у устья Наровы была сожжена шведами. Судя по расположению остатков укреплений, а также по размерам и конфигурации

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 19, № 4428.

² А. В. Петров. Город Нарва, его прошлое и достопримечательности в связи с историей упрочения русского господства на Балтийском побережье. СПб., 1901, стр. 102; Ср. «Ливонская летопись Франца Ниенштедта». Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. IV. Рига, 1883, стр. 47.

³ См. копию 1754 г. с чертежа 1676 г. и чертеж 1744 г. ЦГВИА, ф. 349, оп. 19, № 4428 и 4546.

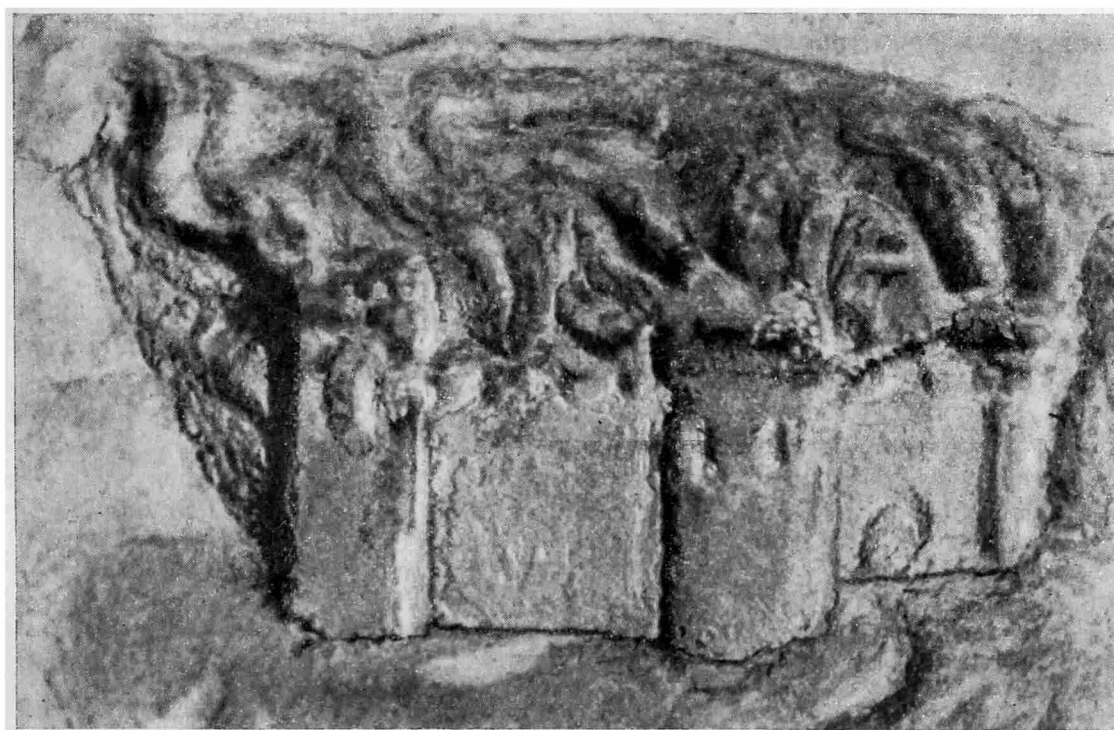

Рис. 7. Фрагменты барельефа саркофага, выполненного А. Пассером, с изображением двух горящих Усть-Наровских крепостей

площадки холма, крепость была небольших размеров, прямоугольная или квадратная в плане. Подобную структуру и примерно такие же размеры имели, как показывают гравюры 1580 г.¹ и обследование 1948 г.², и некоторые крепости, выстроенные в 60-х годах XVI в. (т. е. в то же время, что и третья Усть-Наровская крепость) неподалеку от Полоцка.

Как видно, уничтожение Усть-Наровских крепостей в 1577 г. не было полным. Во всяком случае две из них существовали еще спустя четыре года. Об этом свидетельствует барельеф, украшающий боковую сторону саркофага, стоящего в южной части алтаря Вышгородской церкви в Таллине³. Саркофаг был заказан таллинскому скульптору А. Пассеру в 1589 г. и закончен им в 1595 г.⁴ Возможно, что во время изготовления барельефа трех Усть-Наровских крепостей уже не существовало. Однако саркофаг стоит на могиле известного шведского полководца П. Де ла Гарди, который бесславно погиб в водах Наровы в 1586 г.⁵ Сюжетом барельефа является осада города Нарвы войсками Де ла Гарди в 1581 г. На нем, наряду с Нарвой и Ивангородом, высечены и маленькие Усть-Наровские крепости, состоящие из стен и ряда башен. Обе они показаны на барельефе охваченными пламенем (рис. 7). Это единственное изображение крепостей, существовавших в XVI в. у Наровского устья. Несмотря на определенную условность изображений Нарвы, Ивангорода и Усть-Наровских крепостей, можно видеть, что автор барельефа стремился с исторической достоверностью отобразить события 1581 г. Поэтому нет основания считать, что Усть-Наровские крепости показаны на барельефе без каких-либо должных оснований. Повидимому, в это время они, несмотря на сожжение в 1577 г., все же существовали. Поскольку же изображены только две крепости, можно считать, что после события 1577 г. третья не была восстановлена. Об этом косвенно сообщает и известная опись царского архива, сделанная при Иване Грозном. Датированная 1575—1584 г., она упоминает о 164-м ящике, в котором, наряду с различными документами, хранились «грамота о Наровском городище и чертеж»⁶. Возможно, что под именем Наровского городища архивной описи и скрывается указание на место расположения какой-нибудь Усть-Наровской крепости. Установить, какая из трех крепостей в это время не существовала, пока не представляется возможным. Не дает на это ответа и пассеровский барельеф.

Таким образом, в XVI в. у устья Наровы существовали три русские деревянные крепости. Расположенные на обоих берегах реки, они были небольшими укрепленными пунктами, в которых находились постоянные гарнизоны. Сгруппированные в одном месте и расположенные близко друг от друга на стратегически выгодных местах, крепости образовывали мощный боевой треугольник для наблюдения за водами Финского залива и контроля над входом в Нарову, издавна являвшуюся одной из важнейших водных магистралей знаменитого торгового пути «из варяг в греки», и служили местом пристанища для торговых судов.

¹ См. А. Сапунов. Рисунки крепостей, построенных по повелению царя Ивана Васильевича Грозного после завоевания Полоцка в 1563 г. Полоцко-Витебская старина, вып. II, Витебск, 1912, стр. 299—313 и Приложение.

² М. Г. Рабинович. Археологическая разведка в Полоцкой земле. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 81—88.

³ Изображение барельефа см. в нашей работе «Крепость Ивангород», МИА, № 31, стр. 259, рис. 14.

⁴ S. Karling. Arent Passer. Lisand Tallina kunstiajalool. Сб. «Vana Tallinn», Таллин, 1938, стр. 30—32.

⁵ См. рецензию на книгу «H. I. Hansen. Geschichte der Stadt Narva», в «Морском сборнике», т. XXXVIII, № 12, СПб., 1858, стр. 35.

⁶ ААЭ, т. I. СПб., 1836, стр. 346—347, № 289.

Шейные гривны имеются двух видов. Одни сделаны из массивного медного цилиндрического дрота со спиральными насечками, имитирующими витые. В средней части гривна утоншена и украшена напущенными спиральными пронизками. Замок состоит из треугольной петли с одного и четырехугольной пирамидальной шляпки с другого конца. Весьма характерны и другие гривны из перекрученного четырехгранного металлического (медного или железного) жгута с крючком на одном конце и овальным щитком с отверстием на другом.

Среди вещей женского могильного инвентаря имеются также разнообразные пряжки, лунницы, серьги и пр. Наряду с типичными муромскими вещами местного производства в коллекции много и привозных украшений. К их числу, кроме отмеченных перстней, относятся, например, серьги в виде знака вопроса с двумя подвесными стержнями, украшенными стеклянными и мелкими металлическими бусами. Варианты таких серег, чаще с одним стержнем, украшенным напущенной на него бусой из стекла или самоцветных камней, были широко распространены в Поволжье и Прикамье в конце I и начале II тыс. н. э.¹ В Вологодской обл., Марийской АССР и в Зауралье у хантов (на р. Оби) они удержались до XVII в. Их прототипом были, очевидно, серебряные и золотые серьги в виде знака вопроса с напущенными на подвесной стержень камнями, хорошо известные по южным находкам эпохи бронзы. Более близкими по времени, но типологически несколько отличными являются и серьги в виде кольца с массивным украшенным зернью стержнем из Салтовского могильника, широко распространившиеся в конце I тыс. в Приуралье.

Среди привозных украшений обращают на себя внимание бусы. В их числе есть крупные, величиной с небольшой грецкий орех, черные, с цветными глазками бусы южного происхождения, имеющие полную аналогию с бусами, найденными в курганных погребениях на р. Ояти (XI—XII вв.)². Имеются также крупные бусы из янтаря, ввозившегося в большом количестве как в изделиях, так и в необработанном виде в Муром из Прибалтики³.

Инвентарь ~~мужских~~ могил значительно беднее. В его составе разнообразные детали мужского пояса: бляшки, накладки, подвесные кольца, пряжки, а также почти все железные предметы, за исключением ножей, которые обычно входят в состав могильного инвентаря мужских и женских погребений.

К предметам мужского убора, повидимому, относится часть украшений таких, как браслеты, перстни и гривны, которые часто находят в мужских могилах муромских могильников. Типичны для мужских погребений железные огнива, наконечники стрел и копий и топоры. Последние представлены в коллекции разнообразными формами проушных типов, от короткообушных и широких секир до узких, слегка изогнутых рабочих топоров с щековицами, время бытования которых определяется другими предметами, характерными для VII—XII вв.

В коллекции нет глиняной посуды, как правило, сопутствующей погребениям муромских могильников. Это подтверждает наше предположение, что коллекция составлена из случайных сборов, а не в результате систематических раскопок памятника. Внимание собирателей привлекали лишь наиболее «ценные» вещи, как, например, части небольшой серебряной чаши, диаметром 6,5 см, орнаментированной двумя поясками вдавленных ямок и пояском удлиненных лунок, оружие и украшения.

¹ МАВГ, вып. II, табл. X, рис. 6—10, 12.

² Отчет о раскопках курганного могильника на р. Ояти 1948 г. А. М. Лиевского. Архив ИИМК.

³ Отчет о работах Муромской экспедиции 1946 г. Н. Н. Воронина, Архив ИИМК.

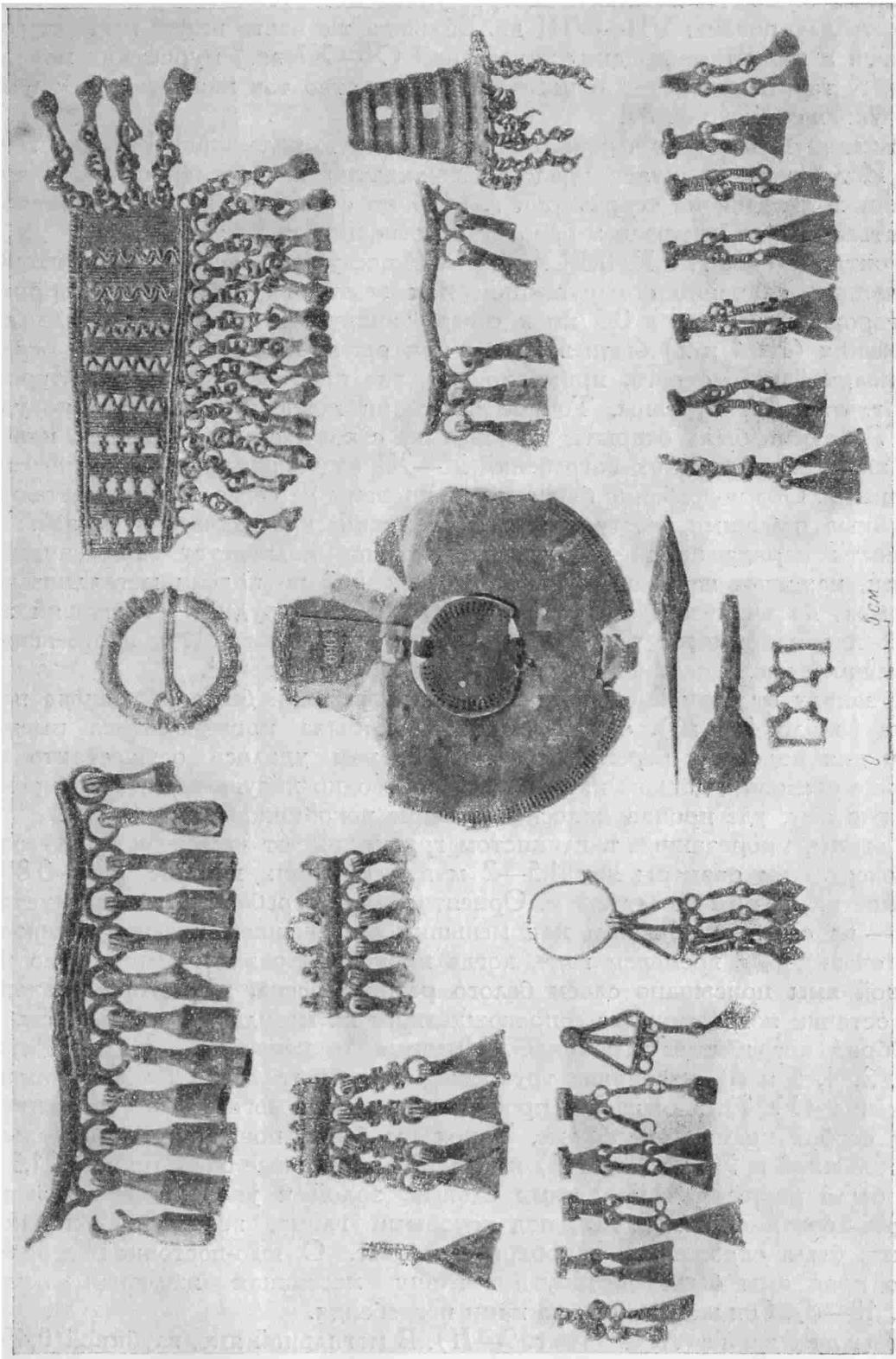

Рис. 8. Вещи из Муромского могильника, хранящиеся в ГИМ.

Определить дату коллекции в целом трудно за отсутствием погребальных комплексов. Однако, основываясь на анализе отдельных вещей, можно сказать, что наиболее ранние из них (тройные полые полуцилиндрики, отдельные элементы поясного набора, узкие изогнутые топоры и пр.) могут быть датированы VII—VIII вв. Большая же часть вещей находит себе аналогии в инвентаре поздних погребений (X—XI вв.) муромских могильников. К таким предметам относится большинство так называемых «шумящих» украшений (рис. 8).

Описанную в общих чертах, почти анонимную коллекцию Государственного Исторического музея удалось неожиданно паспортизировать, связав случайные находки на территории г. Муром с определенным памятником, открытым при строительных работах по реконструкции города.

В октябре 1948 г. в ИИМК АН СССР поступили сведения о грунтовом могильнике, случайно обнаруженном при земляных работах на территории города, примерно в 0,5 км к северо-западу от кремля. Первые два погребения (№ 1 и 2) были вскрыты при рытье канавы на южном берегу Красноармейского оврага, примерно там, где писцовая книга г. Мурома 1637 г. отмечает курганы. Точной фиксации погребений сделать не удалось. Рабочими были открыты два костяка с комплексом типичного инвентаря женских муромских погребений X—XI вв., с обилием металлических украшений. Оба погребения были ориентированы на север. Вещи, тщательно собранные рабочими, поступили в Муромский краеведческий музей. По пышности наряда одной из погребенных, по количеству металлических бляшек, нашитых на ткань одежды, украшенной по подолу металлической бахромой, по количеству перстней, браслетов и нагрудных украшений это погребение напоминает погребение № 265 муромского Подболотьевского могильника, исследованного в 1910 г. В. А. Городцовым¹.

К западу от случайно обнаруженных погребений была расчищена площадка (около 400 м²), с которой должна была производиться выемка земли для подсыпки берега оврага. Здесь нам удалось осуществить небольшие раскопки, давшие пять погребений (одно нарушено) и одну кремационную яму, где производилось сожжение покойников (рис. 9—1).

Могила, прорезанная в глинистом грунте, имеет четкие четырехугольные очертания; размеры ям: 1,5—2 м в длину при ширине 0,55—0,8 м. Глубина их не превышает 0,5 м. Ориентировка погребений довольно устойчива — на север, с большим или меньшим отклонением к западу, связанным, очевидно, с временем года, когда происходило захоронение. Дно могильной ямы присыпано слоем белого речного песка, на котором находились останки погребенных с сопровождавшим их могильным инвентарем.

Обряд погребения смешанный. Имеются трупоположения (погребения № 1, 2, 4, 5 и 6), частичное трупосожжение (погребение № 3) и полное сожжение (№ 7). Сожжение производилось вне могилы, в упомянутой выше особой кремационной яме. Таких ям было, повидимому, несколько. Яма глубиной в 1 м в плане (А) имела прямоугольные очертания 1 × 1,3 м. Дно было покрыто залегающими слоями, золой и углем, смешанными с кальцинированными костями, под которыми глина, вследствие сильного обжига, была окрашена в яркоохристый цвет. С юго-восточной стороны около края ямы была воткнута в глину массивная железная пешня (рис. 10—8). Опишем вскрытые нами погребения.

Погребение № 3 (рис. 9—II). В могильной яме, глубиной 0,45 м от современной поверхности, обнаружены остатки расчлененного скелета. Голова захоронена отдельно в северной части могилы, там, где она была бы при нормальном погребении. На расстоянии 1 м к югу от черепа, на том

¹ В. А. Городцов. Результаты раскопок Подболотьевского могильника. «Древности», МАО, т. XXIV, стр. 140, рис. 65.

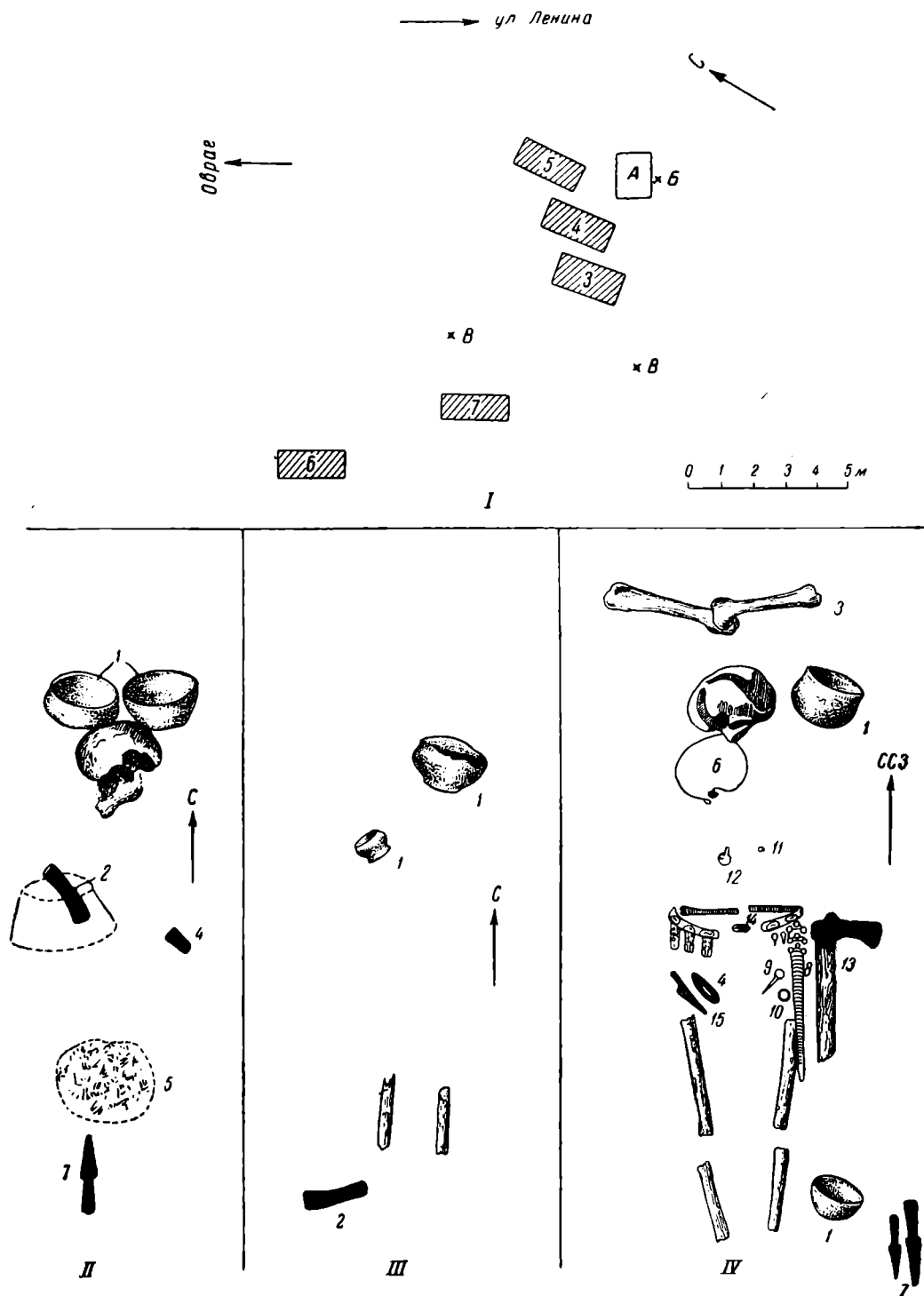

Рис. 9. Муромский могильник:

I — схематический план расположения могил; II — погребение № 3; III — погребение № 4; IV — погребение № 6; А — кремационная яма; Б — пещня; В — горшки из разрушенных погребений; 1 — глянчатые горшки; 2 — топор-пешня; 3 — кости коровы; 4 — огниво; 5 — кальцинированные кости; 6 — гривна; 7 — железные наконечники копий; 8 — кинжал; 9 — железный стержень; 10 — поясное кольцо; 11 — спиральные перстни; 12 — «усатая» застежка; 13 — топор с топорцем; 14 — пояс; 15 — нож

же горизонте, лежала грудка кальцинированных костей, перемешанных с золой и древесным углем. Очевидно, отделенное от головы туловище было сожжено в кремационной яме, после чего останки вместе с золой и углем погребального кострища перенесены в могилу, куда были положены и вещи, принадлежавшие умершему. Судя по их составу, погребение мужское. У головы стояли два глиняных с широким устьем горшка ручной лепки. Один из них, в форме несколько асимметричной банки, отличался грубостью обработки внешней поверхности стенок (рис. 10—1). Второй горшок низкий, широкий, с очень широким устьем. Почти в центре могилы, с левой стороны, положено железное огниво в виде овальной пластинки; в южной части могилы, т. е. там, где должны быть ноги покойника, лежал большой втульчатый наконечник копья. При засыпке могилы, на 15 см выше ее дна, был воткнут кельтовидный железный топор.

Погребение № 4 (рис. 9—III). В небольшой могильной яме (1,53 × 0,55 м) обнаружен детский костяк. Кости, за исключением двух небольших фрагментов голеней, истлели. Их направление указывает на северную ориентировку костяка. Дно могилы присыпано мелким белым песком. В той части ямы, где находился череп, стояли два глиняных горшка ручной лепки: один из них миниатюрный, с массивным выступающим поддоном (рис. 10—3), другой — грубо сформованный, неправильной формы, с широким устьем. Венчик горшка был отбит еще до положения его в могилу. Около правой ступни лежал небольшой железный кельтовидный топор (рис. 10—5).

Погребение № 5. Могильная яма размером 2,10 × 0,78 м, глубиной 0,55 м. На дне, присыпанном песком, лежал костяк мужчины среднего возраста. Скелет прекрасно сохранился. Череп сильно деформирован. Ориентировка головы на ССЗ. Правая рука была вытянута вдоль туловища, левая, согнутая в локте, лежала в области пояса. Ноги вытянуты. Никаких вещей в могиле не оказалось.

Погребение № 6 (рис. 9—IV). Могильная яма размером 2,10 × 0,85 м, глубиной 0,45 м. Мужской костяк лежал на подсыпке из белого песка; ориентировка на ССЗ. Костяк очень плохой сохранности, за исключением сильно деформированного черепа и эпифизарных частей костей голеней и бедер. За черепом лежали кости ног коровы; слева от него — глиняный лепной горшок. В области шеи найдена серебряная гривна с петлей на одном и пирамидальной шляпкой на другом конце. На груди лежала «усатая» медная застежка, которой скреплялся разрез рубахи (рис. 10—9), и два медных спиральных перстня с руки, которая, повидимому, лежала на груди. Сравнительно хорошо сохранился ременный пояс с прорезными овальными медными бляшками и 15 привесками. Каждая из них представляла собою прямоугольный кусок кожи с девятью (три ряда по три в каждом) полушарными бляшками и парой удлиненных накладок на конце (рис. 10—12). Слева у пояса был привешен узкий длинный кинжал в нарядном футляре из дерева и кожи, обмотанном узкой бронзовой лентой и украшенном на конце накладкой в виде орнаментированной медной пластинки. Накладки в виде бляшек-тройчаток, напоминающих крылатки клена, украшали верхнюю часть ножен (рис. 10—13). Пояс застегивался небольшой медной пряжкой (рис. 10—10). Параллельно кинжалу, вдоль левого бедра лежало длинное топориче с насаженным на него проушным топором с щековицами (раннего типа). С правой стороны к поясу был подвешен холщовый мешок, в котором лежали нож, овальное железное огниво и кремень. У левого бедра найдены железное поясное кольцо (рис. 10—15) и железный стержень на особом кольце. Несколько поодаль от ступней ног стоял второй небольшой лепной горшок. Около него были положены рядом два втульчатых копья (рис. 10—11).

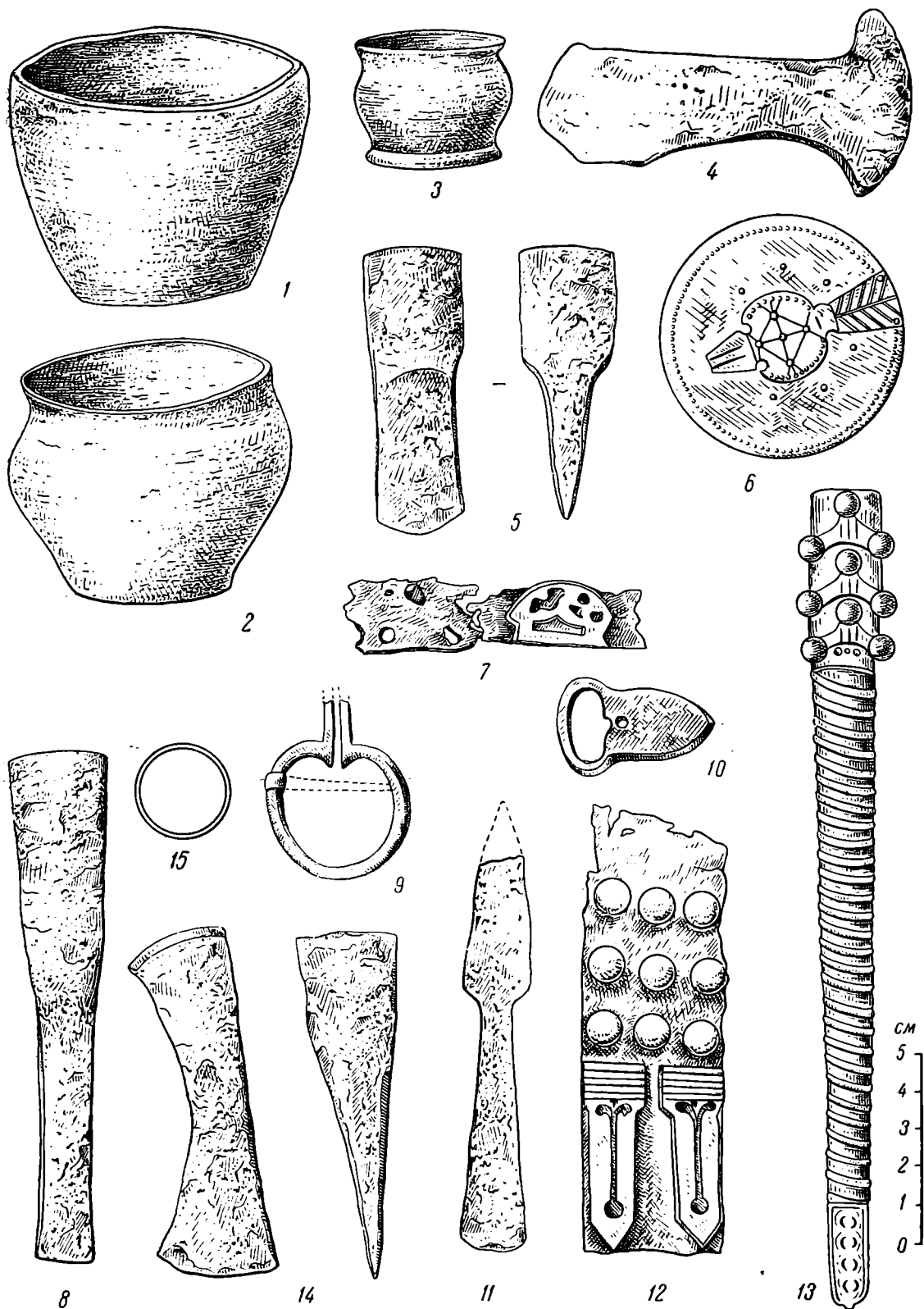

Рис. 10. Вещи, найденные при раскопках Муромского могильника:

1 — горшок из погребения № 3; 2 — горшок из разрушенной могилы; 3 — миниатюрный горшочек из погребения № 4; 4 — топор из погребения № 6; 5 — топор-пешня из погребения № 4; 6 — нагрудная бляха из погребения № 1; 7 — деталь пояса из погребения № 6; 8 — пешня, которая была воткнута у края кремационной ямы; 9 — «зусатая» застежка из погребения № 6; 10 — пряжка от пояса из погребения № 6; 11 — наконечник кося из погребения № 6; 12 — подвеска к поясу из погребения № 6; 13 — кивжал из погребения № 6; 14 — топор-пешня, найденный в засыпке могилы; 15 — поясное кольцо

Погребение № 7. Могила заключала остатки трупосожжения без вещей. В северном углу найдены черепки разбитого лепного горшка. Могила, видимо, была частично разрушена при посадке деревьев бывшего здесь фруктового сада.

Описанные комплексы позволяют датировать Муромский могильник VII—XI вв. Основанием для ранней даты служат кельтовидные топоры (погребения № 3 и 4), «усатая» застежка, а также комплекс поясных украшений и кинжал (погребение № 6). Плоские прорезные накладки (рис. 10—12) на подвесках к ремennому поясу имеют многочисленные аналогии в южных памятниках VI—VII вв. (Керчь, Геленджик) и среди комплексов вещей ломоватовской эпохи в Прикамье (могильник Броды, Горбунята и др.)¹. Аналогичные удлиненные накладки найдены также в одном из мордовских могильников под г. Моршанском (Корниловском), где их дата определяется комплексом вещей VI—VII вв.

Не менее типичны для той же эпохи и бляшки-тройчатки, напоминающие крылатки клена. Они также имеются среди вещей упомянутых пермских могильников (Молотовской обл.). Совершенно аналогичные находки были сделаны в одном из мерянских могильников Ивановской обл. (Хотимльском), где они датируются комплексом вещей того же времени², а также в могильнике на урочище Победище в южном Приладожье, где они найдены в том же сочетании, что и в Муромском могильнике³.

Женские погребения № 1 и 2 датируются X—XI вв. Эта дата определяется поздним типом «шумящих» украшений, спиральных запястий, больших проволочных височных колец и всем комплексом остальных сопровождающих погребения предметов.

Несмотря на небольшое число вскрытых погребений, четкость комплексов позволяет довольно точно наметить крайние даты существования могильника: VII—XI вв. Длительному периоду бытования памятника соответствуют и его размеры. Могильник, повидимому, занимал большую площадь ныне застроенного городского квартала, не поддающуюся в настоящее время точному определению. По показаниям местных жителей, при различных земляных работах находили человеческие кости и множество металлических предметов. Из таких случайных находок и составила, возможно, описанная выше коллекция Государственного Исторического музея.

Как мы уже упоминали, в писцовой книге г. Мурома 1637 г. есть указания на существовавшие здесь еще в XVII в. курганы, находившиеся, повидимому, в восточной части Муромского могильника или несколько в стороне от него. Подобное явление — смена муромского ритуала погребения без курганной насыпи славянским, курганным — мы наблюдаем и в другом могильнике — Максимовском, недалеко от г. Мурома, около с. Савково на р. Максимовке. Эта смена форм погребального обряда на рубеже X и XI вв. свидетельствует об интенсивной славянизации Муромского края, вызванной быстрым процессом феодализации и христианизации северо-восточных окраин Руси⁴. Однако еще в XI в. мурома не утратила своего этнического облика. Об этом свидетельствуют поздние погребения муромских могильников, в которых мы наблюдаем весь комплекс украшений, типичных для муромской одежды.

Существование еще в XI в. на территории Мурома могильника муромы

¹ Архив ИИМК (Ленинград). Отчет за 1897—1898 годы.

² Б. Н. Г р а к о в. Краткий отчет об археологическом обследовании по р. Тезе. Третий год деятельности Ив.-Возн. губ. научн. о-ва краеведения. Иваново-Вознесенск, 1927, стр. 34.

³ Н. Н. Ч е р н я г и н. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941, табл. XI, рис. 2, 3, 16.

⁴ Е. И. Г о р ю н о в а. Итоги работ Муромской экспедиции (1948—1949). КСИМК. вып. XXXIII, стр. 39—47.

имеет большое значение для установления даты возникновения русского города, который «Повесть временных лет» относит к числу древнейших русских поселений на северо-востоке (IX в.).

В этой связи следует напомнить результаты археологической разведки в Муроме в 1946 г.¹ Обследование кромки окского берега показало неравномерное распространение культурного слоя XI—XIII вв. Заселенность окского берега в домонгольский период не была сплошной. Отдельные поселки ютились по отрогам берегового плато, изрезанного глубокими оврагами. Так, в осыпях берега, возле Красноармейского оврага, обнаружен мощный культурный слой, примерно 3,5 м толщиной, который исчезает около оврага, отделяющего холм Воскресенского монастыря. Выше на плато был торг, а несколько далее к северо-западу — упоминаемый писцовой книгой славянский курганный могильник и описанный выше могильник муромы.

Небольшой участок, вскрытый на кромке коренного берега Оки, в 48 м к северу от церкви Николая Набережного, дал обильный и интересный материал, характеризующий позднюю пору жизни русского города XI—XIII вв. и ранний, дорусский период жизни древних насельников летописной муромы.

В слое XI—XII вв. найдено множество железных шлаков и медной окиси, окрасившей слой в зеленый цвет. Среди керамических находок преобладают горшки курганного типа с гончарными клеймами на днищах. Здесь же встречено много шиферных пряслиц, костяные гребни, обломки стеклянных браслетов, т. е. комплекс предметов, характеризующих культуру древнерусского города домонгольского периода. Хронологически этот слой может быть увязан с курганным могильником, упоминаемым писцовой книгой 1637 г. Непосредственно под этим слоем древнерусского города залегал довольно мощный, подстилавшийся материком слой, до 1 м толщиной (2,5—3,6 м), существенно отличающийся от лежащего выше и по структуре и по составу находок. В слое были обнаружены остатки сгоревшего деревянного жилища. Найдены глиняные и костяные пряслица для веретен, глиняные рыболовные грузила и другие предметы. Керамика исключительно лепная, по своему внешнему виду и технике формовки сосудов вполне аналогична керамике исследованного нами Тумовского (муромского) селища и сосудам, найденным в описанном выше могильнике. Этот нижний слой может быть датирован приблизительно VII—X вв. и связан с могильником. Дата могильника не противоречит такому выводу. Как мы говорили, в XI в. мурома еще сохраняла свои этнические особенности.

При устройстве откоса к берегу Оки рядом с кремлевским мысом были уничтожены курганы и рядовые грунтовые могилы, расположенные по склону «Богатыревой горы». Найденные при этом вещи (шейные гривны, перстни, шумящие подвески, железные наконечники копий и пр.) тождественны тем, которые находят в муромских могильниках X—XI вв.²

Следовательно, еще в X — начале XI в. на территории города Муром, недалеко от его центра — кремля, существовал муромский поселок, жители которого хоронили своих сородичей тут же поблизости, на городской территории. О существовании других муромских поселков на территории города свидетельствует и открытый на юго-восточной его окраине Пятницкий могильник³, и селище, и отдельные находки, поступающие в Муромский музей из разных районов города.

¹ Н. Н. Воронин. Отчет о работах Муромской экспедиции 1946 г. Архив ИИМК, д. № 79.

² Архив ИАК, д. № 3, л. 16, 1863.

³ Материалы по изучению Владимирской губернии, Владимир, 1926.

Изложенные данные позволяют поставить вопрос о том, что русский город на территории Мурома, возможно, возник не в IX в., когда он впервые упоминается русской летописью, а в конце X или в начале XI в., когда в Муромском крае появляется славянское население и когда бурные события этого времени приводят к славянизации местного муромского населения, стиранию этнических черт его культуры и к образованию, в процессе нивелировки и сближения разноплеменного населения, великорусской народности¹.

Дальнейшие исследования должны подтвердить или опровергнуть это предположение.

---

¹ Е. И. Горюнова. Муромская экспедиция (раскопки Тумовского селища). КСИИМК, вып. XXVII, стр. 97—101.

преимущественно в восточной части поселения, у самого мыса, где по всей вероятности было сосредоточено ремесленное производство. Об этом же как будто бы свидетельствуют и часто встречающиеся здесь куски печины, иногда значительных размеров, подвергавшиеся действию очень высокой температуры и сохранившиеся в ошлакованном виде и, возможно, представляющие собой остатки железоплавильных горнов.

Отдельные небольшие куски железных шлаков встречаются по всей площади поселения.

Каменные изваяния расположены в западной части поселения, удаленной от края мыса. Кроме двух изваяний, обследованных В. И. Довженком¹, в Иванковцах оказалась еще одна каменная фигура. Она прежде лежала на огороде колхозника Яремчука, у самого кладбища, т. е. гораздо выше по склону, чем первые изваяния, почти на кромке плато. Некоторое время тому назад она была разбита на несколько крупных кусков и закопана в землю. Обломки были откопаны экспедицией в 1951 г. Найдено семь крупных кусков и несколько мелких фрагментов, которые в совокупности должны составить более или менее целую фигуру. Материал скульптуры — тот же серый крупнозернистый известняк, из которого сделаны и первые два изваяния. Это самый дешевый и самый распространенный строительный материал Западной Подолии.

Судя по обломкам, статуя — наиболее крупная из всех трех фигур, ок. 3 м в длину. По характеру изображения она ближе ко второй: четырехгранный столб, завершающийся скульптурным изображением человеческой головы. Голова моделирована сравнительно хорошо. Ясно выражены глаза, нос, рот, подбородок (либо вовсе лишенный бороды, либо с очень короткой бородкой), волосы, уши.

На столбе, изображающем туловище, не намечено ни рук, ни ног, ни каких-либо деталей одежды, оружия и т. д. Поверхность камня очень неровна, бугриста, с многочисленными выбоинами и трещинами.

Совокупность трех каменных изваяний, сосредоточенных в одном месте, представляет совершенно исключительный интерес для науки. Но еще более интересен тот факт, что изваяния находятся на территории древнеславянского поселения культуры полей погребений черняховского типа.

Если бы удалось установить, что каменные фигуры непосредственно относятся к поселению, датировка и этническая и историческая интерпретация этого типа памятников получила бы исключительно важную документальную базу.

Разведка В. И. Довженка, естественно, не могла окончательно решить вопроса об отношении обнаруженных скульптур к поселению и о том, составляют ли они один комплекс вместе с поселением или же относятся к разному времени и оставлены разным населением. На основании предварительных соображений В. И. Довженок склонен был ответить на этот вопрос положительно. Для окончательного же решения необходимо проведение больших археологических раскопок.

Предварительное выяснение взаимосвязи памятников, а также определение характера культурного слоя в непосредственной близости от изваяний и были целью работы, проведенной в Иванковцах Средне-Днестровской экспедицией ИА АН УССР в 1951 г.

Были заложены пять разведочных траншей: две близ фигуры № 1 (стоящей), две близ фигуры № 3 (разбитой) и одна возле фигуры № 2 (лежащей). Обе траншеи в верхней части склона, у разбитого изваяния, не дали никаких определенных результатов: в них были обнаружены мало интенсивные остатки культурного слоя эпохи культуры полей погребений,

¹ В. И. Довженок. Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковцы в Поднестровье. КСИИМК, вып. XLVIII, рис. 43 и 44.

однако никаких сооружений, относящихся к этому времени, открыть не удалось.

В траншее возле лежащего изваяния, с западной его стороны, под мощным слоем золы обнаружен край сильно обожженной глиняной обмазки (рис. 12). Обмазка напоминает под печи (имеет такую же потрескавшуюся поверхность), но гораздо большего размера. Она уходила в стенку траншеи, под изваяние. До снятия фигуры и до выкорчевки растущих возле фруктовых деревьев раскрыть этот интереснейший памятник полностью не удалось.

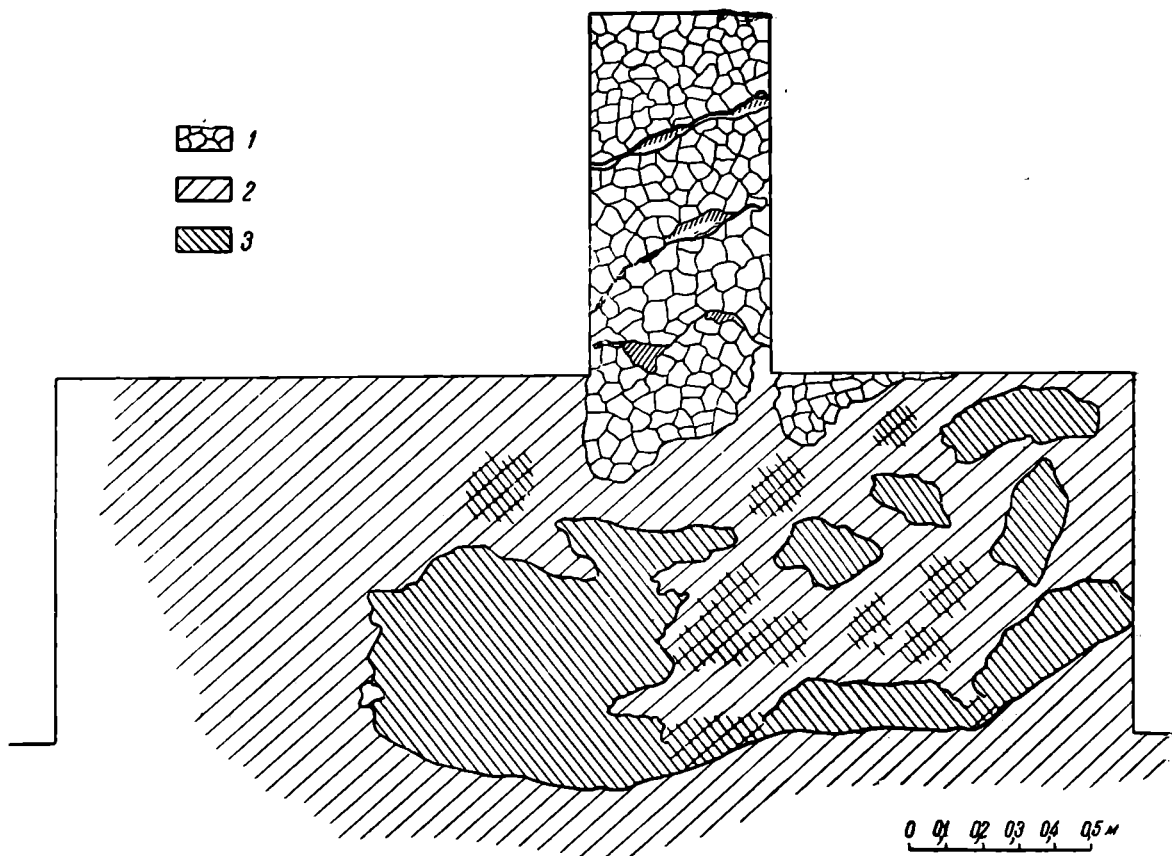

Рис. 12. План участка раскопа V с глиняной обмазкой:

1 — глиняная обмазка; 2 — зола; 3 — обожженная земля

Учитывая разведочные задачи экспедиции, он был законсервирован на будущее.

Из двух траншей близ изваяния № 1 (стоящего) одна, заложенная по линии запад-восток, тоже не дала никаких объектов, если не считать двух небольших современных ям правильной четырехугольной формы. И только вторая траншея (раскоп I) дала ясно читаемые археологические объекты эпохи культуры полей погребений (рис. 13).

Эта траншея (размером 20×2 м) была ориентирована по линии север-юг от подножия изваяния вверх по склону. В дальнейшем многократными прирезками площадь раскопа была доведена до 75 м^2 . Был установлен точный уровень древней дневной поверхности (времени культуры полей погребений), от которого были впущены в землю обнаруженные объекты.

На южном конце траншеи вскрыта яма I, несколько удлиненной округлой формы, диаметром 1,0—1,5 м, глубиной 0,8—0,85 м. В ее заполнении найдено несколько черепков керамики культуры полей погребений, в том числе обломок интересной миски или сковородки с орнаментом на внутрен-

ней поверхности днища (рис. 14—2, 3). Аналогий этой миске среди материалов, относящихся к культуре полей погребений, до сих пор не известно.

Примерно в 3,5 м севернее находилась яма II круглой формы, диаметром 0,80 м в верхней части и 0,45 м в нижней, глубиной около 1 м. Стенки ее опускаются ко дну двумя или тремя уступами. В заполнении найдены обломки посуды, большой кусок (нижняя часть) оленьего рога со спиленными ветвями и половина плоского керамического прясла или грузильца.

Далее на север, примерно в 3,7 м от ямы II, расчищена еще одна яма III. Она неправильно округлой формы, диаметром 2,7—2,6 м с общей глубиной ок. 25 см. Стенки ямы опускаются полого, постепенно переходя в дно. В юго-западном углу ее обнаружена меньшая ямка, глубиной 14 см; в центре — другая, глубиной в 19 см.

В заполнении ямы III также встречались обломки посуды культуры полей погребений: в центральной части найдены фрагменты большого лепного сосуда банкообразной формы с отогнутым наружу срезанным венчиком (рис. 14—4), ниже — обломки керамики, возможно, части того же сосуда, между ними несколько мелких косточек.

Еще дальше на север, в 5 м от ямы III, обнаружен целый комплекс археологических объектов, так или иначе связанных друг с другом.

Яма IV представляла собою довольно большую корытообразную выемку не совсем правильной круглой формы, диаметром 2,4—2,2 м, глубиной примерно 0,40 м.

Любопытно, что все четыре ямы лежали строго на одной линии, протянутой от подножия стоящего изваяния, почти точно по направлению на север. Вокруг ямы IV обнаружен развал печины, имевший два яруса и покрывавший почти сплошь все пространство к западу, югу и востоку. На некотором расстоянии от ямы сплошной завал прекращался, но земля и здесь была насыщена кусочками обожженной глины.

С восточной стороны ямы, под завалом печины, обнаружены остатки

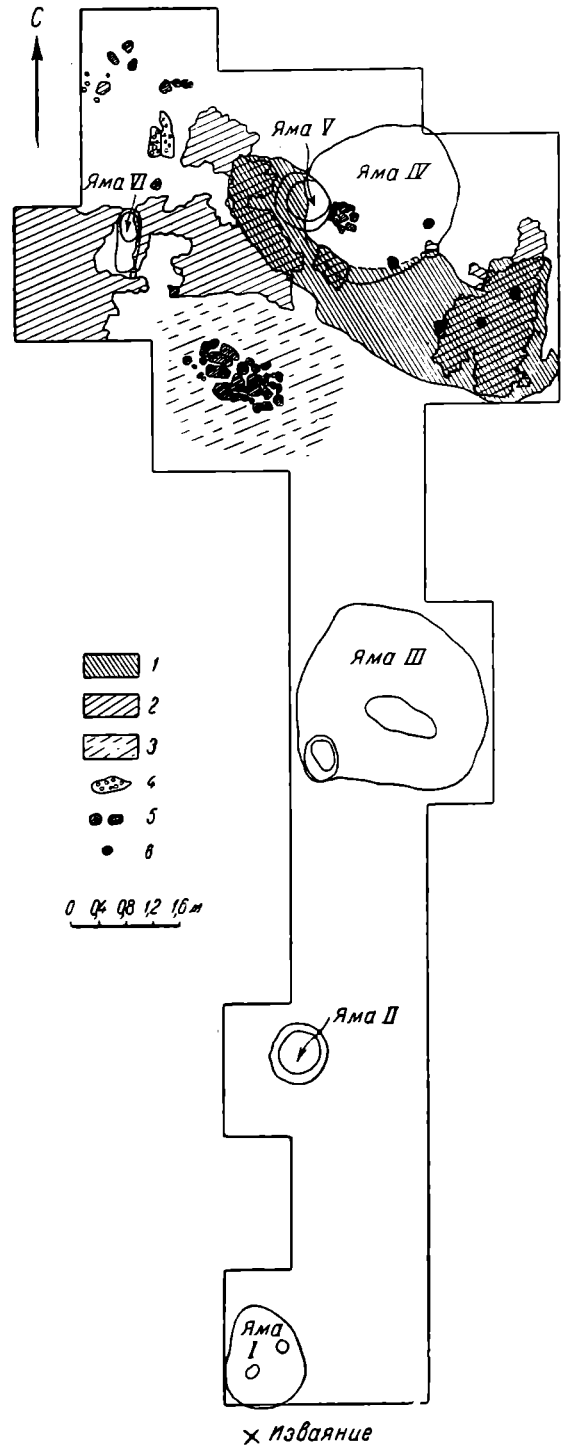

Рис. 13. План раскопа I:

1 — верхний уровень печины; 2 — нижний уровень печины; 3 — земля, насыщенная печиной; 4 — щебень; 5 — камни; 6 — ямки от столбов

двух вкопанных в землю столбов, частично сохранившихся в обгоревшем виде. Остатки третьего столба в виде древесного угля открыты у самого южного края ямы, четвертая ямка от столба — на самом дне ее. Столбы как бы ограничивали четырехугольник площадью $1,7 \times 0,75$ м. Это было небольшое сооружение, конструктивно связанное с ямой IV и, следова-

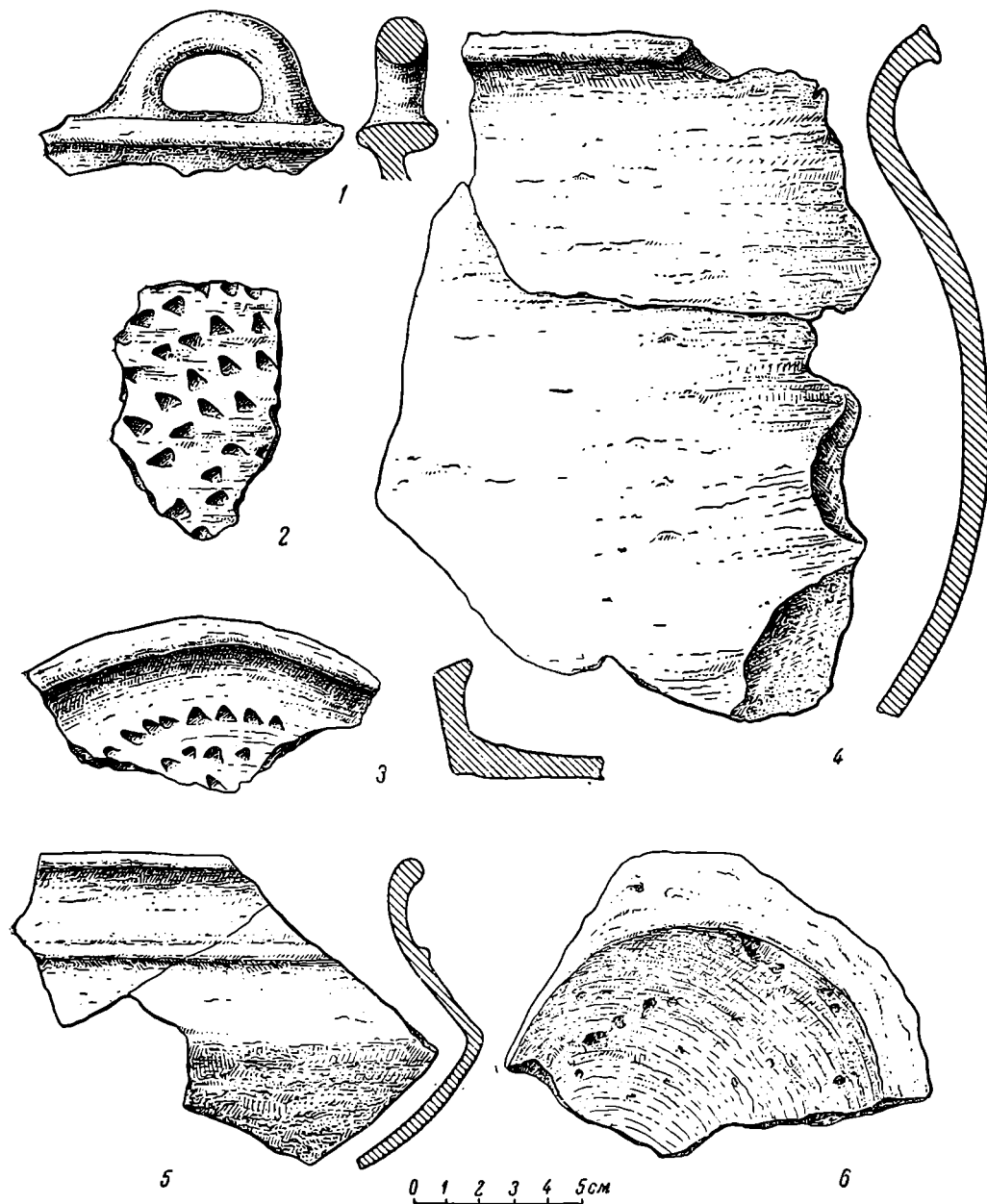

Рис. 14. Обломки керамики культуры полей погребений (из раскопок 1951 г.):

1 — фрагмент сосуда для подвешивания (лампада, курильница?); 2, 3 — обломки миски или сковородки с орнаментом на внутренней поверхности днища; 4 — обломок большого лепного сосуда банкообразной формы; 5, 6 — фрагменты гончарной посуды

тельно, относящиеся к тому же времени. Одновременность их становится особенно ясной, если учесть, что один из столбов сооружения вкопан на дне ямы. Будь сооружение более древним, чем яма, столб был бы уничтожен без остатка (глубина ямок в среднем 25 см), а если бы оно было более поздним и относилось к тому времени, когда ямы уже не было, то столб вкопали бы в заполнение ямы.

Развал печины бесспорно происходит от стен этой небольшой постройки, которая, очевидно, имела обмазанные глиной стены. Что она собою представляла, сказать трудно. Во всяком случае это не могла быть печь на столбах: размеры, местоположение и прежде всего характер завала, который лежит не компактной массой непосредственно над местом сооружения, а занимает довольно большое пространство,— все это говорит против такого предположения. Судя по величине завала, стены сооружения были довольно высокими. Печина, составляющая завал, сравнительно мелка, разной степени обжига, причем сплошь и рядом довольно низкой, что также не допускает возможности рассматривать вскрытый комплекс в качестве остатков печи.

В завале печины и под ним редко, но неизменно встречалась керамика культуры полей погребений. Важно отметить находку внутри сооружения

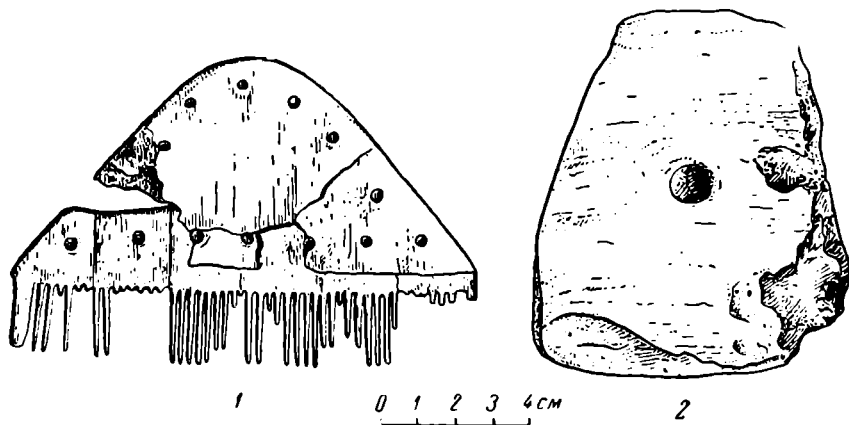

Рис. 15. Вещи с поселения в с. Иванковцы.

1 — костяной гребень; 2 — глиняный конус с отверстием

фрагмента весьма любопытного сосуда, аналогии которому в материалах, относящихся к культуре полей погребений, до сих не встречались. Это — обломок уплощенного венчика с вертикальной ручкой, т. е. фрагмент сосуда, приспособленного для подвешивания, — своего рода лампы или курильницы (рис. 14—1). По технологии черепок бесспорно относится к керамике полей погребений черняховского типа.

В заполнении ямы IV также встречались черепки посуды культуры полей погребений и, кроме того, посуды, украшенной волнистым и линейным орнаментом, нанесенным многозубчатым штампом. Такая керамика находит себе аналогии, например, на Пастерском городище и датируется временем VI—VIII вв. н. э.

С западной стороны ямы IV и ниже ее расчищена еще одна, видимо, более древняя яма V, перекрытая завалом описанного выше сооружения. Диаметр ее 0,95 м, глубина около 0,70 м; стенки были почти совершенно отвесны. В заполнении ее ничего не найдено, кроме большого обломка жорнова и глиняного конуса с отверстием (рис. 15—2). Назначение таких конусов точно не установлено; их считают грузилами, подставками для вертелов, культовыми предметами и т. д.

Примерно в двух метрах к юго-западу от ямы IV, на уровне дневной поверхности времени культуры полей погребений, обнаружена аккуратно выложенная из крупных плоских камней вымостка, прямоугольная в плане. Размеры ее 1,4 × 0,6 м. Размеры отдельных камней доходят до 34 × 22 см, 30 × 19 см при очень незначительной толщине. Камни (местный известняк) не несут ни малейших следов действия огня.

Яма VI, частично также перекрытая завалом печины, расчищена примерно в 2,2—2,3 м к западу от ямы IV. Она вытянутой формы, длина ее 1,0 м, ширина 0,4—0,5 м; опускается она вниз уступом: южная часть глубиной 0,35—0,45 м, северная 0,95 м. В заполнении найдено много обломков известняка.

Таковы археологические объекты, открытые на раскопе I близ стоящего изваяния.

Все раскопанные памятники можно датировать одним и тем же временем. В целом они, очевидно, относятся к поселению культуры полей погребений. На территории поселения, восточнее площади, изучавшейся в

Рис. 16. Серебряная монета Люция Вера

1951 г., найдены в разное время две римские монеты — обе периода правления императора Люция Вера (161—169 гг.) (рис. 16). Поселение, таким образом, существовало после II в. н. э.

Но известно, что римский денарий II в. н. э. в среде восточных славян обращался очень долго, во всяком случае до IV—V вв. н. э., а возможно и еще дольше. Поэтому находка монет ни в коей мере не может быть указанием на

необходимость датировки поселения именно II—III вв. н. э.

Напротив, находки (правда, немногочисленные) посуды VI—VIII вв. н. э. свидетельствуют в пользу более поздней даты. Преобладание на поселении изготовленной на гончарном круге керамики из глины с примесью песка также может служить свидетельством относительно более поздней датировки поселения (рис. 17).

Таким образом, как все поселение в целом, так и раскопанные в 1951 г. объекты следует датировать серединой I тыс. н. э. (примерно IV—VI вв.). О точном назначении объектов судить довольно трудно. Во всяком случае бесспорно одно: все они принадлежали не к жилому и не к хозяйственному комплексу. Об этом свидетельствует их топография и характер материала. Яма IV не могла иметь практического назначения, ибо связана с наземным сооружением, малые размеры которого не позволяют признать его ни жилищем, ни какой-либо хозяйственной постройкой.

Важно, что близ изваяний не обнаружено никаких следов жилищ, не обнаружено ни печей, ни очагов, ни даже признаков их.

Инвентарь, состоящий только из керамики и костей животных, среди которых нередко встречались рога, также не подтверждает хозяйственного назначения раскопанных объектов. Здесь совершенно нет бытовых предметов, неизменно встречающихся при раскопках поселений культуры полей погребений.

Исключение составляет костяной гребешок (рис. 15—1), найденный, однако, вне указанных объектов и являющийся по существу случайной находкой. Обнаруженные под развалом печины обломки жерновов были использованы в качестве строительного материала. Среди керамики из заполнения ям или из завала печины от наземного сооружения на четырех столбах встречаются формы, не известные для обычной домашней посуды культуры полей погребений (обломок блюда из ямы I, обломок «лампады» из-под завала стен сооружения и т. д.).

Все это придает раскопанным объектам особенный, необычный для культуры полей погребений характер.

Описанный комплекс раскопан в непосредственной близости от изваяния, изображающего какое-то древнее божество. Это заставляет предположить, что данные объекты имели культовое назначение, тем более что топо-

графически они как-будто связываются с местоположением идола. Этот вывод представляется вполне правдоподобным, обусловленным фактическими данными. Вымостка из крупных плоских камней вполне естественно

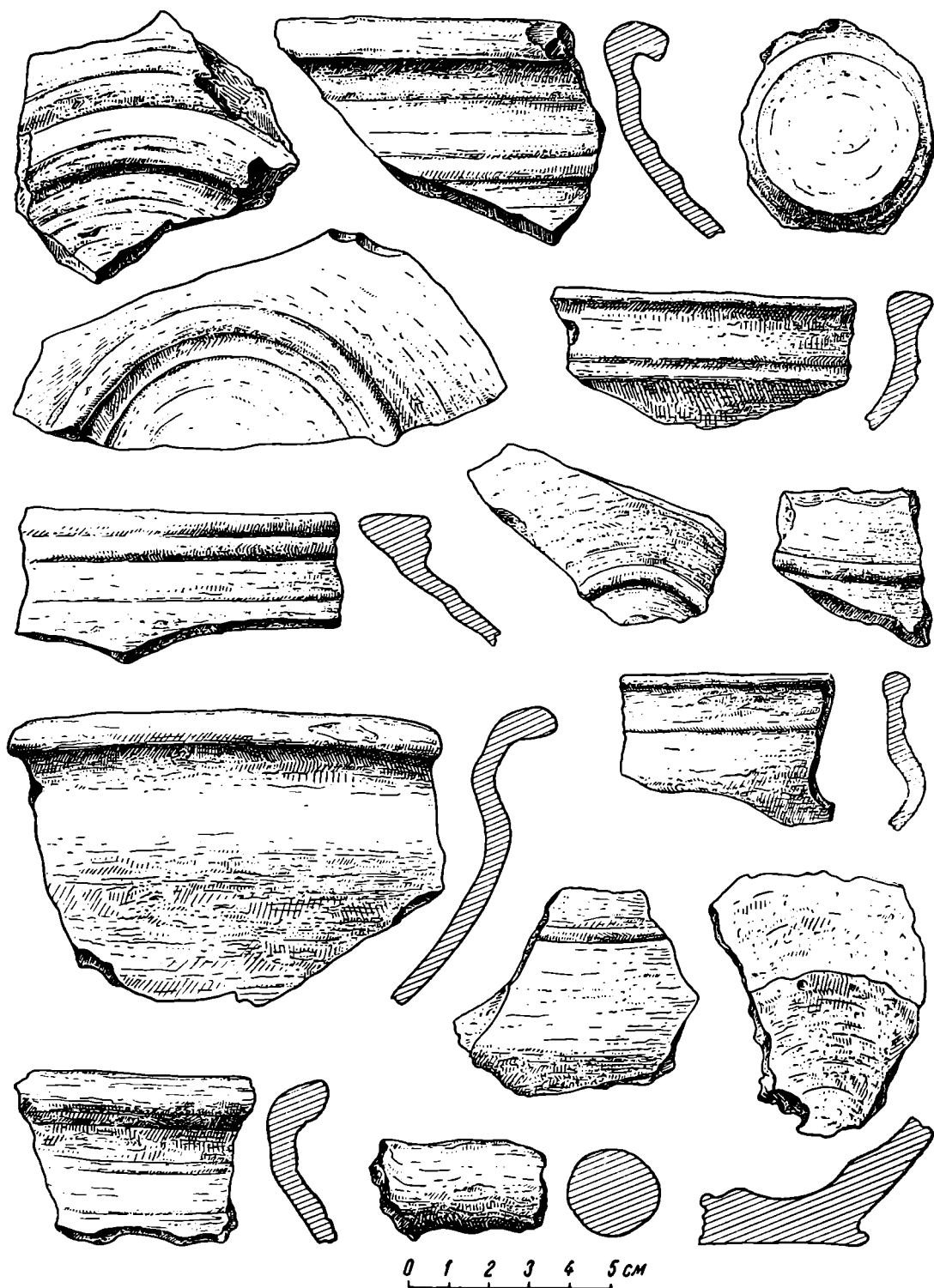

Рис. 17. Образцы керамики культуры полей погребений из раскопок 1951 г.

может быть объяснена как жертвенник. Небольшое сооружение с высокими стенами и подвешенной внутри курильницей или лампадой также могло быть культовым. Обнаруженные здесь кости должны быть истолкованы

как кости жертвенных животных, а посуда — как культовая посуда для приношений.

Анты — носители культуры полей погребений, издревле совершали жертвоприношения своим богам. В частности, по сообщению Прокопия Кесарийского, анты приносили быков в жертву божеству грома.

Все сказанное заставляет говорить о связи трех изваяний с культурным слоем поселения времени культуры полей погребений более определенно, чем это можно было на основании одних только разведочных данных.

Повидимому, каменные фигуры оказались на территории поселения культуры полей погребений не случайно. Несомненно, фигура с изображениями человеческих лиц на четырех сторонах столба, с которой увязываются раскопанные объекты (правильно расположенные четыре ямы по одной линии, отходящей к северу от подножия статуи), стоит на своем первоначальном месте. Вряд ли можно представить, чтобы эти изваяния, более тонны весом каждое, могли быть привезены позже из другого места, тем более, что подобные культовые памятники никакого практического значения не имеют.

К какому же именно времени следует относить изваяния — к периоду функционирования поселения культуры полей погребений, к более древнему времени или ко времени после уничтожения поселения? Второе предположение невероятно фактически: если бы изваяния были поставлены до возникновения поселения, они, конечно, были бы уничтожены жителями. Более того, трудно представить себе, чтобы поселение возникло в таком месте, где до этого стояли статуи, имевшие бесспорно сакральное значение. Исторический опыт свидетельствует, что таких мест всячески избегали.

Далее, на территории, где находятся изваяния, нет никаких следов культуры более позднего времени, чем середина I тыс. н. э., которые могли бы указать на функционирование памятников после уничтожения поселения культуры полей погребений. Как разведка, так и раскопки показали, что здесь встречаются только предметы, относящиеся к культуре полей погребений, если не считать находок, которые должны быть отнесены к трипольскому слою или современному селу. Если бы фигуры были поставлены после уничтожения поселения культуры полей погребений, то, несомненно, совершаемые возле них обрядовые действия не могли бы не оставить каких-нибудь следов. Приходится думать, что статуи поставлены во время существования поселения культуры полей погребений его обитателями.

Об этом же свидетельствует и характер культурного слоя середины I тыс. н. э. на площади в непосредственной близости к изваяниям, в частности около статуи № 1. Правда, раскопки еще не достаточны по своим масштабам, чтобы определенно говорить о том, что представляла собой эта площадь в середине I тыс. н. э., однако по материалам, которыми мы располагаем, установлено, что здесь во всяком случае не было обычных жилых кварталов поселения. Участок в основной своей части был, видимо, свободен от застройки и являлся языческим святилищем, где находились культовые сооружения.

Количество подъемного материала в этом месте незначительно и уменьшается в направлении на юг, запад и север. Можно предположить, что поселение находилось восточнее, на мысу, при слиянии двух ручьев, где встречаются в большом количестве различные находки, в том числе железные и керамические шлаки и крупные обломки каких-то сооружений (возможно, горнов).

Дальнейшие раскопки, проведение которых в более крупных масштабах крайне желательно, должны окончательно выяснить этот важный вопрос.

На основании проведенных работ можно сделать вывод, что каменные

идолы у с. Иванковцы имеют самое непосредственное отношение к поселению культуры полей погребений, на территории которого они находятся, следовательно, относятся к одному времени и оставлены одним населением.

В настоящее время можно считать общепринятой точку зрения о принадлежности культуры полей погребений черняховского типа юго-западной ветви восточнославянских племен, известных в источниках середины I тыс. н. э. под именем антов.

Следовательно, в Иванковцах мы имеем дело с антским святилищем, характеризующим религиозные верования восточных славян до образования Киевской Руси. Это первое ставшее известным науке святилище антов наряду с другими древнеславянскими святилищами (например, святилищем юхновской культуры, раскопанным Б. А. Рыбаковым во Вщиже) займет должное место среди археологических памятников, освещающих древнеславянскую языческую религию.

Единственным памятником, аналогичным иванковецким изваяниям, является так называемый Святovit, или Збручский идол, извлеченный в 1848 г. со дна реки Збруч возле местечка Гусятин. Но интерпретация Збручского идола, не связанного с определенным культурным слоем, представляла исключительно большие трудности. Даже хронология его до сих пор точно не определена, и расхождения во мнениях исследователей по этому вопросу чрезвычайно существенны.

Изучение иванковецких изваяний дает новые материалы для решения этого вопроса. Видимо, многоликая фигура из Иванковцев и знаменитый Святovit, или Збручский идол, изображали одно и то же божество. Трудно сказать, было ли это божество действительно Святovitом, как ранее предполагали, или иным, чье имя осталось нам неизвестным. Очевидно лишь, что культ этого божества был распространен среди восточных славян и что оно занимало почетное место в славянском языческом пантеоне.

ленной по раскопкам курганов в Станиславской и Закарпатской обл.¹ Во всех раскопанных насыпях на древней поверхности земли или в неглубоких ямках обнаружены остатки кострищ — обгорелые кости, угольки, зола, обломки глиняных сосудов со следами действия огня. Под слоем

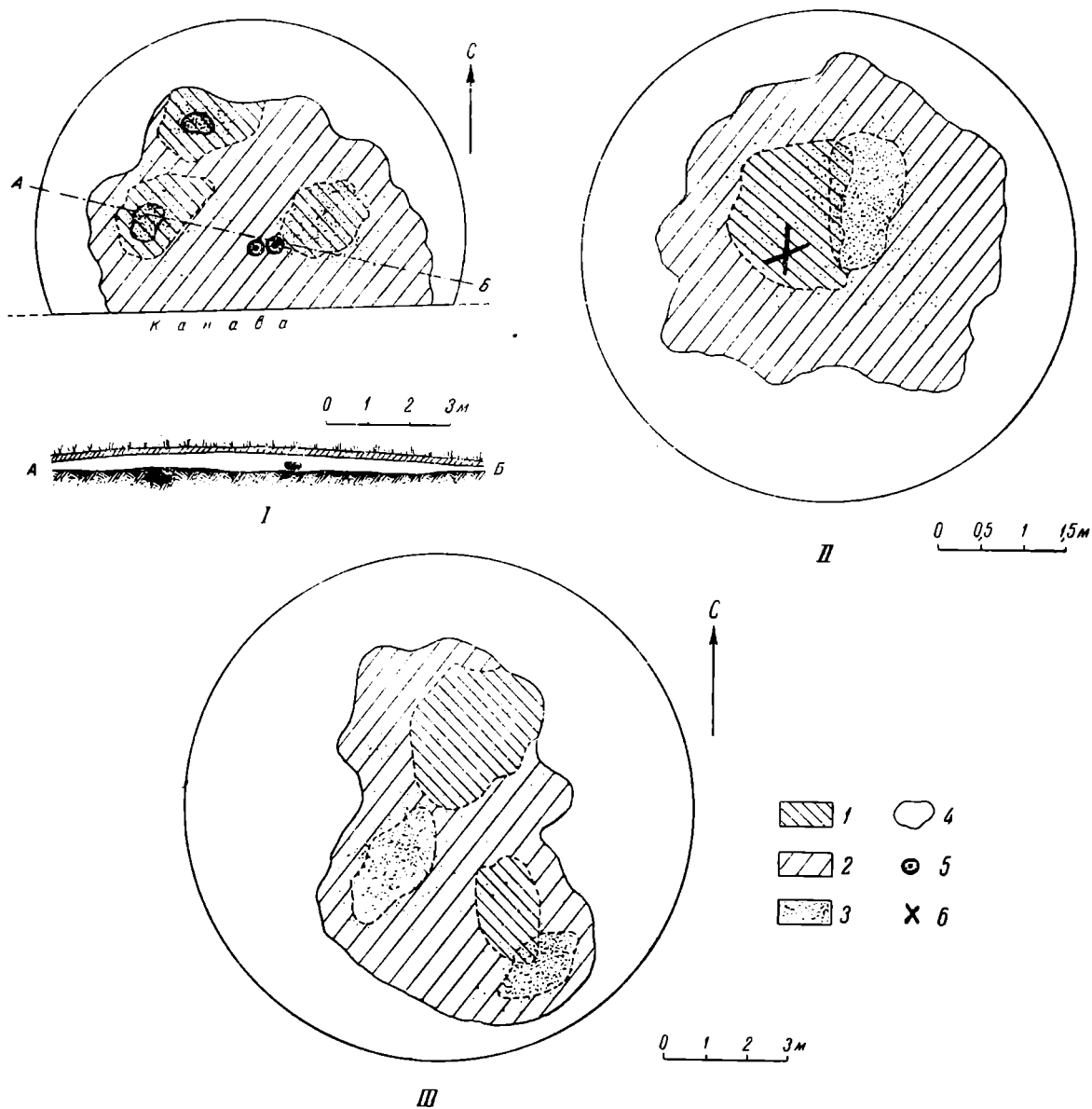

Рис. 19. Подкарпатские курганы.

I — план и профиль кургана № 4; II — план кургана № 5; III — план кургана № 6; 1 — пережженная земля (следы кострищ); 2 — распространение слоя сожжения; 3 — распространение жженных костей; 4 — углубления, наполненные остатками сожжения (в плане даны замкнутыми жирными линиями, в профиле — пятном черного цвета); 5 — глиняные сосуды; 6 — остатки сгоревших балок

сожжения всегда находятся пятна земли красного или рыжеватого цвета, свидетельствующие о длительном действии огня, и жженные человеческие кости, что указывает на сожжение покойника на месте погребения.

В четырех из пяти вскрытых курганов под сплошным слоем сожжения обнаружены следы двух или трех обожженных пятен земли. На каждом пятне или возле него лежат компактной массой жженные человеческие кости,

¹ М. Ю. Смішко. Доба полів поховань в Західних областях України. Археологія, т. II; М. Ю. Смішко. Два курганні могильники в околицях с. Ізи Закарпатської області. Археологічні пам'ятники УРСР, т. III, стр. 315.

перемешанные с углем и золой. Так, в кургане № 4 (рис. 19—I) под сплошным слоем сожжения обнаружены обожженные пятна земли в трех местах: одно в центре и два по бокам. В местах боковых пятен вырыты ямки (глубиной до 30 см), стенки которых частично также обожжены. На всех пережженных пятнах земли лежали толстым слоем жженные кости, перемешанные с углем и золой; кости заполняли и вырытые ямки. Остатки сожжения распространялись значительно шире самих пятен, образуя в кургане сплошной слой сожжения. Наиболее толстый слой лежит на пережженных пятнах земли, а в стороны от них уменьшается и сходит на нет. Границы между отдельными кострищами не прослеживаются. Число кострищ в одном кургане определяется числом пятен обожженной земли, на которых или возле которых лежат толстым слоем остатки трупосожжения.

В отдельных курганах обнаружены следы нескольких пятен обожженной земли, связанных с остатками отдельных трупосожжений, что дает право видеть здесь коллективные погребения. Возможно, что в одном кургане производилось погребение путем сожжения нескольких членов одной патриархальной семьи.

Во всех курганах найдены сильно поврежденные огнем разные вещи: шлакированные обломки глиняных сосудов, переплавленное стекло (в кургане № 6) и пережженные кости, что указывает на действие сильного огня во время кремации. В то же время земля в местах кострищ прокалена сравнительно мало. Если судить о силе костров по степени обожженности земли, то они были явно недостаточны для полного сожжения человеческого тела, что мы и наблюдаем в курганах Глубокского могильника. Это становится понятным, если допустить, что сожжение покойника проводилось на определенной высоте над землей, повидимому, в деревянном сооружении. Найденные в кургане № 2 кусочки глиняной обмазки с примесью соломы и отпечатками дерева и железный гвоздь, а в кургане № 5 — обгоревшие бревна (рис. 19—II) могут быть остатками таких сооружений. Предположение о сжигании умершего на определенной высоте над землей дает возможность понять расположение слоя сожжения в курганах, когда основная масса остатков трупосожжения лежит в стороне от кострища, что, например, наблюдалось в курганах № 5 и 6 (рис. 19—II, III). В то же время остатки трупосожжения лежат в ненарушенном виде. Повидимому, во время кремации догоравшее сооружение падало, причем основная масса остатков трупосожжения могла упасть и в стороне от костра (даже — в зависимости от силы и направления ветра). Часть же остатков сожжения при этом рассыпалась на значительно бóльшую территорию, образуя сплошной слой сожжения.

На кострищах всех раскопанных курганов разбросано много битых глиняных сосудов со следами действия огня. Характер обожженности обломков свидетельствует о том, что сосуды были брошены в огонь уже разбитыми (иногда изломы больше обожжены, чем стенки).

Таким образом, в курганах прослеживается обряд, сопровождавшийся разбиванием глиняных сосудов во время погребения. Этот обряд, характерный для могильников культуры полей погребений черняховского типа¹, прослеживается в Прикарпатье также в более поздних захоронениях. Так, при исследовании славянских погребений XI—XIII вв. в Прикарпатье (Галич, летописный Васильев)² в большинстве могил обнаружены обломки глиняных сосудов, иногда вместе с углем. В некоторых селах Северной

¹ С. В. Махно. Пам'ятники культури полів поховань Черняхівського типу. Археологія, т. IV, стр. 65.

² Современное село Васильев Заставнянского р-на, Черновицкой обл. Раскопки погребений XI—XIII вв. проводились здесь автором настоящей статьи.

Буковины обряд разбивания глиняных сосудов во время похорон наблюдается и сейчас¹.

В двух курганах, кроме остатков трупосожжений, обнаружены глиняные сосуды, поставленные в курганы с пищей и напитками уже после сожжения покойника. В кургане № 2 прослежена яма, вырытая после возведения насыпи. На дне ямы, на уровне слоя сожжения, стояло девять глиняных сосудов. Внутри сосудов ничего не обнаружено, но по их формам можно судить, что они были предназначены для пищи (миски, горшки) и напитков (узкогорлые кувшины, амфора). В центре кургана № 4 на древней поверхности земли было поставлено два глиняных сосуда, высокий широкогорлый горшок и миска. Внутри горшка стояла глиняная чарка, а на стенках обнаружен осадок воска. Если принять этот осадок воска за остатки медового напитка, то перед нами еще одна интересная деталь погребального ритуала: медовые напитки широко применялись в погребальном ритуале восточных славян².

Обычай ставить глиняные сосуды в могилу наблюдается в селах Северной Буковины до недавнего времени³.

Таковы основные черты погребального ритуала, установленные по раскопкам Глубокского курганного могильника. Перед нами невысокие курганы, под насыпями которых на древней поверхности лежат остатки трупосожжения, произведенного на месте погребения. Инвентарь вскрытых погребений очень беден; он состоит главным образом из глиняной посуды, за исключением обломка сердоликовой бусинки и железного гвоздя из кургана № 2 и кусочка расплавленного стекла из кургана № 6. Большинство курганов — коллективные погребальные сооружения.

Эти черты погребального ритуала типичны для древних славян. Сопоставление обряда погребения Глубокского могильника с обрядом древних славян подтверждает предположение исследователей о принадлежности подкарпатских курганов одному из раннеславянских племен.

Анализ материала из раскопанных курганов, главным образом керамики, не дает достаточных данных для таких выводов. По технике изготовления найденную керамику можно отнести к трем основным группам: круговая, изготовленная из отмученной глины, круговая с примесью песка в тесте и лепная.

Круговая керамика из отмученной глины (рис. 20—1—6) по количеству занимает первое место. К этой группе относятся все сосуды, поставленные в кургане, а также большинство битых сосудов из слоя сожжения. Группа включает несколько разнообразных форм: горшки, миски, кувшины, чарки. Поверхность сосудов покрыта ангобом, иногда орнаментирована лощеными зигзагообразными линиями. Все сосуды имеют кольцевую подставку. Своими формами и техникой изготовления эта керамика мало чем отличается от керамики черняховского типа; она имела самое широкое распространение в Восточной Европе в первых веках нашей эры. Эта группа керамики не может поэтому служить для определения племенной принадлежности населения, оставившего могильник, но может быть использована до некоторой степени для определения датировки. Амфора позднееримского

¹ В с. Слобода Глубокского р-на глиняные сосуды разбивают при выносе покойника из хаты; во многих селах глиняные сосуды, принадлежавшие покойному, разбивают во время поминок.

² На важное значение медового напоя в погребальном ритуале восточных славян указывается в Повести временных лет: «И посла к деревлянам, рькуши сице: «Се уже иду к вам, да пристройте меды многи в граде, иде же убисте мужа моего, да поплачуся над гробом его, и створю трызну мужю своему». Они же, то слышавше, съвезоша меды многи зъло и възвариша». Повесть временных лет, изд. АН СССР, 1950, стр. 41.

³ В с. Рыпужинцы Заставнянского р-на в могилу ставили глиняный горшок у головы покойника.

типа (рис. 20—8) и другие сосуды этой группы дают возможность датировать могильник приблизительно III—V вв. н. э.

Круговая керамика с примесью песка и мелких камешков в тесте занимает по числу найденных сосудов второе место. На поверхности сосудов

Рис. 20. Глиняная посуда из подкарпатских курганов.

1 — кувшин из кургана № 2; 2, 3, 4, 6 — миски из кургана № 2; 5 — миска из кургана № 4; 7 — часть горшка из кургана № 3; 8 — остродонная амфора из кургана № 2 (1—6 первая группа керамики, 7 — вторая группа)

этой группы выступают зерна и камешки, создавая впечатление нарочитой посыпки. Наиболее характерная форма здесь — горшки (рис. 20—7). В противоположность первой, сосуды второй группы плоскодонные. Керамика такого рода иногда встречается на славянских поселениях VIII—X вв. в Прикарпатье. Поэтому при определении этнической принадлежности могильника можно брать во внимание только керамику этой группы.

Лепная керамика встречена во всех курганах, но в незначительном количестве. Она изготовлена из неочищенной глины с примесью крупнозернистого песка или же шамота. В формах и технике изготовления выступают местные традиции скифского времени.

Культура подкарпатских курганов изучена недостаточно. До настоящего времени она была представлена исключительно могильниками. Поселения были неизвестны, что затрудняло изучение. Экспедиции удалось обнаружить поселения, связанные с подкарпатскими курганами, у сёл Глубокое и Слободка Глубокского района. На поселениях собраны обломки керамики таких же типов, как и в курганах, куски глиняной обмазки с отпечатками дерева, расколотые кости животных, обожженные камни и т. п. На поселении Словатчина в 0,5 км на юго-запад от исследованного могильника в обрыве берега расчищены остатки каменного очага.

Изучение обнаруженных поселений даст возможность решить ряд проблем, связанных с исследованием подкарпатских курганов, в первую очередь установить занятие населения, оставившего их.

Я. В. СТАНКЕВИЧ

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ
ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ
В ВЕРХОВЬЯХ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ ЗА 1949—1951 ГОДЫ

Слабая степень изученности в археологическом отношении верхнего течения Западной Двины¹ не может быть объяснена ни отсутствием археологических памятников, ни малым значением этой территории в историческом отношении.

Согласно свидетельствам Начальной летописи, верховья Зап. Двины, так же как и верховья Волги и Днепра, с древнейших времен заселяли кривичи. На этом основании область верхнего Подвинья прочно вошла в литературу как территория восточнославянского племени кривичей.

О времени появления кривичей в этой области в летописях и вообще в письменных источниках сведений нет. Получить их можно будет, повидимому, лишь на основе археологических данных.

Предпринятые нами трехлетние (1949—1951) систематические исследования памятников в верховьях Зап. Двины и преследовали цель в какой-то мере восполнить этот пробел.

В 1951 г. Западнодвинским отрядом Славянской экспедиции, организованным совместно с Торопецким музеем краеведения, продолжались работы двух предшествующих лет. Было обследовано верховье Зап. Двины, от ее истоков и разветвленной системы верхних притоков и озер (Бросно, Оголово, Охват и Жеданье, рек Волкоты, Бросны и др.) до впадения в Зап. Двину р. Торопы.

Приступая к разведкам верхнего течения Зап. Двины, мы воспользовались данными разведок Белорусской Академии наук в 1930-х годах², частично затронувших наш район. Правда, в них, кроме наименований местонахождений древних памятников, мы ничего не нашли, но и это оказало некоторую помощь в ориентировке при нашем движении по маршруту.

В итоге месячных разведочных работ в 1951 г. было выявлено и обследовано свыше 130 археологических памятников. Изыскания 1951 г. завершили изучение довольно большой территории, известной в раннефеодальный период под названием Торопецкой земли, включавшей в себя пространство между Зап. Двиной и Торопой.

¹ Я. В. Станкевич. Археологическая разведка в Великолукской области. КСИИМК, вып. XXXVIII; ее же. Итоги археологических работ 1950 года в Великолукской области. КСИИМК, вып. XLVII.

² Запискі Беларускай Акадэміі Навук, кн. 5, 1934, стр. 210 и сл.

В физико-географическом отношении эта территория, составляющая ныне северо-восточную часть Великолукской обл., характеризуется изобилием мелких озер, разветвленной сетью рек и тесно примыкает к известной в Начальной летописи под наименованием «Оковского леса» лесистой, возвышенной области водораздела Зап. Двины, Волги и Днепра. В юго-западной части этой возвышенности было обнаружено много естественно защищенных древних поселений, свидетельствующих о значительной заселенности этой территории в прошлом.

Сохранившиеся в местной топонимике старые названия волоков указывают на древние связи населения, обитавшего в районе верхнего отрезка Зап. Двины, входившего в систему транзитного водного пути, с обитателями земель по Ловати и Волхову на севере, по Волге на северо-востоке и по Днепру на юге, что не могло не отразиться на характере складывающейся здесь культуры.

Данные, полученные в итоге работы 1951 г., подтвердили и дополнили намеченную нами по материалам 1949—1950 гг. классификацию памятников по четырем основным группам, позволили более детально разработать относительную хронологию каждой группы и выявить локальные особенности внутри них. В результате трехлетней работы нами обследовано около 300 археологических пунктов, из которых свыше 200 относятся ко времени I и начала II тыс. н. э. и принадлежат к основной интересующей нас группе памятников. Поэтому мы не считаем нужным отдельно останавливаться на характеристике памятников, обследованных в 1951 г., а попытаемся суммировать все материалы, собранные за три года работы.

Прежде чем перейти к характеристике памятников I тыс. н. э., стоявших в центре внимания работы отряда, следует хотя бы кратко остановиться на более ранних, обследованных в те же годы. К их числу принадлежат неолитические стоянки (около 70), концентрирующиеся в приозерных районах или в области конечных морен. Обычно эти поселения расположены на мысах и сухих песчаных берегах озер и рек, а также при впадении и у истоков рек из озер, особенно изобиловавших рыбой и водоплавающей птицей, представлявшими, очевидно, в ту эпоху основной источник пищи.

Материалы разведок еще недостаточны для подробного обоснования датировки памятников. Все же уже сейчас можно говорить о чрезвычайно молодом возрасте большинства неолитических поселений. Лишь в единичных случаях в Верхне-Двинском озерном районе обнаружены пункты нахождения массивных орудий и отщепов макролитического облика при отсутствии керамики («Пороги» в истоках Двины, «Красный Рюм», озеро Отолово, Обдынъ на озере Охват). На эту особенность в свое время обратил внимание К. П. Поликарпович при обследовании стоянки «Пороги»¹. Эти факты требуют дополнительной проверки.

На основе характерного для большинства стоянок разнообразного набора кремневых орудий хорошей отжимной техники (наконечников стрел и дротиков, остриев, скребков, ножей и т. п.), наряду с крупными заготовками и орудиями, в том числе полированными, и поздними развитыми типами ямочно-гребенчатой керамики, большинство стоянок может быть отнесено к эпохам позднего неолита и бронзы (в основном ко II тыс. до н. э.) и сближается с неолитической культурой северной Белоруссии и Валдайской возвышенности.

Однако среди хорошо сохранившихся неолитических поселений Верхне-Двинского озерного района есть отдельные пункты, где кремневые орудия поздне-неолитического облика встречены вместе с сетчатой керамикой («Бобровецкий плес-3» в истоках Двины). Это указывает на длительное

¹ См. там же, стр. 213.

переживание здесь неолитической культуры, почти смыкающейся с культурой, представленной древнейшими укрепленными поселениями, к которым мы сейчас и перейдем.

Как уже отмечалось, поселения I — начала II тыс. н. э. хронологически распадаются на четыре группы.

Поселения первой группы представлены древнейшими городищами (их обнаружено до десяти), среди которых отмечены переходные типы от открытых к укрепленным поселениям (у с. Михайловского, Подгай).

Следует отметить сохранение старых традиций в выборе мест для поселений по бассейнам озер и небольших рек. Остатки древних населенных пунктов, как и в позднеолитическую эпоху, наиболее часто встречаются у истоков или при впадении небольших рек в озеро. Однако городища были обнаружены и на более возвышенных участках берега, что, повидимому, свидетельствует об изменении форм хозяйства. При сооружении городища склонам избранной возвышенности с целью укрепления искусственно придавалась крутизна, а небольшая, обычно овальной формы площадка, в среднем 40×60 м, часто дополнительно укреплялась валом и рвом.

Могильников близ этих городищ почти не встречается.

Территория распространения поселений первой группы может быть ограничена линией, идущей с северо-востока от верховьев Зап. Двины (Песчаха, Ольховец на р. Волкоте) и пересекающей верхнее течение р. Торопы (Подгай), на юго-запад, к бассейну Жижицкого озера (Михайловское, Ямище).

К востоку от этой линии древнейших городищ не прослеживается.

Достаточно мощный культурный слой древних поселений, помимо массового материала — керамики, содержит костяные и единичные бронзовые изделия. В то время как для городищ северо-западной части отмеченной территории типична керамика с сетчатыми отпечатками на стенках, наряду с гладкой лепной, для остальной массы памятников, в особенности юго-западной части очерченной территории, характерно сочетание сетчатой, древней штрихованной и гладкой лепной керамики.

Новые данные для определения культуры и обоснования датировки древнейших городищ (первой и второй групп классификации) были получены в результате раскопок значительной части площади городища Подгай (в урочище Подгай близ города Торопца). Находки из древнейших отложений культурного слоя, вскрытого здесь на площади в 600 м^2 , оказались очень близкими к материалам из поселений юго-западной части территории распространения памятников первой группы. Раскопки в 1951 г. дали возможность на основе более четко прослеженной стратиграфии и соотношения находок расчленить культурный слой городища на два горизонта, соответствующих основным этапам его жизни.

Первый этап определяется нижним культурным горизонтом. В центральной части площадки городища (размером 48×30 м) обнаружено около 20 жилых комплексов. Они представляли собой наземные или несколько углубленные в материк жилища, ориентированные на северо-запад, овальные или преимущественно прямоугольные в плане, размером $2-3 \times 4-6$ м, с остатками деревянных конструкций и с глинобитными очагами овальной формы.

Встреченный в заполнении жилищ комплекс бытовых предметов дает известные основания для суждения о характере культуры, датировке и ведущих формах хозяйства на раннем этапе жизни поселения. Среди массового материала (лепной керамики) имеются сосуды, достигающие 35 см в диаметре, с сетчатыми отпечатками и орнаментацией наколами и зубчатым штампом (рис. 21—1, 2, 3). Более обычны гладкие сосуды баночной формы и чашечки; до 10% составляет штрихованная керамика. Также характерны

пряслица и грузики «дьякова типа» (рис. 21—8), архаичные типы костяных орудий (ножи, тупики, остря) и украшения из кости (цилиндрики, бусы; рис. 21—6, 7). Немногочисленен мелкий железный инструмент (резьчики, остря, ножи; рис. 21—4—5). О знакомстве древних жителей городища с выплавкой железа свидетельствуют встреченные в нижнем

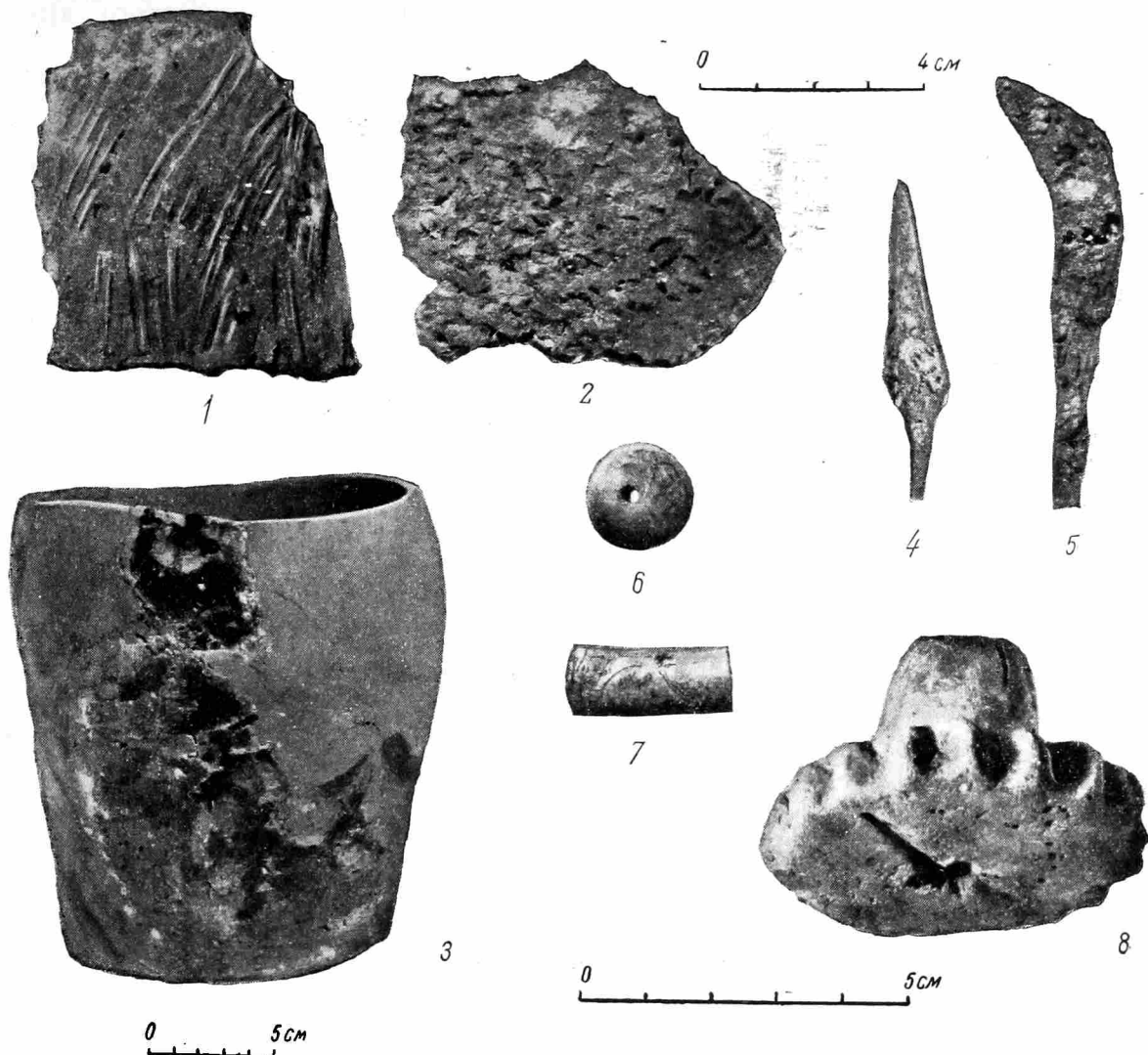

Рис. 21. Инвентарь нижнего горизонта городища Подгай.

1—3—образцы керамики; 4—железный наконечник стрелы; 5—нож; 6, 7—костяные украшения; 8—грузик «дьякова типа»

горизонте разрушенные миниатюрные горны для плавки руды. Обнаруженные в жилищах части каменных зернотерок указывают на развитие земледелия.

Преобладание среди остатков фауны костей домашних животных (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь) свидетельствует о важном значении в хозяйстве скотоводства наряду с промыслами (отмечены виды животных зоны широколиственного леса) и рыболовством.

Древнейший этап жизни данного родового поселения может быть предварительно отнесен к последним векам до нашей эры и первым векам нашей эры. Такая датировка подтверждается анализом хозяйственно-экономического уклада жизни поселения и вещевым комплексом, среди которого имеется набор бронзовых круглых бляшек позднеананьинского типа.

Нами уже высказывалась мысль о связях обитателей первой группы укрепленных поселений верхнего Подвинья с населением широко распро-

страненных в северо-восточном направлении — в верховьях Волги, а также в северной Прибалтике и частично Белоруссии — городищ дьякова типа. По мере накопления нового материала проявляется ряд специфических особенностей обследованных нами городищ первой группы. Не совсем еще ясен вопрос соотношения сетчатой и штрихованной керамики, что можно будет определить только на основе исследования более широкого круга памятников.

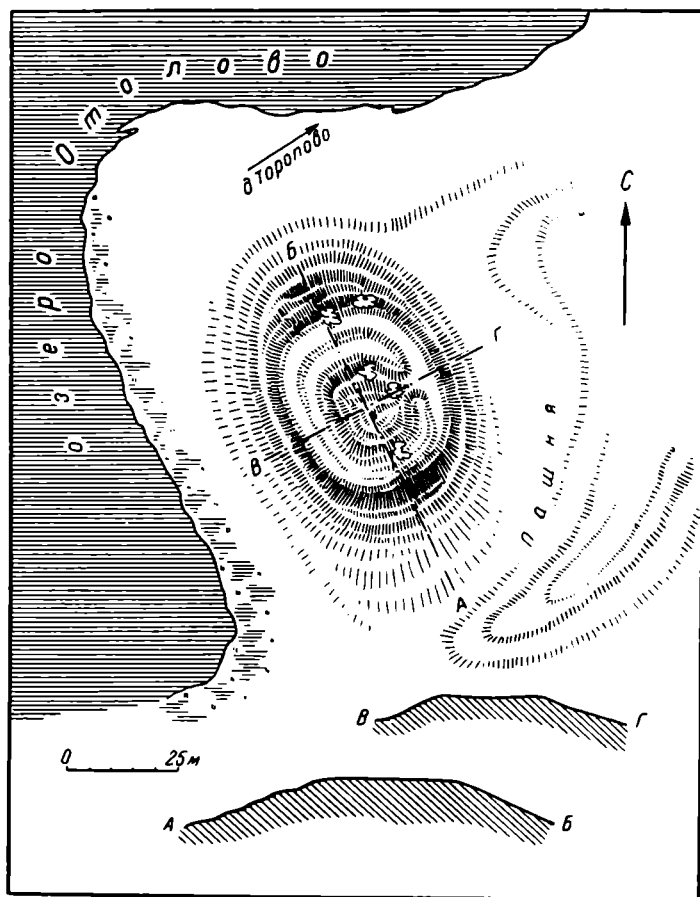

Рис. 22. План и разрезы городища Красная Горка
Черным квадратиком обозначено место раскопок

Наиболее многочисленна вторая группа поселений, включающая до 20 городищ и свыше 15 селищ, отличающихся от более древних памятников прежде всего расположением в пойме рек на мысовых и прибрежных возвышенностях или береговых террасах, близ воды.

Расширение сети поселений было, повидимому, тесно связано с заселением новых пространств вдоль берегов Зап. Двины и ее основных притоков, в особенности у устьев рек, где отмечены целые комплексы памятников.

Большинство укрепленных поселений второй группы отличается сравнительно однотипной формой и максимальным использованием при их сооружении топографии местности.

Среди них встречены миниатюрные и более мощные, в особенности по течению Зап. Двины, городища мысового типа, сооруженные на возвышенности в устье или излучине рек, обычно с двух-трех сторон окруженные водой, а с напольной стороны защищенные террасой или валом. Их площадки — овальной формы, обычно не превышают 20—45 м, но в отдельных случаях достигают 100 м по наибольшей оси и, как правило, имеют мощные культурные отложения. В качестве примера можно привести горо-

дище Красная Горка на озере Отолово в верховьях Зап. Двины (рис. 22).

Не менее характерным типом поселений являются лесные городища, удаленные от водной системы; они аналогичны по форме и размерам предыдущим, но отличаются более мощной оборонительной системой в виде различного сочетания кольцевых или полукольцевых валов и рвов. Незначительность культурного слоя заставляет нас предположительно отнести их к типу городищ — убежищ на время военной опасности.

Поселениям второй группы сопутствуют многочисленные могильные памятники. В бассейне Зап. Двины и Торопы распространены могильники, содержащие, наряду с круглыми и сопковидными насыпями, длинные и удлинённые курганы, связанные с погребальным обрядом восточнославянской племенной группы кривичей.

Городища отмеченного типа широко прослеживаются по всей изучаемой территории, в особенности в центральных ее районах. Но уже по имеющимся данным среди них намечаются некоторые локальные варианты. Характерное для большинства городищ северо-западной части территории Верхне-Двинского озерного района и верхнего течения р. Торопы сочетание лепной гладкой, штрихованной и слабо штрихованной керамики, преимущественно баночной формы, в юго-западной части территории (среднем течении р. Торопы и в бассейне Жижицкого озера) дополняется типичной лепной керамикой с зашипами по венчику, реже по тулову (Шетнево, Барузда, Узмень 2, Михайловское). Подобный комплекс керамики достаточно типичен для прибалтийских поселений нижнего течения Зап. Двины (Латвия), а также Литвы и центральной части Белоруссии.

В отличие от предыдущих, в восточной части территории по течению Зап. Двины более мощные и разнообразные по своей оборонительной системе городища дают исключительно слабо профилированную гладкую лепную керамику при полном отсутствии отмеченных выше прибалтийских ее элементов.

Памятники эти близки синхронным поселениям верхнего течения Днепра (района Смоленщины). Впрочем эти вопросы еще требуют уточнения путем более углубленного исследования как тех, так и других.

Более полно, на основе раскопок верхнего горизонта городища Подгай, раскрывается характер поселений первого локального варианта, связанного с верхним течением р. Торопы. Прослеженные на вскрытой площади городища остатки десяти жилых комплексов верхнего горизонта, перекрывающие более древние отложения, примыкали к внутренней стороне кольцевидной вымостки из мелкого камня внутри земляного вала, окружавшего площадку городища. Они представляли собой, повидимому, наземные срубные жилища, прослеживающиеся в виде частей обугленных бревен и плах и глинобитных или каменных очагов. Значительно изменяется по сравнению с материалом нижнего горизонта встреченный в заполнении жилищ вещевой комплекс.

Наряду с частично сохраняющимися теми же баночными формами глиняной лепной посуды, здесь более типичны лепные сосуды с вытянутыми, чуть расширяющимися плечиками с гладкой и штрихованной поверхностью и глиняные пряслица. Прочно входит в обиход несложный набор железных орудий (серпов, округло и коленчатоизогнутых ножей, шильев, резчиков), вытесняющих костяные изделия, сохраняющиеся лишь в виде поделок и украшений.

Существенные изменения происходят в хозяйственном укладе населения. Одновременно с развитием скотоводства, разведением мелкорослого скота лесного типа, основой хозяйства становится подсечное земледелие, о чем свидетельствуют обнаруженные в жилищах каменные зернотерки и находки обугленных зерен пшеницы.

На основании встреченных здесь некоторых характерных форм инвентаря и украшений — железных кельтов с ушком, булавок с кольцевидной головкой, бляшек и других предметов, хорошо известных по материалам Прибалтийских могильников, ранних городищ Белоруссии и других близких памятников смежной территории, — нам представляется возможным предварительно датировать верхний горизонт городища, соответствующий второму периоду его жизни, серединой I тыс. н. э.

Этим же временем, в порядке уточнения, может быть предварительно датирована вторая группа поселений в целом. Вопрос этнической принадлежности рассмотренного достаточно сложного поселения может быть решен на основе дальнейших углубленных исследований памятника.

Переходя к сжатой характеристике более поздних поселений (третьей и четвертой групп), отметим, что, в отличие от рассмотренных выше древних памятников, мы располагаем здесь лишь сравнительно небольшими разведочными материалами, не позволяющими уловить какие-либо общие закономерности или существенно дополнить уже приводившееся их описание.

К третьей группе поселений мы относим семь городищ, существенно не отличающихся от более древних поселений ни топографическим положением, ни внешними признаками. Довольно типичны среди них мысовые и возвышенные городища усеченноконической формы, а по течению Зап. Двины отмечено большее разнообразие форм. Так, имеются поселения, расположенные на пересечении возвышенной гряды двумя рвами.

Большинство городищ окружено расположенными поблизости или в стороне селищами, со значительно более мощным, нежели на городищах, культурным слоем. Таких селищ было обнаружено более десяти.

Очень многочисленны также находящиеся вблизи и относящиеся к этим же поселениям курганные группы и могильники из округлых и уплощенных насыпей. Характерно, что в верховьях Зап. Двины были встречены особые типы могильных памятников — уплощенные могилы, обложенные кольцом из валунов, и единичные сопки новгородского типа.

На основании анализа лепной, слегка профилированной глиняной посуды, среди которой отмечены образцы, украшенные гребенчатым штампом, глиняных пряслиц и отдельных украшений, памятники третьей группы суммарно датируются концом I тыс. н. э.

Четвертая группа поселений представлена всего шестью городищами. В значительной мере сохраняется близость поселений к воде — берегам озер и рек; частично продолжали существовать древние формы мысовых городищ с овальной площадкой, защищенной концевым валом. Однако существенным отличием мысовых городищ четвертой группы от поселений предшествующей группы является большая мощность, почти геометрически правильная форма и развитая оборонительная система, в частности значительная крутизна склонов, свидетельствующая о больших земляных работах, произведенных при сооружении этих своего рода крепостей.

К новому типу следует отнести особенно крупные (до 100 м в поперечнике) городища-детинцы с примыкающим к ним посадом. Достаточно мощный культурный слой и обильные вещевые находки (переходного типа лепная и развитая гончарная керамика разнообразных типов и орнаментации, шиферные пряслица, стеклянные браслеты и другие украшения) достаточно четко определяют принадлежность памятников к раннефеодальному периоду, самому концу I и первым векам II тыс. н. э. Подтверждают эту датировку и материалы из нескольких вскрытых погребений на относящихся к поселениям могильниках (курган № 1 древнего могильника в г. Торопце, у дд. Бенцы и Андронovo).

Таковы краткие итоги трехлетних археологических исследований в бассейне верхнего течения Зап. Двины.

В результате предварительного обследования памятников накоплен разнообразный фактический материал, выявлена общая картина распространения и соотношения отдельных хронологических и локальных их групп. Более подробно, путем раскопок значительной части площади древнего городища Подгай, выяснен характер и хронологическое соотношение древних поселений первой и второй групп верхнего Подвинья.

Однако возникшие в процессе работы вопросы, например вопрос об этнической принадлежности древнего населения изучаемых поселений, могут быть решены лишь подробным исследованием более широкого круга памятников. Вместе с тем в настоящее время назрела необходимость для перехода от рекогносцировочных работ к углубленному исследованию уже выявленных археологических комплексов. Среди них особенно важным звеном является типичная для центральной и восточной частей обследованного района большая группа поселений и могильников середины I тыс. н. э., наиболее близкая синхронным памятникам верховьев Днестра и предположительно связанная со славянским племенем кривичей.

С. А. ИЗЮМОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В 1951 ГОДУ
В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Летом 1951 г. Государственным Историческим музеем была проведена археологическая разведка в Тульской обл. с целью фиксации памятников I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. и выяснения их принадлежности к определенной культуре. Маршрут проходил по реке Упе, правому притоку Оки. Осмотрено семь городищ и одно селище I тыс. н. э.

Городище у деревни Малевки Косогорского района (рис. 23—2) расположено в 0,6 км к северо-востоку от деревни, на мысу треугольной формы, возвышающемся над долиной ручья Малевки (ныне почти пересохшего). Склоны мыса круты, особенно с северной стороны¹.

Площадка городища (45 × 18 м) с напольной стороны защищена двумя валами (высотой ок. 1,4 м) и двумя рвами (глубиной ок. 1 м), идущими полукругом. Насыпь валов состояла из культурного слоя, содержащего обломки лепной керамики, следовательно, укреплено поселение не в момент заселения, а позднее. Культурный слой на площадке городища, толщиной до 58 см, не отличался большой насыщенностью находками. Среди последних преобладали обломки лепной керамики, разделяющейся по внешнему виду на три группы: сосуды с отогнутым венчиком и орнаментом по его краю в виде защипов и дырочек около шейки, с отогнутым венчиком и шероховатой поверхностью, без орнамента, с чернолощенной поверхностью.

Глиняное тесто сосудов, кроме чернолощенных, имело примесь шамота и песка, обжиг средний. Аналогии первой группе керамики встречаются в нижних слоях Гочевского городища². Наличие чернолощенных сосудов позволило датировать городище не ранее III—IV вв. н. э.

Городище у деревни Сатинки Дедиловского района расположено на правом высоком берегу р. Упы в 600 м к северо-востоку от деревни (рис. 23—1). Мыс, размером 95 × 55 м, имеет очень крутые склоны: с трех сторон он окружен глубокими оврагами и рекой, а с четвертой, напольной,— тремя валами и двумя рвами, идущими полукругом и полуразрушенными проходящей вдоль поселения дорогой. Высота оставшихся частей валов достигала 1,6 м, ширина ок. 10 м. Сложены они из слоев простой и обожженной глины с частичной подсыпкой внутреннего вала культурным слоем. Одновременно с подсыпкой концы этого вала сомкнулись, отделив от остальной площадки городища пространство размером

¹ Впервые городище было открыто Т. Л. Шаталовым в 1912 г. См. Археологические исследования в РСФСР за 1934—1936 годы М.—Л., 1941, стр. 56.

² ГИМ, экспоз., VII зал.

32 × 38 м. Для какой цели это было сделано, трудно сказать, аналогичных случаев пока не известно. Конструкция валов из обожженной и простой глины встречается на Верхне-Окских левобережных городищах I тысячелетия н. э.¹

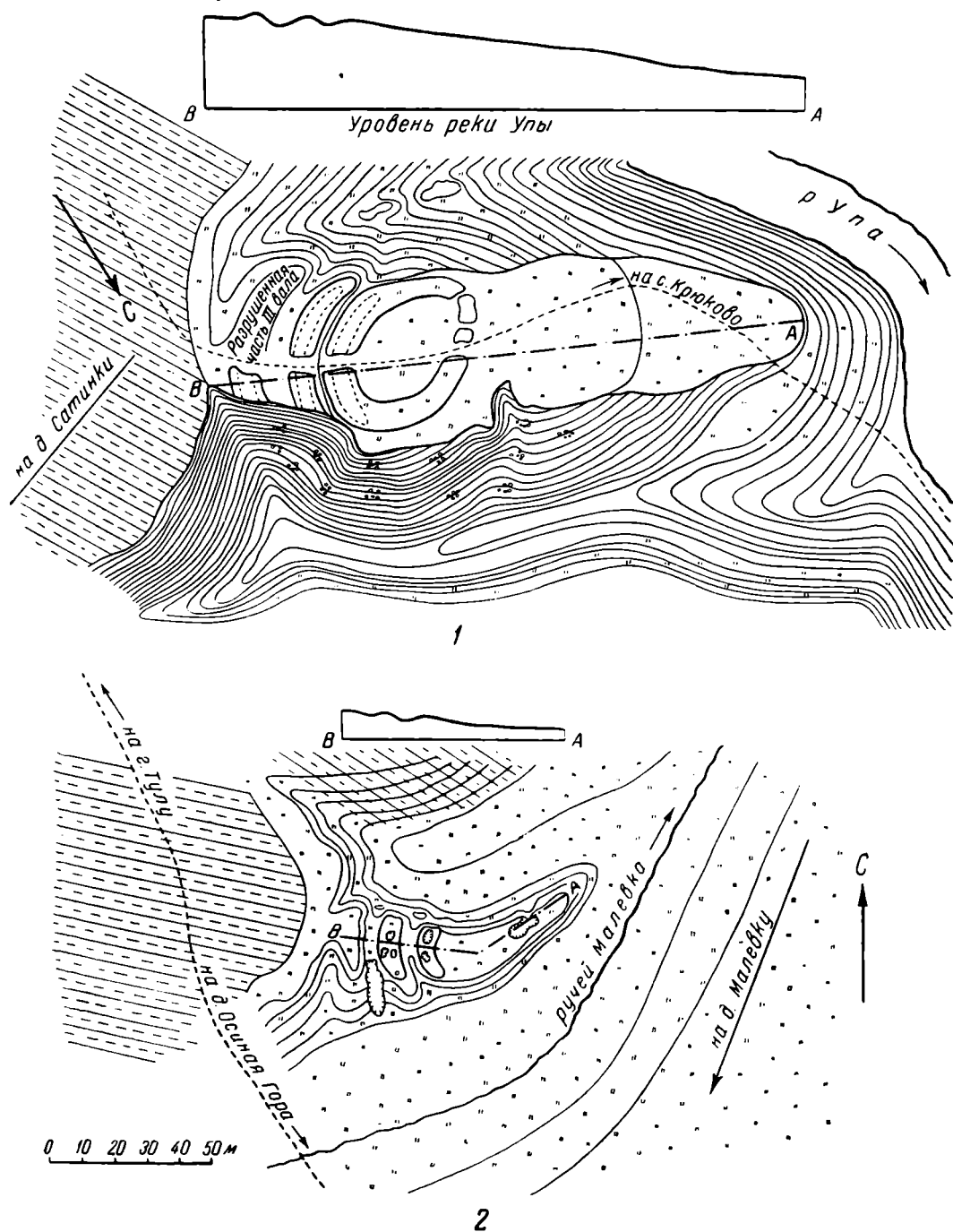

Рис. 23. План и профиль городища у д. Сатинки (1) и д. Малевки (2).

Культурный слой в северной части городища достигал 1,6 м, а на площадке — до 0,5 м и содержал много костей домашних животных, лепную керамику, обломки глиняных рогатых кирпичей² и блоков. Последние имели вид катушки высотой в 10 см и диаметром основания 7 см. В профиле обрыва видны следы деревянных столбов, заостренных на конце и частично

¹ У дд. Мощино, Федяшево и др.

² Аналогичны кирпичам с Огубского городища, только меньше размером.

обожженных, ямы, заполненные золой, углем и обломками костей. По всей вероятности, здесь были жилища — землянки с очагами. Керамика сделана из массы с примесью шамота и песка, хорошо обожжена.

По форме сосуда делятся на баночные большого размера, хорошего обжига с орнаментом по краю в виде углублений палочкой (рис. 24—1) и на горшки с отогнутым венчиком и выпуклыми боками; края орнаментированы нарезкой, защипами, вдавлениями; по плечикам или по поверхности нанесен узор из полосок, наколов щепочкой или острием (рис. 24—2—7).

Нарезка по венчику сосудов часто встречается на керамике из нижних слоев роменских городищ¹ и на Мощинском². Орнамент щепочкой распространен на керамике Гремячевского городища³. На нескольких обломках отмечены сквозные дырочки около венчика и защипы по краю (рис. 24—3). Такие орнаменты встречаются на сосудах из нижнего слоя Гочевского городища⁴. Интересна стенка сосуда с веревочным узором, заполняющим всю поверхность (рис. 24—8), сходная по орнаменту с керамикой Гремячевского городища⁵. Отсутствие чернолощеной посуды и найденный фрагмент с веревочным узором указывают на существование городища в первые века I тыс. н. э., а может быть, в конце I тыс. до н. э. Весь комплекс находок больше соответствует первому предположению.

Городище у д. Топтыково (рис. 25—1) Ново-Тульского района расположено на мысу округлой формы, возвышающемся над долиной левого низкого берега Упы. Площадка городища (ок. 3000 м²) обнесена с северо-запада и юго-востока полукруглыми валами и рвом⁶. Лучше сохранился внешний вал, достигавший высоты около 2 м; внутренний почти весь уничтожен огородами. Судя по подъемному материалу, городище двухслойное. Среди славянской круговой керамики XII—XIII вв. с линейным и волнистым орнаментом встречалась лепная. Культурный слой сильно перемешан распашкой. Мощность его достигала в центре 60 см. В числе находок надо назвать большое количество костей животных, кусочков обожженной глины, обломков лепной и круговой керамики, края глиняных сковородок, глиняное кольцеобразное пряслице и ножевидную кремневую пластинку.

Среди лепной керамики можно выделить три группы: 1) чернолощеноя, прекрасная по составу глиняной массы и обжигу; сосуды с ребром, подобные сосудам из Верхне-Окских древнеславянских курганов у дд. Шаньково, Почепок⁷; 2) толстостенная, с шамотом или дресвой в глине, с шероховатой поверхностью без орнамента; 3) орнаментированная; тесто с примесью шамота и песка или без видимых примесей. Среди узоров встречается перевитая веревочка в сочетании с круглыми вдавлениями на поверхности сосудов, нарезка по краю венчика. Перечисленные орнаменты характерны для названных выше роменских городищ и Верхне-Окских левобережных⁸. Глиняные сковородки без насечки по краю сходны с найденными на городищах Дуна⁹ и Гочево¹⁰. Подъемный материал, встречаемый на основной площадке и за внутренним валом, свидетельствует, что городище

¹ ОАК за 1909—1910 г., стр. 187—189.

² Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XV, рис. 1, 2, 3, 8.

³ Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899, табл. V.

⁴ ГИМ, экспоз., VII зал.

⁵ Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г., табл. VI, 13.

⁶ По сведениям, полученным от населения, до 1942 г. городище было обнесено кругом валами, а при распашке часть из них была уничтожена.

⁷ Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899, табл. III, 3, 9; IV, 2; V, 6.

⁸ Например, Федяшевского. «Древности», МАО, т. XVII.

⁹ Ю. Гендуне. Городище Дуна. СПб., 1903, табл. III, 3.

¹⁰ Коллекция ГИМ, кладовая № 19, инв. № 80379.

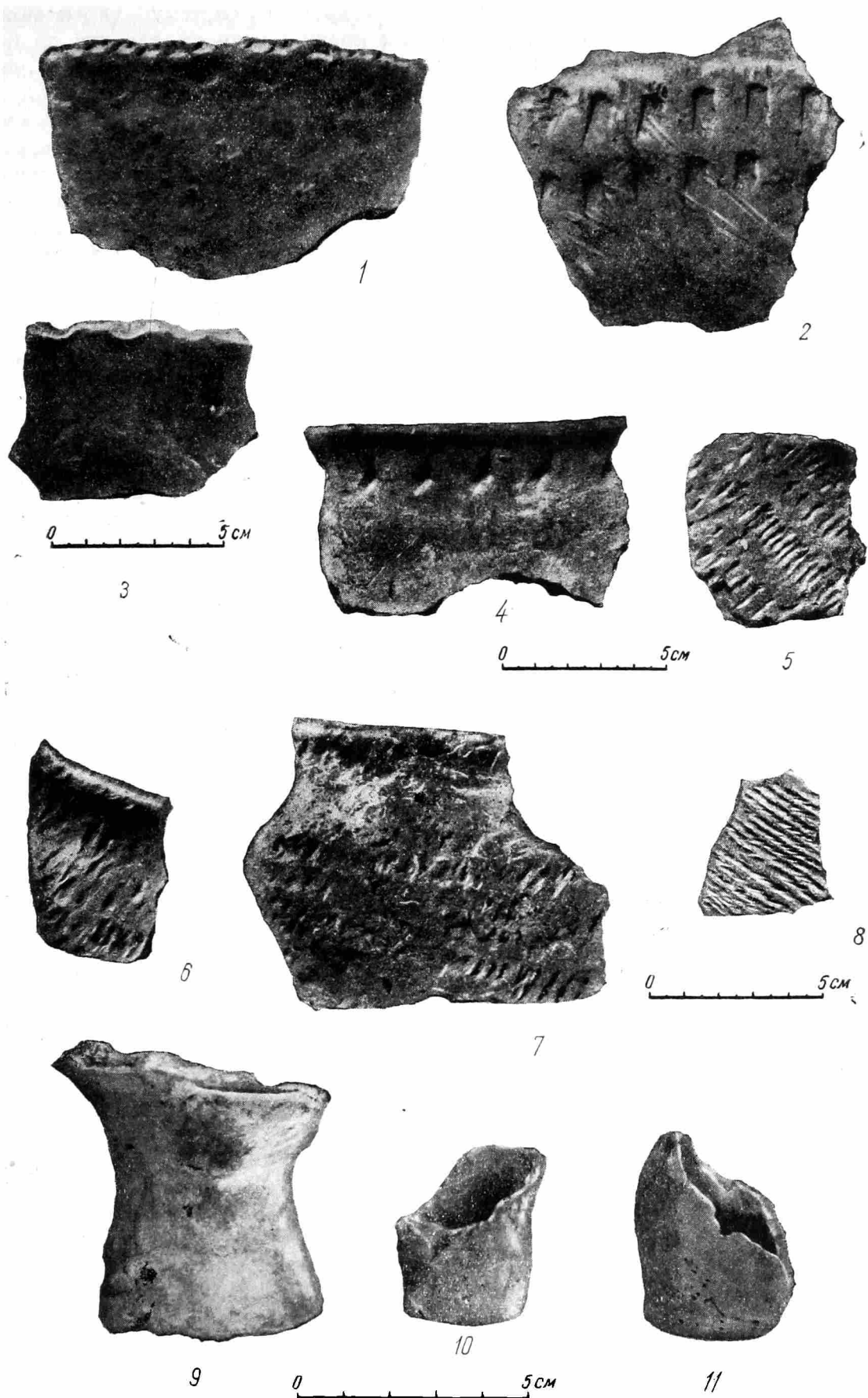

Рис. 24. Керамика с городищ Тульской области.
 1 — 8 — с городища у д. Сатинки; 9 — 11 — с городища у д. Щепилово

первоначально имело большие размеры и другую систему укреплений. Внутренний вал, повидимому, сооружался позже внешнего, так как он насыпан из культурного слоя. Когда изменилось укрепление городища и чем это было вызвано, трудно сказать. Можно предполагать, что это произошло в XII—XIII вв. Одновременно с изменением системы укреплений внешний вал был подсыпан, а ров углублен. Возможно, что в то же время площадка поселения была кругом обнесена валами. Ранний период существования городища по керамике датируется III—IV вв. н. э., поздний — XII—XIII вв. Поскольку среди подъемного материала не встречено вещей, относящихся к промежуточному периоду, весьма вероятно, что в заселении городища был перерыв, что может быть установлено только при дальнейших раскопках. При разведке стерильный слой не обнаружен.

Городище у д. Торхово¹ Тульского района находится в 200—250 м к северу от деревни, на мысу треугольной формы, окруженном с двух сторон речками Тулицей и Глядешкой, а с третьей, напольной, огромным валом, высотой ок. 5 м и рвом, глубиной до 3 м (рис. 25—2). В южной части площадки городища (95 × 50 м) заметны следы второго вала, в восточной — глубокая промоина. Как установлено шурфовкой, поселение — двухслойное с сильно перемешанными слоями. Вместе с круговой керамикой XII—XIII вв. с линейным и волнистым орнаментом встречались обломки лепной.

Мощность культурного слоя в центре площадки достигала 0,45 м, а в обрыве с юго-восточной стороны 1,35 м. В этом месте на глубине 0,5 м от современной поверхности обнаружена куча из плотно сложенных валунов, высотой 0,8 м и шириной 1,1 м в нижней части и 0,3 м в верхней. На расстоянии 0,55 м от скопления камней лежал валун большого размера, входивший в состав другой кучи. Пространство между обоими скоплениями заполнено культурным слоем, содержащим угольные и зольные прослойки, обломки костей животных и лепную керамику. Для какой цели предназначались кучи валунов, сказать трудно, тем более что на других городищах подобных больших скоплений не найдено. Известны случаи укрепления краев городища камнями и глиной, например на городищах Старо-Каширском² и Барвихинском³. Весьма возможно, что на Торховском городище кучи валунов играли ту же роль. Подъемный материал с поселения в основном состоял из обломков круговой и лепной керамики, кусочков обожженной глины; найдена также глиняная бусина.

Лепную керамику можно разделить на три основных типа: чернолощевая хорошего состава глиняной массы и обжига, аналогична по тесту и форме сосудам из Верхне-Окских древнеславянских курганов⁴; сосуды с шероховатой поверхностью, с примесью шамота и песка в тесте; глиняные сковородки без орнамента по краю, сходные с находками на городищах Огубском⁵ и Дуна⁶. При осмотре Торховского городища сотрудниками Тульского областного краеведческого музея в 1935—1936 гг. были найдены обломки лепной керамики с шипковым, ямочным и зубчатым орнаментом, обломок железного ножа, кресало, глиняная погремушка. Лепная керамика позволяет датировать нижний слой городища III—IV вв. н. э.

За большим напольным валом и рвом заметны остатки других валов с северо-восточной стороны. В какой связи находились эти валы с ныне

¹ А. А. Спицын. Городища Дьякова типа. ЗОРСА, т. V. СПб., 1903—1904, стр. 18.

² Известия ГАИМК, вып. 85. М.—Л., 1934, стр. 6.

³ Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, III, стр. 114.

⁴ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. IV, 2; III, 3, 9; V, 6.

⁵ ГИМ. Колл. из раскопок Т. Н. Никольской 1949 г.

⁶ Ю. Гендуне. Городище Дуна, табл. III, 3.

существующим, без детальных раскопок всего городища вместе с укреплениями объяснить невозможно. Не остатки ли это древнего второго вала, разрушенного при сооружении существующего или же целая оборонительная система валов более позднего происхождения? Одно несомненно, что древняя конфигурация укрепления городища была изменена. С чем связано усиление оборонительной системы, определенно сказать трудно.

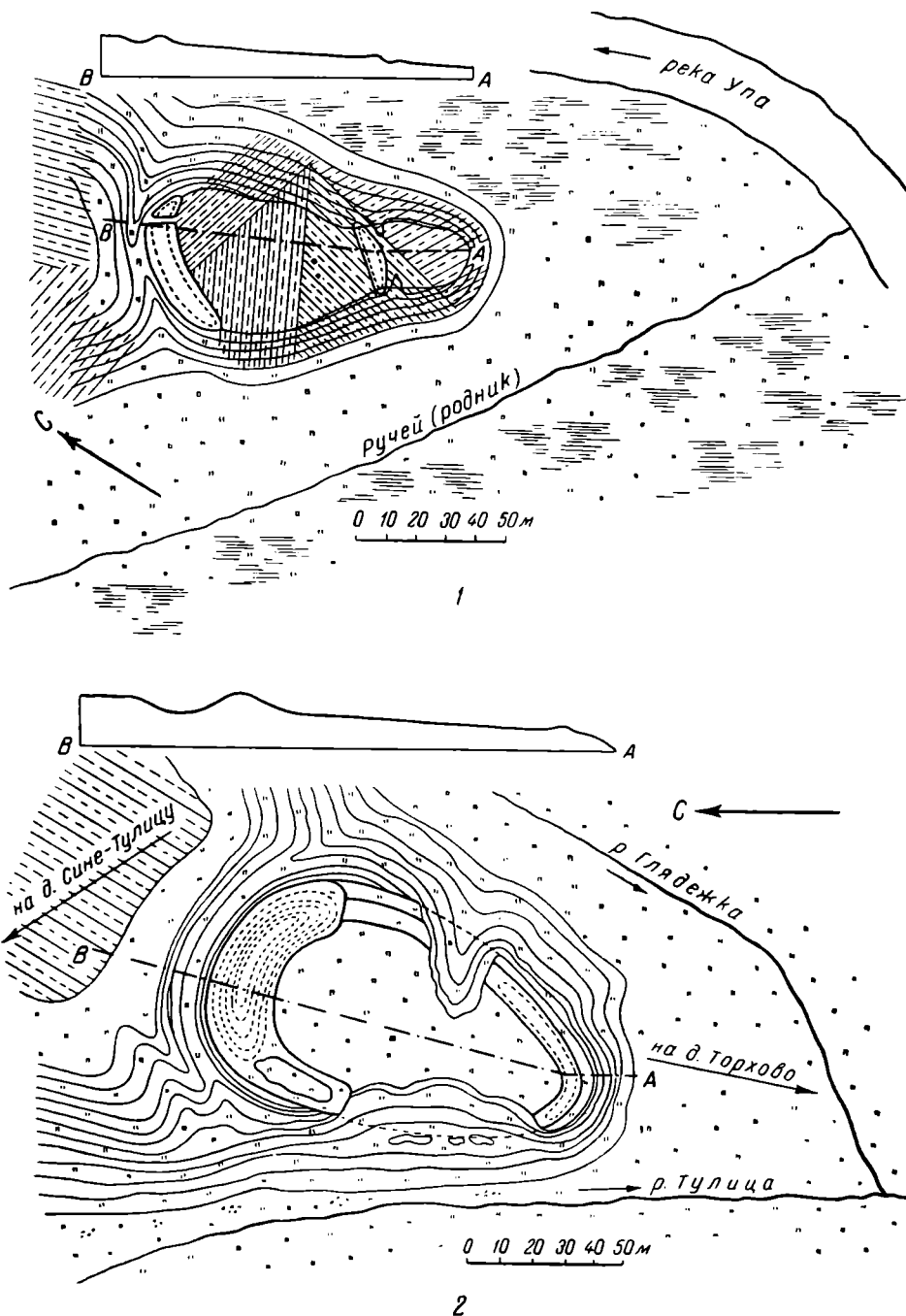

Рис. 25. План и профиль городища у д. Топтыково (1) и у д. Торхово (2)
(черным квадратиком обозначено место раскопки)

может быть, в связи с нападением в XIII в. монголов. Не исключена возможность укрепления городища в XVI—XVII вв. для защиты от крымских татар. В пользу последнего предположения свидетельствует то, что лощина р. Глядежки носит название Мурзин Верх.

На р. Тулице, ниже городища, в XVII в. был металлургический завод, остатки которого в виде плотины и рабочей площадки видны до сих пор.

Селище у д. Торхово находится непосредственно за городищем, с северо-восточной стороны, на пашне. Площадка его (120 × 36 м) наклонена к ложине р. Глядешки. На территории селища собран подъемный материал: обломки круговой керамики XII—XIII вв. и лепной, аналогичной городищенской. Толщина культурного слоя селища в центре достигала 0,38 м, а на склоне ок. 0,8 м. Сходство керамики открытого поселения с городищенской

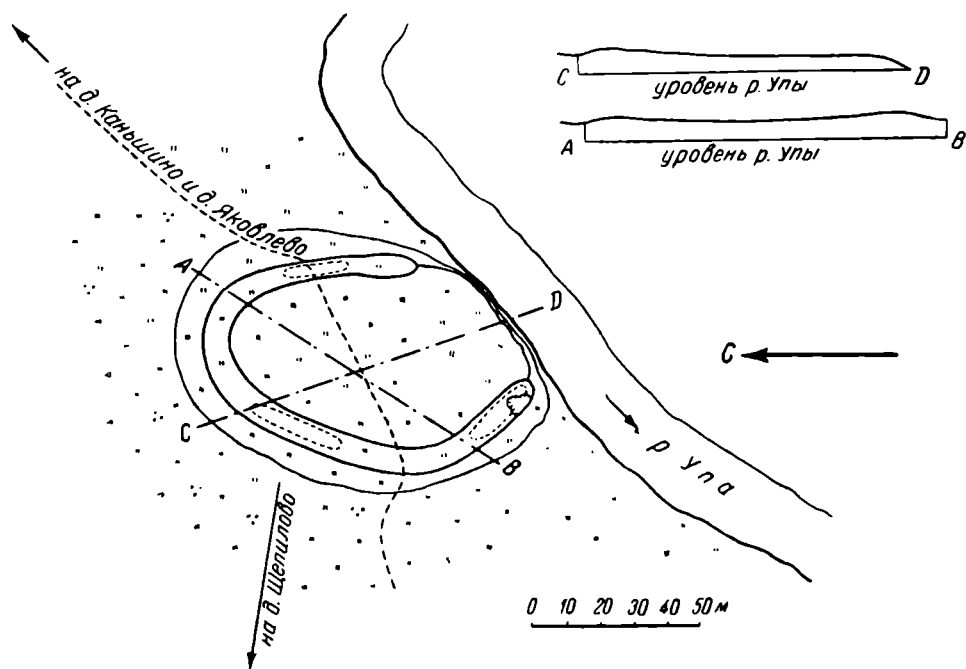

Рис. 26а. План и профиль городища у д. Щепилово (черным квадратиком обозначено место раскопа)

позволяет говорить об одновременности их существования.

Городище у д. Щепилово Ленинского района (рис. 26а) расположено на правом заливном берегу Упы в полутора километрах к востоку от деревни. Овальная, задернованная площадка городища (72 × 72 м), вероятно, искусственно была приподнята, так как во время половодья не заливается. Вокруг поселения шел подковообразный вал, сильно оплывший и в настоящее время едва заметный. Концы его смыты, и создается впечатление, что вал не доходил до берега на 7—10 м. Местность за валом слегка заболочена. Небольшим разведывательным шурфом обнаружено жилище — землянка (размер и форму последней не удалось выяснить, так как она не раскопана до конца). В культурном слое землянки, содержащем много костей животных, птиц и рыб, кусочков обожженной глины, обломков закопченного щебня, найдено много лепной керамики.

Обломки глиняных сосудов по способу обработки поверхности можно разделить на две группы. Первая — лощеные черного и светлого цвета сосуды хорошего обжига. Поверхность залощена специальными костяными орудиями. По форме сосуды этой группы разделялись: на горшки со слегка отогнутым венчиком, выпуклыми боками, сходные с древнеславянскими горшками из курганов у дд. Шаньково, Почепок¹; на горшки с вогнутыми внутрь краями, как на городище Бол. Боршево²; на миски с прямым краем-

¹ Н. И. Булычев. Журнал раскопок..., табл. III, 1, 2, 14.

² П. Н. Третьяков. Большое Боршевское городище. МИА, № 8, 1948, стр. 40, табл. III, 7.

ребром, аналогичные верхнеокским¹. Вторая группа включает простые сосуды с орнаментом по краю венчика, по плечикам и, реже, по стенкам.

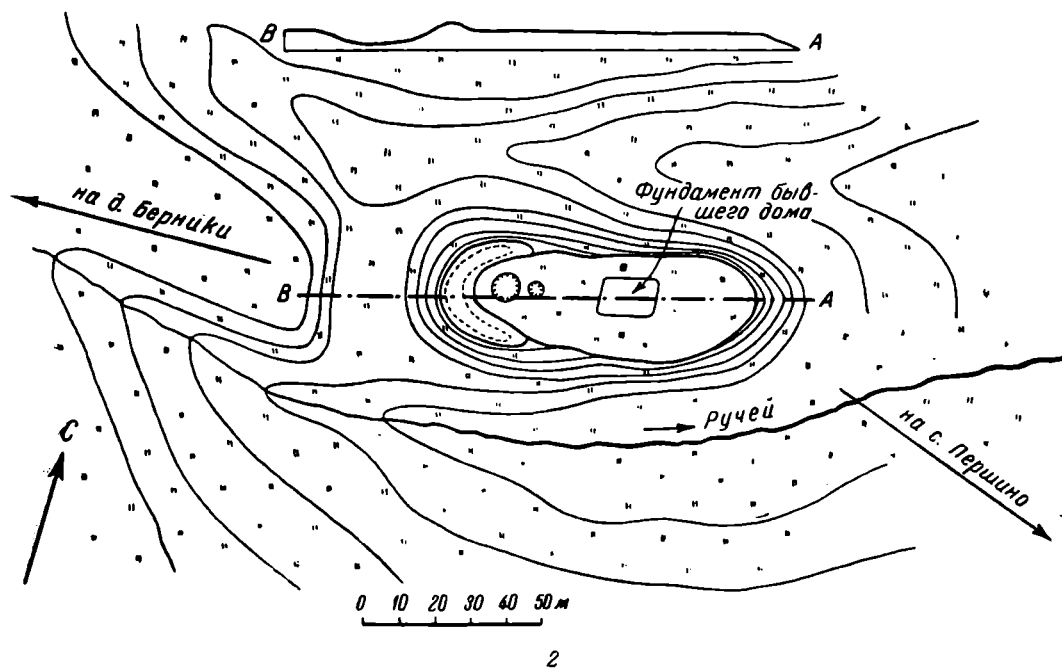
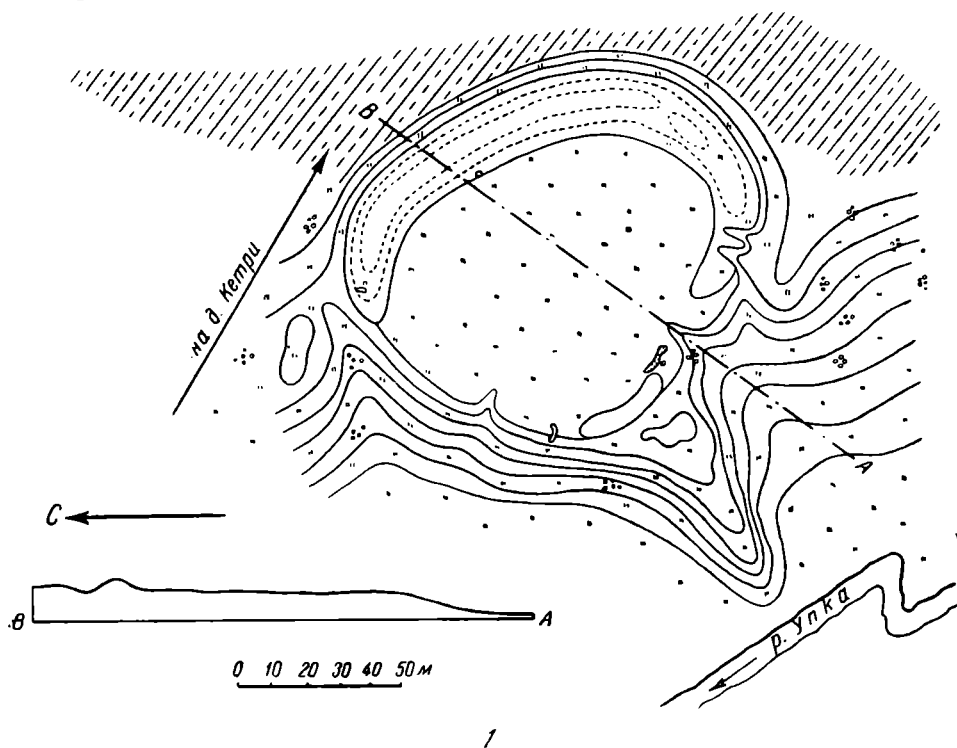

Рис. 265. План и профиль городища у д. Кетри (1) и у с. Першина (2)
(черным квадратиком обозначено место раскопа)

По тесту и обжигу они подобны сосудам первой группы, только в тесте чаще встречается примесь шамота. Наиболее распространенные узоры: перевитая веревочка, нанесенная на края и плечики, нарезка по краю.

¹ Н. И. Булычев. Журнал раскопок..., табл. III, 3, 9; IV, 2; V, 6.

Все перечисленные орнаменты характерны для керамики роменских и боршевских городищ¹. Встречаются они и на городищах у д. Федяшево², Барвихино³ и в верхнем слое Дьякова⁴. Среди других многочисленных изделий из глины были обломки сковородок без орнамента по краю, пряслица битрапецидные с чернолощенной поверхностью (рис. 27—3, 4), маленькие сосудики (рис. 24—9, 10, 11). Из металлических предметов найдены два железных втульчатых копья листовидной формы (рис. 27—1, 2), подобные мощинским⁵; бронзовая привеска с красной эмалью (рис. 27—5), аналогичная мощинской⁶; маленький крючок (рис. 27—7), колечко с завязанными концами (рис. 27—6). При расчистке приставших к привеске кусочков культурного слоя были видны зерна проса.

Обработка железной руды и изготовление изделий производились непосредственно на самом городище, о чем свидетельствуют находки кусков бурого и красного железняка, шлаков, спекшегося песка, углей, золы и обожженных камней на различной глубине землянки. Сырьем служили местные руды, которыми богата Тульская обл. Плавка руды велась в горне, об устройстве которого пока нет никаких данных. Обнаружено только сопло, используемое для нагнетания воздуха во внутрь горна. По форме оно напоминало полу трапецевидную пирамидку, в широкой части которой были сделаны два отверстия, в узкой — одно. При плавке руды широкая часть сопла вставлялась в стенку горна, узкая выходила наружу; к нему прикреплялся мех, которым накачивали воздух для ускорения процесса плавки. При расплавлении руда закрывала оба отверстия в широкой части сопла, прекращая доступ воздуха в горн. Последний начинали разбирать, чтобы вынуть расплавленную руду⁷.

Анализ сопла, сделанный А. В. Королевым в химической лаборатории Института машиноведения, показал, что оно сделано из огнеупорного материала, содержащего до 96% железа⁸.

Дальнейшие раскопки позволят полнее осветить жизнь городища. Пока можно говорить о занятиях жителей скотоводством, земледелием, рыболовством, обработкой железа, гончарным делом, ткачеством и т. д. Керамика в совокупности с другими находками дает возможность датировать городище V—VIII вв. н. э.

Городище у д. Кетри Ленинского р-на (рис. 266—1) расположено в 200 м к юго-востоку от деревни, на возвышенном мысу речки Упки, недалеко от впадения ее в Упу. Округлой формы площадка (97 × 73 м) с севера, востока и юга окружена подковообразным валом высотой до 3 м, шириной около 18 м. В южной части городища следы кладонскательских ям в виде глубоких ложинок, в западной — остатки вала, уничтоженного распашкой. Склоны городища с северной и западной сторон заросли лесом. Наиболее высокая часть вала, защищавшая поселение с напольной стороны, отличалась сложностью конструкции. Насыпь состояла из простой и обожженной глины вперемежку с обуглившимся продольным накатником. Подобный способ сооружения валов наблюдался на городищах Старая Рязань⁹, Верея¹⁰ и др. Северный конец вала — более простого устройства: он

¹ Колл. ГИМ, из раскопок Б. А. Рыбакова на селище у д. Гочево, 1939, № 80379; П. Н. Третьяков. Большое Боршевское городище, стр. 38, табл. I, 1, 3.

² Колл. ГИМ, II отд., шкаф 63.

³ Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА III; колл. ГИМ.

⁴ В. И. Сизов. Дьяково городище под Москвой. Тр. IX АС, 1897, табл. 27.

⁵ Н. И. Булычев. Журнал раскопок..., табл. VI, 6, 8.

⁶ Там же, табл. IX, 8.

⁷ Принцип действия сопла был любезно сообщен автору проф. А. В. Королевым (Институт машиноведения АН СССР).

⁸ Подобные сопла до сих пор еще нигде не встречались.

⁹ Раскопки А. Л. Монгайта в 1950 г.

¹⁰ Раскопки ГИМ под руководством Л. А. Голубевой.

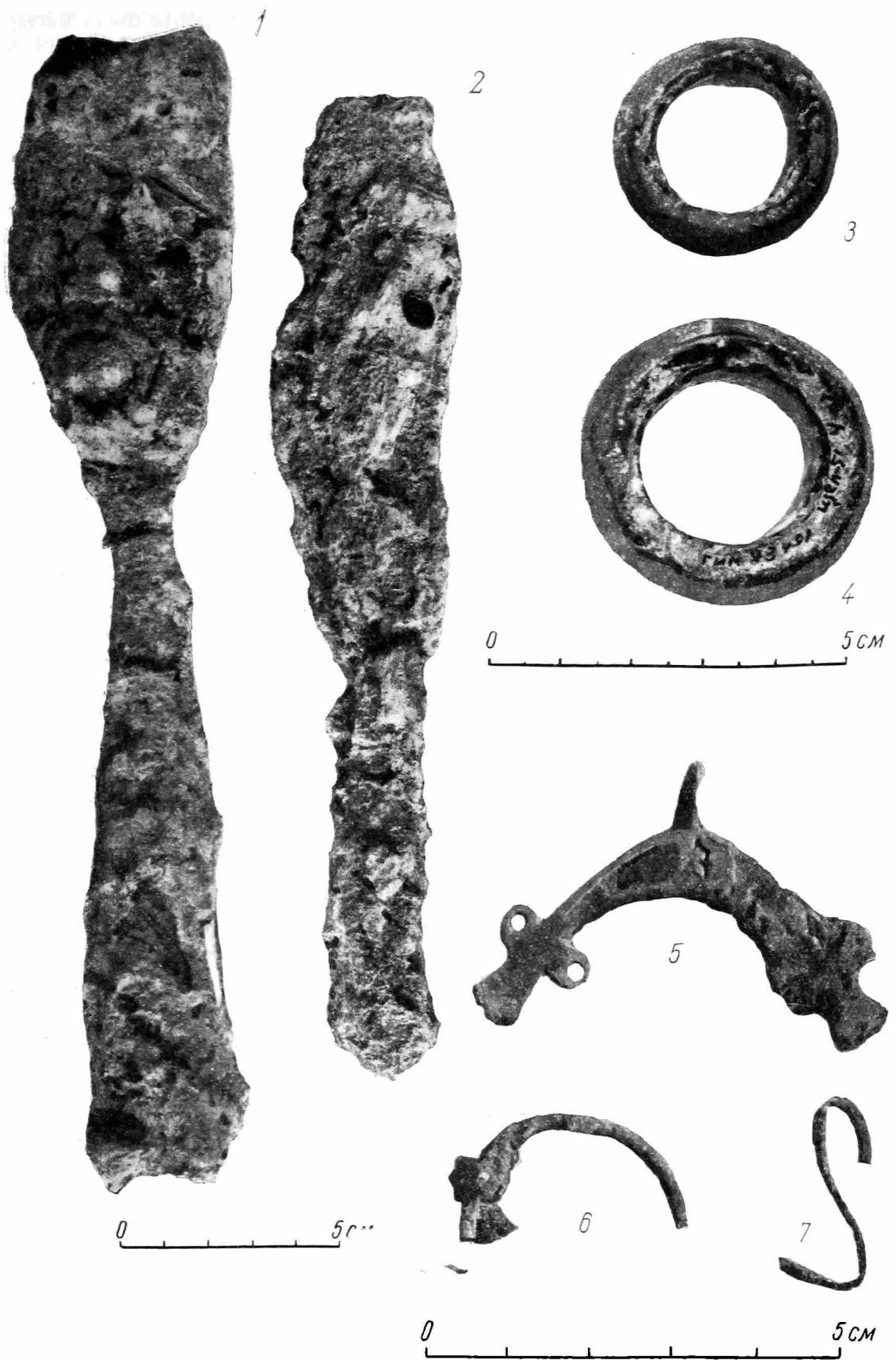

Рис. 27. Вещи с городища у д. Щепилово.

1, 2 — железные копья; 3, 4 — чернолощенные пряслица; 5 — бронзовая привеска с красной эмалью; 6 — бронзовое колечко; 7 — бронзовый крючок

состоял из глины с последующей подсыпкой культурным слоем и глиной. По всей вероятности, высокая часть вала с напольной стороны была насыпана позднее. Дальнейшие исследования городища позволят определить правильность высказанного предположения.

Судя по подъемному материалу и находкам в разведочном шурфе, городище двухслойное, с сильно перемешанными культурными слоями. Наряду со славянской керамикой XII—XIII вв. с линейным и волнистым орнаментом, встречалась лепная. Мощность перегоя достигала 0,40—0,45 м. Среди сравнительно немногочисленных находок — обломки лепных сосудов, содержащих в тесте примеси песка и шамота; встречались грубые, с шероховатой поверхностью фрагменты без орнамента и с орнаментом в виде углублений палочкой, с лучшей отделкой внешней стороны. При осмотре городища сотрудниками Тульского областного краеведческого музея в 1936 и 1939 гг.¹ были найдены фрагменты сосудов, аналогичных описанным, и пряслице из белой обожженной глины. По керамике нижний слой городища можно датировать II—III вв. н. э., а верхний XII—XIII вв. Длительная распашка площадки нарушила стратиграфию, поэтому нет возможности говорить о перерыве в жизни городища или непрерывном его заселении.

Городище у д. Першино Алексинского р-на (рис. 266—2) расположено на продолговатом овальной формы мысу, над долиной р. Свинки, разделяющей село Першино и д. Городенку. Площадка городища (80 × 30 м) с запада ограничена валом, высотой в 3 м, и рвом, разрушенным проходящей в этом месте дорогой. Поверхность поселения испорчена постройками начала XX в. Толщина культурного слоя в обнажениях ям и шурфах: 14—48 см. Среди находок обломки лепных сосудов и ножевидных кремневых пластинок. По тесту и обработке поверхности лепную керамику можно разделить на две группы: чернолощенная с хорошим составом глины и обжигом, аналогичная керамике окских курганов², и простая, с примесью шамота, среднего обжига. Сосуды украшались орнаментом в виде углублений, нанесенных на стенках палочкой, защипов по краю венчика; встречались и не орнаментированные. Судя по керамике, городище можно датировать III—IV вв. н. э.

Все описанные выше городища Тульской обл. относятся к первой половине I тыс. н. э. От дьяковых они отличаются признаками, характерными для всех Верхне-Окских городищ³: связью с древнеславянскими местными курганами, наличием чернолощенной керамики и чернолощенных пряслиц с широким отверстием, отсутствием «сетчатой» текстильной керамики, отсутствием «грузиков» дьякова типа.

В то же время керамика тульских городищ близка роменской керамике. Следовательно, эти городища можно считать древнеславянскими. До сих пор на территории Тульской и Калужской обл. городищ I тыс. до н. э. не известно.

Древнеславянские курганы на этой территории появляются с середины I тыс. н. э.

Связь дьяковых и славянских племен, населявших районы бассейна верхней Оки, несомненно, существовала, начиная с первой половины I тыс. н. э. Черная лощенная славянская посуда появляется только на позднедьяковых или в верхних слоях двухслойных городищ. Некоторые общие элементы орнаментики сосудов встречаются на тех и других городищах.

¹ Архив Тульского областного краеведческого музея.

² Н. И. Булычев. Журнал раскопок..., III, 3, 9; IV, 2; V, 6.

³ А. Спицын. Новые сведения о городищах Дьякова типа. ЗОРСА, т. VII, 1905—1907, стр. 92.

Дальнейшие раскопки в Тульской и Калужской обл. позволят полнее осветить картину жизни населения этой территории в I тыс. до н. э. и I тыс. н. э.

Попутно с обследованием ранних городищ было осмотрено одно славянское, а также три славянских селища.

Городище у д. Городна Щекинского р-на расположено в 200 м восточнее окраины д. Городна, на высоком правом берегу ручья. Округлой формы площадка (45 × 39 м) укреплена валом, высотой 2,5—3 м, и рвом. Концы его в северной части разъединены. Культурный слой, судя по разведочному шурфу, незначителен по толщине (до 45 см) и насыщенности находками, в числе которых — обломки славянских сосудов XII—XIII вв. с линейным и волнистым орнаментом, с клеймами на доньях.

К югу и востоку от городища, на пашне, находится селище XII—XVI вв. Площадь его ок. 17 тыс. м². Подъемный материал — керамика.

Селище у д. Сатинки Дедиловского р-на расположено на высоком берегу р. Упы, в 600 м к северо-западу от деревни. Площадь селища — ок. 22 тыс. м². Южная часть его разрушается песчаным карьером. Культурный слой в обрыве карьера, толщиной 0,3—1,0 м, насыщен обломками костей и славянской керамики XII—XIII вв.

Селище у д. Павшино Алексинского р-на расположено на западной окраине села, на мысу, ограниченном с юго-запада безымянной речушкой, а с юго-востока заболоченной от имеющегося здесь родника местностью. Площадь селища ок. 22 тыс. м². Культурный слой (0,5—0,7 м), сильно перемешанный поздними постройками, содержал обломки славянской керамики XII—XVI веков.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ ГРАЧЕВКА

На территории Приморского района Калининградской обл. в 1949—1950 гг. производились разведочные работы, в итоге которых было обследовано свыше 30 укрепленных и неукрепленных поселений, относящихся к I и началу II тыс. н. э.¹ В 1951 г. производились раскопки одного из обследованных городищ близ с. Грачевки.

Городище расположено в 1 км к северу от селения, в лесу, и занимает мыс, огражденный с северной и южной сторон оврагами. Мыс омывается ручьем, берущим начало несколько западнее с. Грачевки и впадающим в Балтийское море недалеко от селения. Городище состоит из двух изолированных частей, разделенных рвом в 5 м глубиной. С напольной западной стороны к нему примыкает селище.

Восточная мысовая часть представляет собой площадку полукруглой формы (45 × 20 м), окруженную кольцевым валом; западная часть городища состоит из прямоугольной площадки (50 × 40 м) с закругленными углами. В отличие от мысовой части, на второй, прямоугольной площадке замкнутого вала нет, северная и южная стороны не имеют искусственных ограждений, восточная защищена валом высотой в 2 м. В западной части возведено два параллельных вала, разделенных рвом. Вал с напольной стороны высотой 3,5 м, другой вал 5 м. Глубина рва 5 м.

Работы в 1951 г. были сосредоточены на мысовой части городища, где еще в 1950 г. был заложен разведочный раскоп. В итоге двухлетних работ площадь раскопа доведена до 920 м². Вторая прямоугольная площадка густо поросла деревьями, поэтому здесь пришлось ограничиться шурфованием лишь некоторых наиболее доступных мест.

Культурный слой на мысовой площадке залегает крайне неравномерно. На большей части он достигает мощности 0,45—0,60 м, на склоне он возрастает и в западине восточной части площадки превышает 1,5 м. Неравномерное залегание слоя объясняется тем, что площадка понижается с запада на восток.

Аморфность культурного слоя не позволила четко определить стратиграфию вскрытого памятника. Почти сразу под дерном обнаружены скопления камней диаметром от 0,1 до 0,8 м. Камни рассеяны по всей площадке, и среди них довольно часто встречаются скопления углей и золы.

В некоторых случаях камни располагаются, образуя довольно

¹ Ф. Д. Гуревич. Древние поселения Калининградской области. КСИИМК, вып. XXXVIII; ее же. Археологические работы в Калининградской области в 1950 г. КСИИМК, вып. XLVII.

правильные прямоугольники. Так, в восточной части города, вблизи вала, были обнаружены камни, образовавшие в плане прямоугольные фигуры в 9 и 12 м². Повидимому, остатки каменной кладки тех же очертаний открыты и в западной части, вблизи вала. Это прямоугольное в плане сооружение площадью в 28 м². Камни чаще всего лежат на материке, а иногда их подстилает тонкий культурный слой. Они находятся на некотором расстоянии друг от друга, представляя собой, повидимому, род завалинки.

Почти в центре кладки находится очаг, выложенный из шести обожженных булыжников, круглый в плане, диаметром в 1 м. Между камнями сохранились угли и зола. Судя по сохранившимся своим очертаниям каменным кладкам, надо полагать, что и остальные обнаруженные на городище камни в свое время также входили в состав кладок.

В восточной части городища, где культурный слой достигает значительной мощности, под камнями верхнего горизонта, на глубине до 1,8 м, встречены камни второго, нижнего горизонта. Прослойки между двумя горизонтами камней почти не прослеживались.

Камней верхнего горизонта сохранилось очень много. В нижнем горизонте камни расположены в беспорядке, преимущественно вблизи вала и в очень небольшом количестве. На глубине 1,3 м обнаружены два очага на расстоянии 2 м друг от друга, сходные по своему устройству с очагами верхнего горизонта.

Вдоль линии вала наблюдается горелый слой мощностью в 0,5 м. В северо-восточной части на площади около 30 м² в горелом слое обнаружено скопление зерен пшеницы, перемешанной с землей. Здесь же прослеживается скопление керамики, лежавшей навалом. Керамика имела следы окатанности, что позволяет предполагать, что культурный слой был смыт по уклону площадки. Предположение это отчасти подтверждается фактом концентрации камней вблизи вала.

Всю площадку городища окаймляет в значительной мере оплывший вал. Раскопками были захвачены его отдельные участки, преимущественно в северо-восточной и юго-западной частях. Строение вала восточной части площадки несколько отличается от строения в западной. В первом случае он насыпан на склоне; по снятии земляной насыпи открыты три последовательно сменявших друг друга слоя камней на глубину до 1 м. Камни лежат кучами и не скреплены между собою. Заполнение вала в западной части состоит из одного ряда довольно крупных булыжников, лежащих на материке. Они расположены на некотором расстоянии друг от друга. Вал, повидимому, подсыпался, так как в насыпи его встречаются фрагменты керамики.

Аморфность культурного слоя препятствует уловить взаимоотношения верхнего и нижнего горизонтов. На большей части площадки нижнего горизонта нет, однако значительная мощность культурного слоя на восточной части площадки, т. е. на склоне, позволяет прийти к заключению, что нижний слой смыт в сторону вала. Возможно, что впоследствии часть площадки была зачищена, отчего и создается впечатление, что верхний горизонт каменных кладок возник на материке.

Ввиду нечеткости стратиграфии особенно большое значение приобретает положение вещевых находок в слоях. Распределены они так. В верхнем горизонте, занимающем всю вскрытую площадь, находок относительно мало. Чаще всего встречаются мелкие фрагменты сосудов, куски янтаря, шлаки, железные изделия, точильные камни. В нижнем горизонте, особенно на участках, прилегающих к валу, прослежено большое скопление керамики, но железных изделий почти нет.

Основную массу находок в верхнем горизонте составляет керамика. В ней отчетливо выделяются два основных типа — горшки и сосуды баночной формы. Наиболее многочисленны лепные, слабо профилированные

горшки небольших размеров (диаметр 12—20 см, высота до 20 см) из плохо промешанной глины желтого цвета с большим количеством примесей

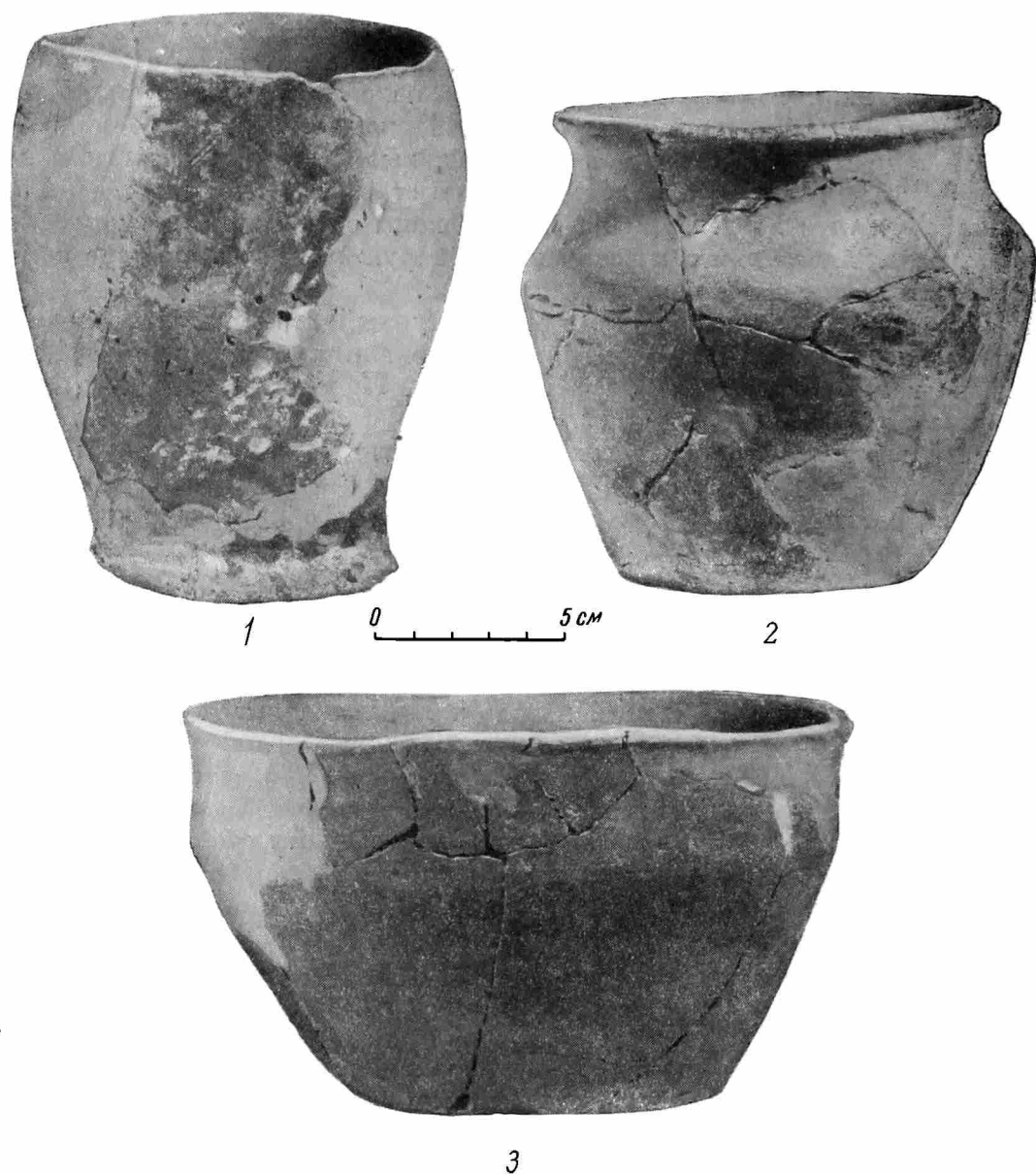

Рис. 28. Горшки с городища Грачевка

1 — сосуд баночной формы из верхнего горизонта; 2 — черный и 3 — желтый лощеные сосуды из нижнего горизонта

зерен кварца или гранита. Встречаются обломки горшков, сделанных на гончарном круге. Процент находок круговой керамики невелик. Орнамент на горшках линейно-волнистый, иногда с вдавлениями квадратной или овальной формы по плечикам сосуда.

Сосуды баночной формы (рис. 28—1), диаметр которых доходит до 20 см, высота 15—20 см, по составу теста и обжигу не отличаются от горшков и обычно украшены по венчику насечками и защипами. На тулове иногда наносился орнамент в виде перекрещивающихся линий или вдавлений.

На втором месте по числу находок стоит янтарь. Основную массу его составляют необработанные куски, местами встречавшиеся в большом количестве. Часть янтаря лежала внутри больших сосудов, иногда

вблизи кучек золы и угля. Повидимому, янтарь держали на слабом огне, благодаря чему он менял цвет. На многих кусках видны следы обработки (шлифовка, недосверленные отверстия и т. д.). Изделия из янтаря встречаются довольно редко. Обычно это грубо выработанные округлые бусы, диаметром до 2 см.

Незначительность числа изделий в сравнении с количеством заготовок позволяет заключить, что в основном янтарь служил обитателям городища сырьем, которое они могли бы сбывать.

Среди находок много металлических шлаков, встреченных в разных местах раскопа. Найдено также довольно много изделий из железа, в числе которых следует отметить сошник с коротким широким лезвием и слабо изогнутый железный серп. Из других хозяйственных и бытовых предметов встречены рыболовный крючок для ловли крупной рыбы, ножи, ножицы, дужка от ведра, пила с разведенными зубьями и т. д.

Дополнительным признаком относительно широкого употребления железных изделий являются находки точильных камней со следами сработанности. Форма и размеры их довольно разнообразны — есть экземпляры прямоугольной формы, закругленные, с заостренным концом и др.

Из других находок следует упомянуть изделия из бронзы. Еще в 1950 г. во время разведочных раскопок был найден несомкнутый пластинчатый браслет с геометрическим орнаментом и ложновитой перстень. В 1951 г. обнаружена бочковидная гирька весом в 50 г; в верхней части ее выбит крест с расширяющимися концами.

Весьма интересен бронзовый серп с зазубринами с внутренней стороны и небольшим квадратным отверстием у рукояти. Бронзовый серп, разумеется, не мог быть рабочим оружием. Трудно предположить, чтобы изделием из привозной бронзы пользовались для нужд сельского хозяйства при возможности широкого употребления железа. Повидимому, это предмет ритуального назначения.

Иначе выглядят находки нижнего горизонта. Керамика изготовлена значительно лучше, и формы ее разнообразнее. Довольно часто встречаются большие сосуды (диаметр отверстия свыше 30 см) из желтой и красной глины, напоминающие ведра. Они служили, вероятно, для хранения запасов и украшались по венчику защипами. Один из таких сосудов внутри был просмолен и, повидимому, предназначался для хранения жидкости. Среди единичных находок можно отметить лощеную миску (из желтой глины) с ребристым изломом в верхней части. В нижнем горизонте найден также черный лощеный горшок с отогнутым наружу венчиком и изломом в верхней части (рис. 28—2). Высота этих сосудов не превышает 15 см. Встречаются желтые лощеные сосуды в форме небольших мисок, диаметром 8—10 см, с ребристым изломом в средней части (рис. 28—3). Иногда на сосудах видны следы ручек.

Некоторые фрагменты лощеной керамики выделяются исключительно хорошей выделкой, отсутствием примесей в глине и черной глянцевитой окраской. Орнамент керамики своеобразен, сосуды орнаментированы по излому вертикальными насечками, вдавлениями, валиками и т. д. Возможно, что при дальнейшем изучении керамики нижнего горизонта выявится большее разнообразие форм, чем это удалось сделать предварительно.

В нижнем горизонте, так же как и в верхнем, много находок необработанного янтаря, изделий же из него очень мало. Найдено также небольшое количество синих стеклянных кольцевых бус и изделий из бронзы (булавки, подвески и обломок сосуда). Интересна ажурная подвеска с витым орнаментом и булавка с конической рифленой головкой (рис. 29).

Таковы в основном находки на мысовой части городища. Следует упомянуть, что на разных участках раскопа найдены два фрагмента керамики

эпохи бронзы. Быть может, они были занесены сюда случайно. Не исключена, однако, возможность и того, что на месте городища существовало некогда поселение эпохи бронзы.

Как уже отмечалось выше, раскопки на прямоугольной площадке были крайне затруднены. Она густо поросла лесом, удалось обследовать только некоторые наиболее доступные участки.

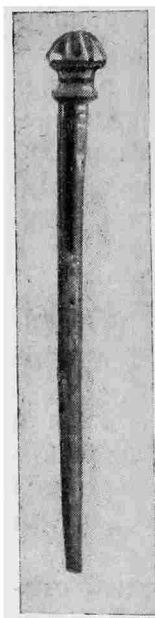

Рис. 29. Бронзовая булавка из нижнего горизонта городища. Грачевка

Шурфы закладывались на склоне, недалеко от восточного вала. В отличие от мысовой площадки, где культурный слой у вала был насыщен и имел значительную мощность, здесь мощность культурного слоя не превышает 0,5 м. Слой однороден по характеру находок и соответствует верхнему культурному слою мысовой площадки.

При шурфовке выяснилось, что под дерном залегали камни, расположение и характер которых не позволяют сделать вывод, являлись ли они остатками кладок или случайными скоплениями. Среди керамики встречены фрагменты слабо профилированных горшков и сосудов баночной формы. Найдены также куски янтаря.

Керамика селища, примыкающего к городищу, невыразительна. Тем не менее можно говорить о сходстве некоторых фрагментов с керамикой верхнего горизонта мысовой площадки городища.

Переходя к вопросам датировки памятника, остановимся прежде всего на материале из верхнего горизонта. При отсутствии исследованных поселений на территории юго-восточной Прибалтики и при аморфности культурного слоя на исследованном городище нам приходится, естественно, основываться на массовом материале — керамике.

Керамика верхнего горизонта в основном лепная и представлена двумя типами посуды — слабо профилированными горшками и сосудами баночных форм. Определяющим при датировке служит тот факт, что на некоторых фрагментах сосудов отчетливо видны следы правки на гончарном круге. Это относится исключительно к первой форме — горшкам. Указанное обстоятельство позволяет полагать, что верхняя хронологическая граница горизонта — время появления на данной территории гончарной керамики.

Ближайшие аналогии дает керамика, которую польские археологи называют «прапольской», датируя ее X в., и керамика балтийских славян¹. Появление этого рода керамики на территории Калининградской области следует, по видимому, объяснить существованием связи с населением Поморья и Польши.

Ручной гончарный круг в южных польских землях, по данным И. Костржевского, появляется уже к VII в., а усовершенствованный ножной гончарный круг — в середине X в., когда гончарная керамика вытесняет лепную. Сказанное позволяет предполагать, что верхней датой верхнего горизонта Грачевского городища могло быть время не позднее X в. Однако крайне ограниченное применение гончарного круга заставляет относить керамику этого горизонта к более раннему времени, вероятнее всего к VIII—IX вв.

Что касается уточнения датировки слоя, то некоторые материалы можно получить, анализируя находки из металла. Так, для бронзового браслета,

¹ J. Kostrzewski, *Kultura prapolska*. Познань, 1947, стр. 262; W. Antoniewicz, *Archeologia Polska*. Варшава, 1928, стр. 213; Н. Кногг, *Die slavische Keramik zwischen Elbe und Oder*. Лейпциг, 1937, стр. 127—129.

обнаруженного на городище, можно указать аналогию среди латвийских древностей. Подобный браслет известен в Капанос (округ Елгава). Согласно периодизации, принятой в Прибалтике, он датируется IX—XIII вв.¹

Очень любопытна встреченная на городище бронзовая гирилка. Древнейшая бронзовая гирилка с территории Калининградской области была найдена совместно с монетой Людовика Благочестивого (814—841 гг.). Гирилка, подобная нашей, обнаружена в погребении № 39 могильника XI—XIII вв. близ Шудиттен².

При первичном ознакомлении с находками верхнего горизонта нам казалось, что некоторые из них относятся к более позднему времени, чем основной массовый материал — керамика. К числу таких поздних предметов, казалось, следует отнести пилу. Однако среди польских материалов, относящихся, по периодизации польских археологов, к предпьястовским временам, т. е. IX—X вв., имеется пила-ножовка³. Среди материалов Новгородской экспедиции 1951 г. в слое XI в. также обнаружена пила-ножовка⁴.

В итоге датировка верхнего горизонта определяется X—XI вв.

Находки нижнего горизонта относятся к иной эпохе. Лощеная керамика, особенно те ее варианты, которые представлены черными блестящими черепками, дает основание отнести их к первой половине I тыс. н. э. Среди находок есть сосуды, аналогичные сосудам в погребениях: небольшие с цилиндрической шейкой и ребристым изломом можно найти в могильниках Петтелькау (б. округ Браунсберг) и Тирберг (б. округ Остероде), миска с изломом в верхней части также встречена в могильнике Петтелькау.

Аналогии большим сосудам (для хранения запасов) с защипами на венчике можно отметить среди материалов из могильника близ Котельниково. В могильнике Долькейм встречены сосуды, опоясанные валиком. Все эти могильники относятся преимущественно к III—IV вв. н. э.⁵

Бронзовая ажурная подвеска украшена веревочным орнаментом, ближайшую аналогию которому представляет орнамент фибулы из погребения № 19 могильника Вакерн (III—IV вв.)⁶.

Повидимому, основные находки нижнего горизонта синхронны вещам из могильников III—IV вв. Как и в отношении верхнего горизонта, приведенную датировку необходимо считать предварительной. Не все формы сосудов еще уяснены, одни могут, повидимому, относиться к более раннему времени, другие к более позднему. Поэтому, как и для верхнего горизонта, следует ограничиться более широкой датировкой. Пока нижний горизонт можно отнести к первой половине I тыс. н. э.

Таким образом, материалы раскопанной мысовой изолированной части городища Грачевки дают основание отметить здесь следы поселений первой половины и конца I тыс. н. э.

Ввиду смыва культурного слоя трудно сказать, какую часть мысовой площадки занимало раннее поселение. Первоначально более вероятным казалось предположение, что оно не имело оборонительных сооружений. Основанием для этого служило то, что слой нижнего горизонта частично сказался под валом.

¹ Latwijais Arhaiologija, табл. 66, рис. 11. Рига, 1926.

² Sitzungsberichte d. Altertumsgesellschaft, Prussia, т. XXI, стр. 270—272; т. XXII, стр. 59.

³ J. K o s t r z e w s k i. Pradzieje Polski. Познань, 1949, стр. 234.

⁴ По материалам выставки к пленуму ИИМК, посвященному итогам полевых исследований 1951 г.

⁵ W. G a e r t e. Urgeschichte Ostpreussens. Кенигсберг, 1929, стр. 177.

⁶ T i s c h l e r. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Кенигсберг, 1902, табл. III, 19.

Повидимому, от этого мнения придется отказаться. То обстоятельство, что культурный слой оказался частично под валом, может объясняться и оплывом вала. Возможно также, что только благодаря какой-то преграде смывавшийся культурный слой был остановлен и сконцентрирован. Этой преградой и был, повидимому, вал.

Заселение второй площадки следует отнести к концу I тыс. н. э. К этому времени, очевидно, относятся мощные валы и глубокие рвы. К этому же времени, надо полагать, должно относиться и селище.

Материалы, полученные при раскопках городища у с. Грачевки, позволяют составить некоторое представление и о хозяйственной деятельности его обитателей. Чрезвычайно интересна находка в слое III—IV вв. больших запасов пшеницы, свидетельствующая о том, что в это время земледелие было одним из основных видов хозяйственной деятельности. Костных остатков встречено очень мало. Возможно, что в песчаной почве они не сохранились. Однако имеются косвенные данные о разведении домашнего скота. Мы имеем в виду нередкие находки фрагментов глиняных сосудов, предназначенных для изготовления сыра. Среди домашних производств первое место принадлежит, разумеется, гончарному. Керамика нижнего горизонта разнообразнее по форме и совершеннее по технике. Наряду с несомненно привозной лощеной керамикой встречается большое число сосудов с лощением более низкого качества. Сосуды эти были местного производства.

Близостью морского берега, изобилующего янтарем, обусловлены внешние связи, которые отчетливо прослеживаются по материалам III—IV вв. н. э. Скопление янтаря в кусках объясняется, повидимому, тем, что в таком виде его сбывали. Следует предположить, что в обмен на янтарь сюда могли попадать и изделия из бронзы и стеклянные бусы.

Иную картину дают материалы верхнего горизонта. Наиболее характерно для этого периода широкое бытование железных изделий.

Ввиду неисследованности поселений до сих пор трудно было судить о типе жилища. Раскопки на городище дают уверенность в том, что основным типом здесь, судя по каменным кладкам, были наземные помещения прямоугольной формы с открытыми очагами. Возможно, что при дальнейшем изучении материала можно будет найти ряд новых дополнительных черт, благодаря которым удастся реконструировать жилища.

Развал камней в нижнем горизонте также утверждает в мысли, что традиция домостроительства, следы которого сохранялись в виде наземных каменных кладок, восходит здесь к первым векам нашей эры. На городище Логвиново, обследованном в 1949 г. и относящемся к более позднему времени, чем верхний горизонт городища Грачевки, также встречены прямоугольные каменные кладки с открытыми очагами. Следовательно, и в памятнике конца I и начала II тыс. н. э. прослеживается древний принцип устройства жилищ.

Факт заселения одного и того же городища в первой половине и в конце I тыс. н. э. представляет собой явление, наблюдаемое и на многочисленном материале могильных памятников. В Приморском районе сплошь и рядом отмечается, что в одном и том же могильнике, наряду с захоронениями первой половины I тыс. н. э. имеются и погребения конца I и начала II тыс. н. э.

Отметим, что на поселении первой половины I тыс. н. э. имеются некоторые формы инвентаря, совпадающие с инвентарем могильных памятников.

Таким образом, материалы городища Грачевки вместе с данными разведок 1949—1950 гг. позволяют в известной мере установить связь между поселениями и многочисленными могильными памятниками этой территории.

2850 предметов). По его описанию можно судить, что вскрыта бóльшая часть могильника¹.

Во время раскопок 1898—1901 гг. было вскрыто сначала 44, а затем еще 10 погребений. Захоронения, ориентированные на юг, лежали очень неглубоко. Из деталей погребального обряда в отчете указывается на

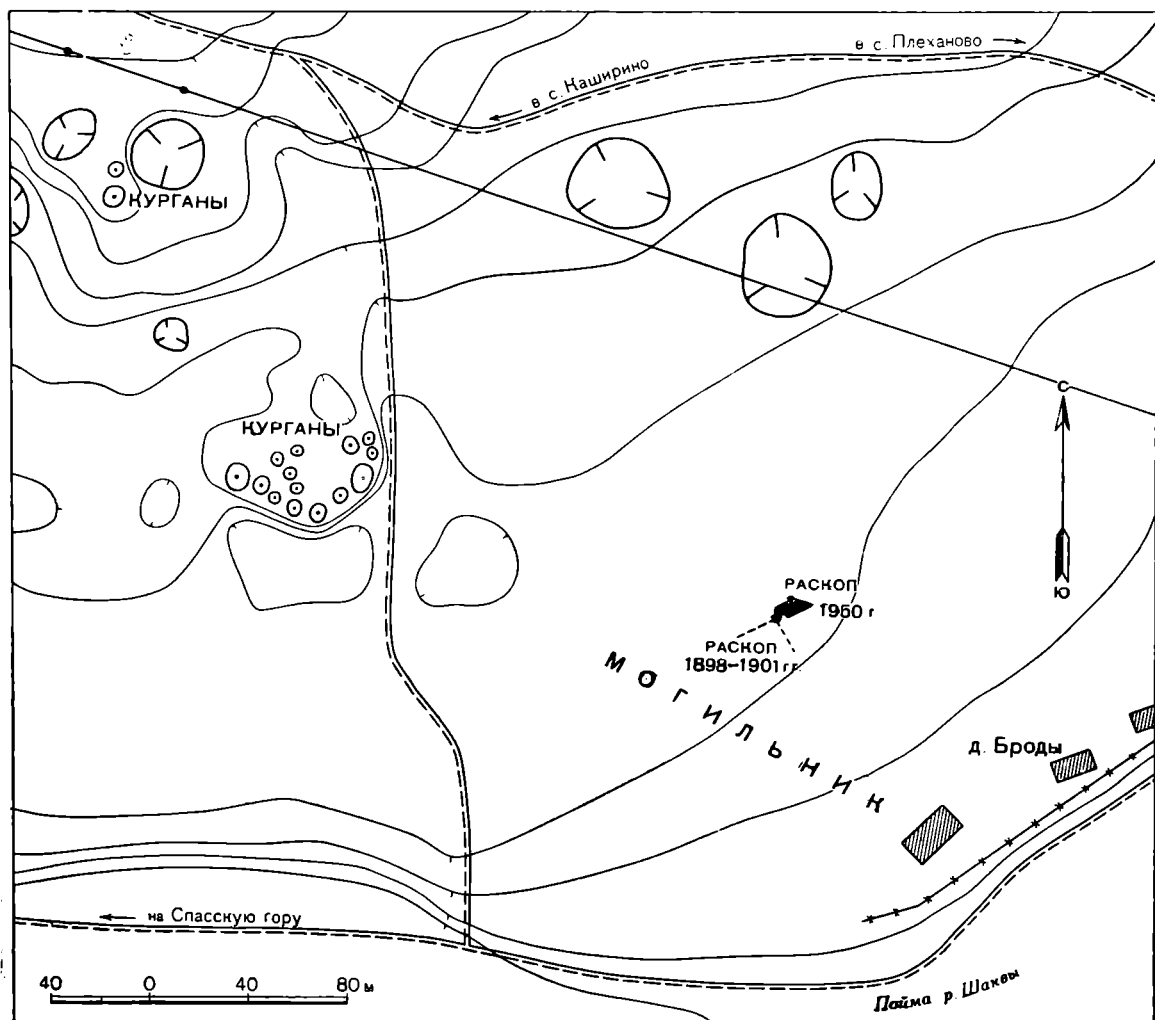

Рис. 30. Схематический план местоположения Бродовского могильника

наличие «деревянной подстилки», т. е. остатков гроба или колоды². Материал из раскопок этих лет хранится в Государственном Эрмитаже и Историческом музее в Ленинграде³. Письменный материал раскопок и фотографии имеются в архиве А. А. Спицына⁴.

Могильников ломоватовского времени в Верхнем и Среднем Прикамье известно довольно много. Раскопанные же исчисляются единицами: Бродовский и Горбунятский на р. Сылве, Неволинский на р. Ирени, Деменковский на р. Обве. Еще хуже обстоит дело с публикацией вещественного материала по ломоватовской культуре. До сих пор, кроме чрезвычайно

¹ Н. Н. Новокрещенных, указ. соч., стр. 137—138.

² ОАК за 1901 г., стр. 115.

³ ОАК за 1898 г., стр. 172; ОАК за 1901 г., стр. 157.

⁴ О. И. Биц. Архив А. А. Спицына. СА, X, 1948, стр. 22. Часть керамики Бродовского могильника опубликована в «Древностях Камы по раскопкам А. А. Спицына и 1898 г.», вып. II, 1933, табл. VIII, рис. 2, 3, 5, 7, 9—14.

кратких предварительных заметок, публикаций исследований ломоватовской эпохи, сыгравшей важную роль в этногенезе народов Прикамья, нет.

Эпоха VI—VIII вв., последовавшая за бурными веками «великого переселения народов», остается для Прикамья неизученной. Что принесло с собой «великое переселение народов» для Прикамья? Какие произошли изменения в размещении населения, в его хозяйстве, общественном строе? Много вопросов встает перед изучающим древнюю историю Прикамья на ломоватовском этапе, принесшем новые черты материальной культуры, сказавшиеся уже на следующем, родановском этапе — в эпоху окончательного разложения первобытно-общинного строя и становления феодализма.

Во время наших обследований в низовьях Шаквы стало известно, что при рытье ямы на площадке Бродовского могильника местным населением обнаружены погребения. Работы были нами приостановлены. Яма лишь затронула погребения, не помешав точно определить их детали и положение (рис. 31—1).

Погребение № 1 (рис. 31—2). Детское. Костяк ориентирован на юг (140°). Глубина погребения 0,6 м. Четкие очертания могильной ямы, размером 1,2 × 0,45 м, прослежены с глубины 0,45 м. Яма подчетыреугольной формы с закруглением у южной стенки. Сохранность костей плохая. Захороненный лежал на спине, руки были согнуты в локтях и положены на живот. С правой стороны черепа стояла небольшая глиняная чашка (рис. 32—1), вокруг которой лежало несколько костей животных.

Погребение № 2 (рис. 31—3). Мужское. Ориентировано на юг (155°). Глубина погребения 0,95 м. На глубине 0,75 м зафиксированы очертания могильной ямы (2,4 × 0,6 м) прямоугольной формы. Сохранность скелета много лучше, чем в погребении № 1. Сохранились: череп, нижние конечности, левая рука. Кости черепа были разбросаны. Погребенный лежал на спине, вытянуто, руки положены вдоль туловища.

С левой стороны костяка, у пояса, находился колчан из бересты, остатки которой сохранились плохо. В колчане находилось семь костяных и пять железных наконечников стрел. Костяные наконечники крупных размеров, плоские (рис. 33—4, 5) или трехгранные (рис. 33—1—3) с хорошо выраженными плоскими черешками. Черешок одного наконечника орнаментирован нарезками (рис. 33—2). Четыре железных наконечника — трехлопастные с черешками, на которых сохранились остатки древков (рис. 33—7—9). У двух из них лопасти слегка закруглены сверху, у остальных прямые. Среди последних у одного — узелок у соединения черешка с лопастями. Один наконечник стрелы стержневой, ромбический в сечении, с притупленным концом (рис. 33—10).

Рядом с наконечниками стрел лежала целиком отлитая из бронзы поясная пряжка (рис. 34—4), явно смещенная из первоначального положения. Язычок сделан из железа. Задняя пластинка имеет с левой стороны закраины и три шпенька, которыми она приклепывалась к концу ремня. Около пряжки лежала железная скобочка, вероятно от колчана. Под колчаном найдены: бронзовый колокольчик (рис. 34—15), в ушко которого входил железный предмет (вероятно, колечко), совершенно испорченный ржавчиной, бронзовая якоревидная накладка со шпеньком (рис. 34—14) и бронзовый наконечник ремня с прорезными отверстиями (рис. 34—13). Наконечник ремня также имел на обороте закраины и два шпенька для приклепывания к концу продвигающейся части ремня.

Якоревидная накладка и колокольчик украшали или пояс, или колчан. На правом боку покойный носил железный кинжал в деревянных ножнах (рис. 35—6). Удалось зафиксировать очертания деревянной рукояти кинжала длиной 10 см. Длина лезвия 18 см. Кинжал односторонний, с уступом со стороны лезвия и незначительным прогибом со стороны спинки.

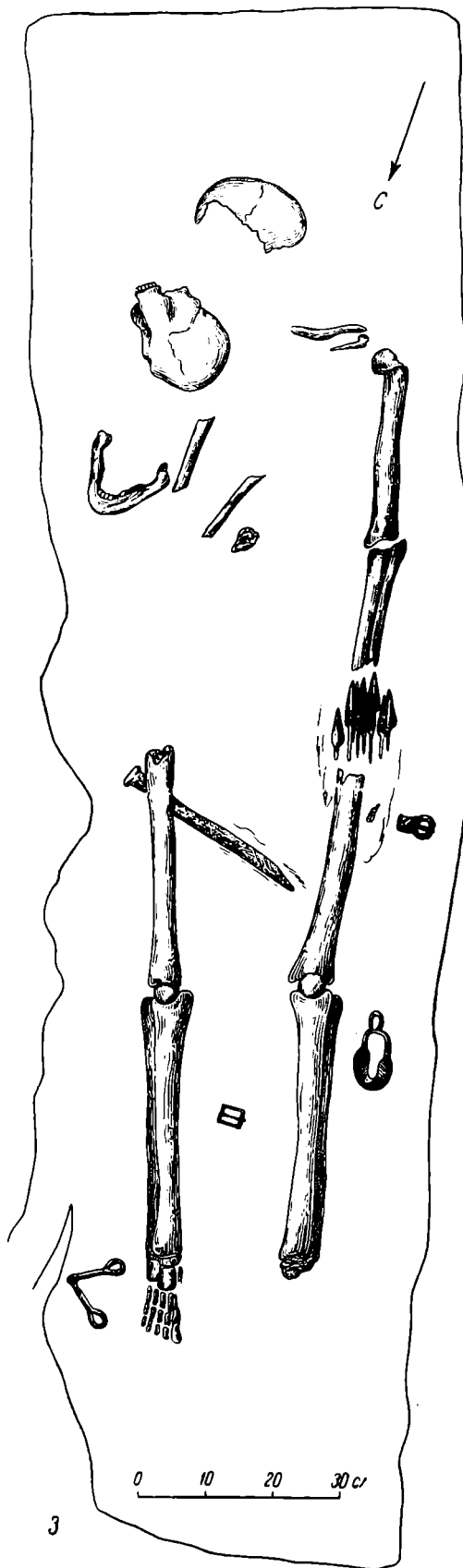
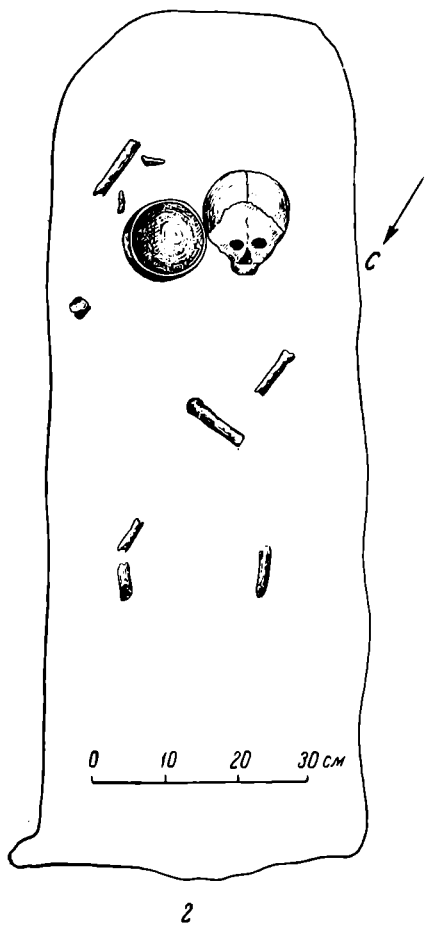
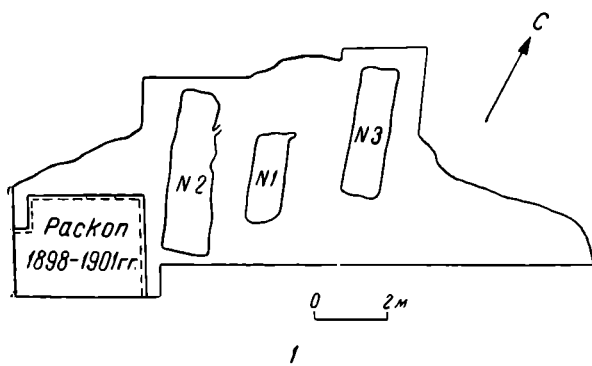

Рис. 31. Бродовский могильник

1 — схема расположения погребений; 2 — детское погребение (№ 1); 3 — мужское погребение (№ 2)

На груди захороненного лежала небольшая железная вещь, совершенно испорченная ржавчиной. В ногах — железные удила, пряжка и одно стремя. Удила двусоставные, кольчатые, выкованы из двух целых четырехгранных прутков железа. Пряжка имеет вид четырехугольной рамки с вращающимся язычком на одной стороне (рис. 35—8). Стремя из выгнутого восьмеркой четырехгранного прута с плоским полукруглым подножием (рис. 35—7), свидетельствующим о мягкой обуви (без твердой подошвы), которую носил покойный.

Большой интерес представляет сохранившийся костный материал. Череп был передан в Музей антропологии МГУ, осмотрен и измерен Г. Ф. Дебецом. По его словам, череп этот европеоидный с возможной, но отнюдь не бесспорной, монголоидной примесью.

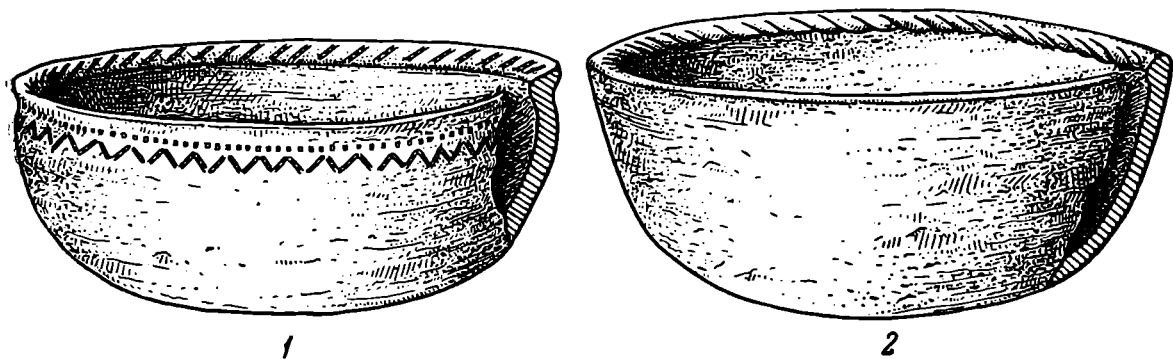

Рис. 32. Глиняные сосуды из Бродовского могильника

Интересна и такая деталь, как полное отсутствие левой стопы у покойного, потерянной еще при жизни, и наличие в погребении лишь одного стремени. Имело ли седло захороненного только одно стремя или это был какой-то погребальный обычай, не ясно. Во всяком случае среди ломоватовских погребений это пока отмечается впервые.

Погребение № 3. Обнаружено на глубине 0,89 м. Могильная яма (1,75 × 0,55 м) была подчетыреугольной формы, со слегка закругленными углами, и вытянута по линии север — юг. Погребение оказалось крайне бедным. Кости скелета не сохранились. Лишь в южном конце могильной ямы отмечено небольшое светлое пятно (вероятно, тлен от черепа). В средней части лежали пряжки, бронзовая поясная и железная, испорченная ржавчиной, железные удила, аналогичные найденным в погребении № 2, но изготовленные из плоского железного прута. Поясная пряжка (рис. 34—8) стлита из бронзы и имеет железный язычок, вращающийся на среднем поперечном стержне. Пряжки подобных типов встречаются в Прикамье чрезвычайно редко.

Вне погребений находки на могильнике очень редки. При рытье хозяйственной ямы встречено несколько зубов лошади и коровы и 4—5 небольших фрагментов керамики. Кроме того, нам была передана бусина из горного хрусталя, найденная на могильнике. Она овальной формы со сверлением с двух концов (рис. 36—1).

Вскрытые три погребения представляют только часть ряда могил, идущих в направлении с юго-запада на северо-восток. Расположены могилы ступеньками, так что голова каждого соседнего с востока погребения приходится на уровне груди предыдущего (рис. 31—1). Подобный же порядок в расположении могил можно было проследить и в некоторых погребениях Неволинского могильника. С западной стороны затронутый нами ряд погребений был раскопан в 1898 г., а на восток раскопки, несомненно, могут быть продолжены.

В Молотовском краеведческом музее хранится небольшая коллекция вещей из Бродовского могильника. Эти вещи были доставлены в 1897 г. в Пермскую ученую архивную комиссию, а затем переданы в краеведческий музей. Судя по характеру вещей, они происходят из нескольких могил.

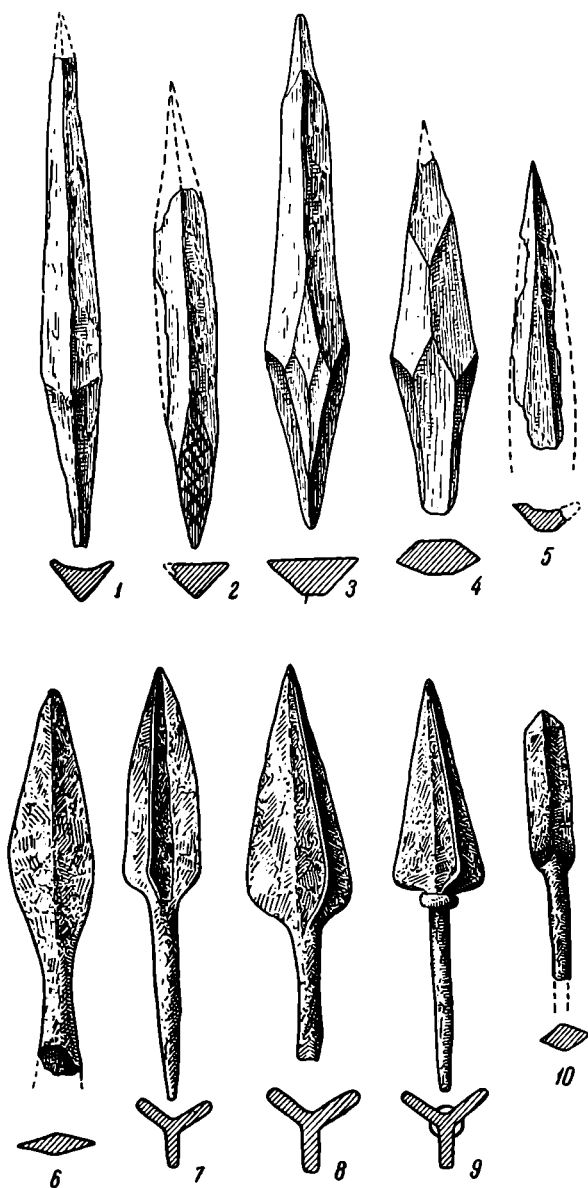

Рис. 33. Костяные (1—5) и железные (6—10) наконечники стрел

стеклянные — глазчатые, звеньевые — золоченые и зеленые, а также ребристые (рис. 36—4—7) и пастовые: круглые — черные, каплевидные — синие (рис. 36—8). К женским погребениям должны относиться медный слегка выпуклый браслет (рис. 34—10), обломок другого медного браслета

¹ А. А. Спицын. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, № 26, СПб., 1902, табл. XX, рис. 9.

² Там же, табл. XVII, рис. 44.

³ Подобное устройство пояса неоднократно было прослежено при раскопках Неволинского могильника.

⁴ А. А. Спицын, табл. X, рис. 20.

⁵ Там же, табл. X, рис. 21.

⁶ Там же, табл. III, рис. 20.

⁷ ОАК за 1898 г. СПб., 1901, рис. 95.

⁸ МАР, № 26, табл. IX, рис. 3

Принадлежностью одного погребения можно считать части женского поясного набора. К нему относятся концевая пряжка с узорной задней пластинкой (рис. 34—5), выпуклые накладки-тройчатки¹ и продолговатые плоские прорезные накладки², как бы имитирующие человеческое лицо. Накладки обоих типов имеют сзади шпеньки, при помощи которых они приклепывались на прямоугольные кожаные подвески, спускавшиеся от основного ремня вокруг тела. Тройчатки помещались обычно в задней части пояса. От ремня, чаще всего слева, свешивалась «кисть» из двух или более концов³. Концы представляли собой кожаные ремешки, на которые наизаны прорезные пронизки со вздутием больших⁴ или малых⁵ размеров. Таких пронизок в коллекции также несколько. Заканчивалась «кисть» на одном конце рожковой подвеской⁶, на другом — планчатой пронизкой⁷, в нижний конец которой входило ушко звездчатой подвески⁸. Все эти предметы в коллекции имеются.

К украшениям женского костюма принадлежат обломок планчатой подвески (рис. 36—10), кольцевая подвеска (рис. 34—16), носившаяся сзади в косах, и бусы: хрустальные, аналогичные описанной выше (рис. 36—1), сердоликовые — овальной, круглой и приплюснутой формы (рис. 36—2, 3),

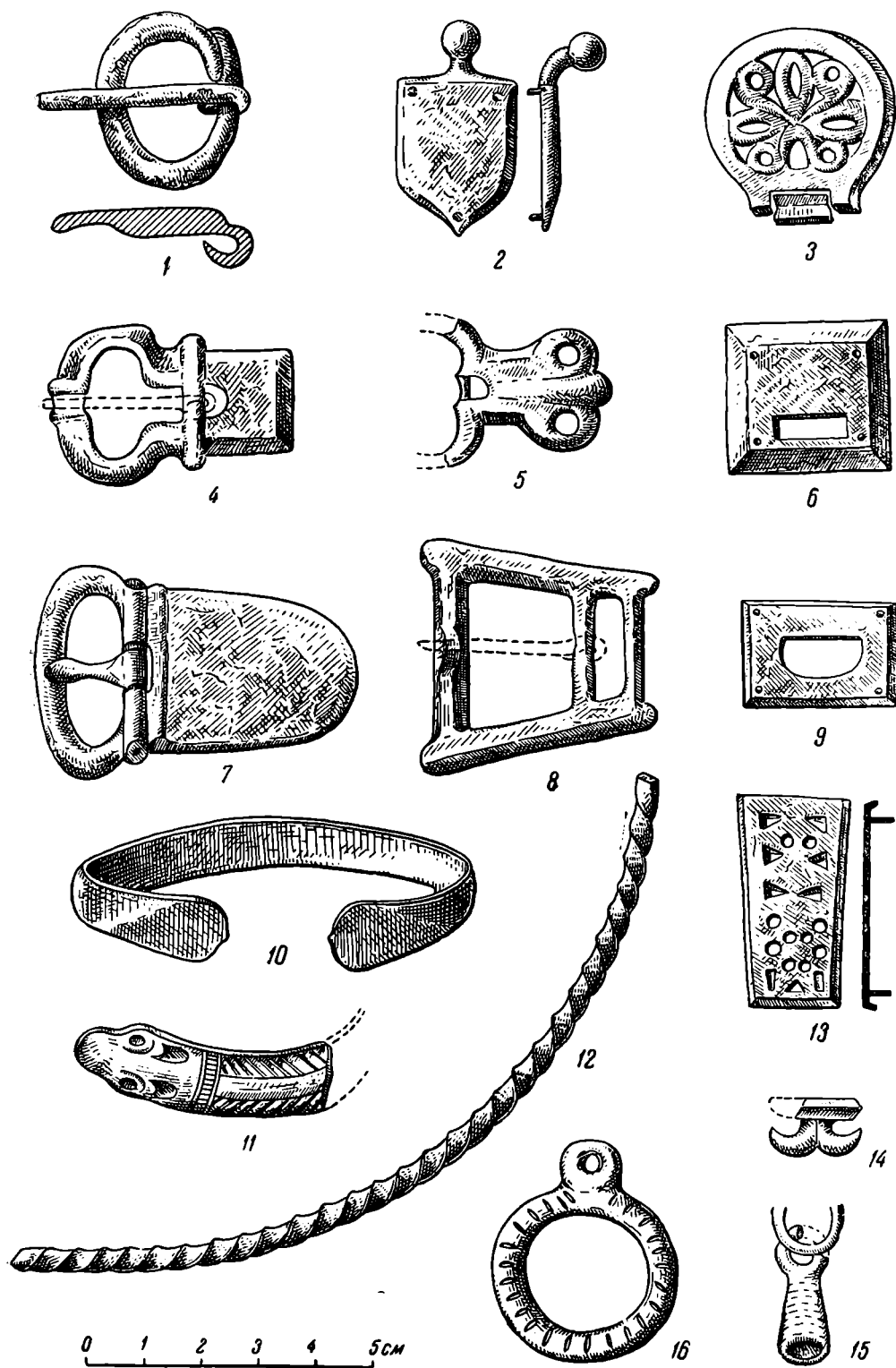

Рис. 34. Бронзовые и серебряные украшения

1, 2, 4, 5, 7, 8 — поясные пряжки; 3, 6, 9 — поясные накладки;
 10, 11 — браслеты; 12 — обломок серебряной гривны; 13 — наконечник поясного ремня; 14, 15 — накладка
 и колокольчик от колчана; 16 — подвеска

такой же формы со звериной или, возможно, змеиной головкой на конце и насечками по ободку (рис. 34—11) и обломок шейной гривны, витой из серебряного четырехгранного прута (рис. 34—12).

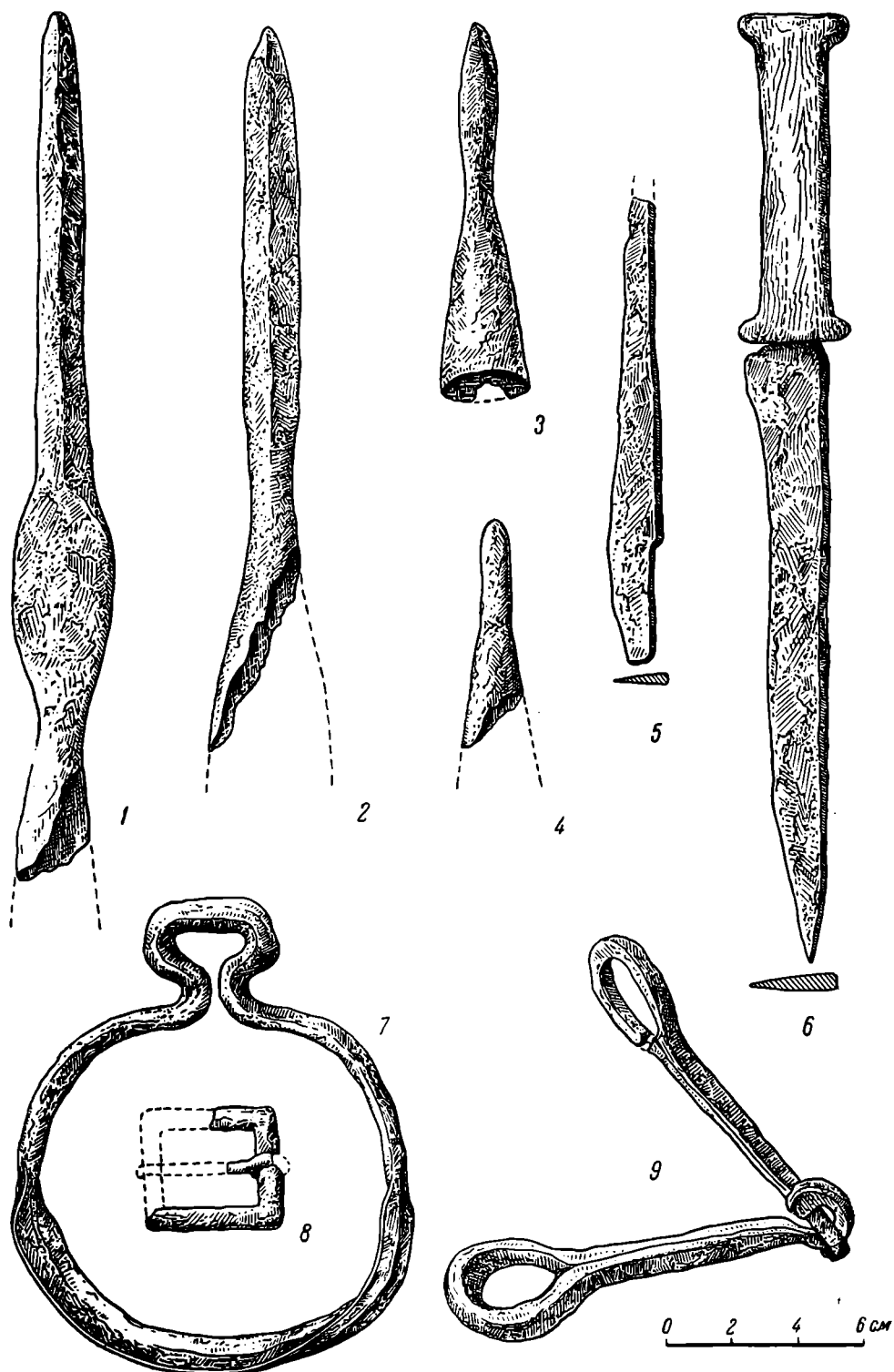

Рис. 35. Изделия из железа

1 — 4 — наконечники копий; 5 — нож; 6 — кинжал (реконструкция); 7 — стремя; 8 — пряжка; 9 — удила

Несколько вещей относятся к остаткам мужских поясов: четырехугольные накладки с прорезями (рис. 34—6) и концевая пряжка (рис. 34—7), отлитые из бронзы. Накладки и задняя пластинка пряжки имеют закраины

и шпеньки для прикрепления к ремню, пряжка — тонкий стерженек, пропущенный через края ободка, на котором вращается язычок. Накладка с узором из завитков и вращающейся внизу головкой, к которой прикреплялся ремешок, державший ножны меча или кинжала, также прилепывалась к ремню шпеньками (рис. 34—3). К мужскому же поясу должны, вероятно, относиться и щитовидные накладки малых размеров (рис. 34—9). Очень интересна концевая пряжка типа так называемых пряжек со шпень-

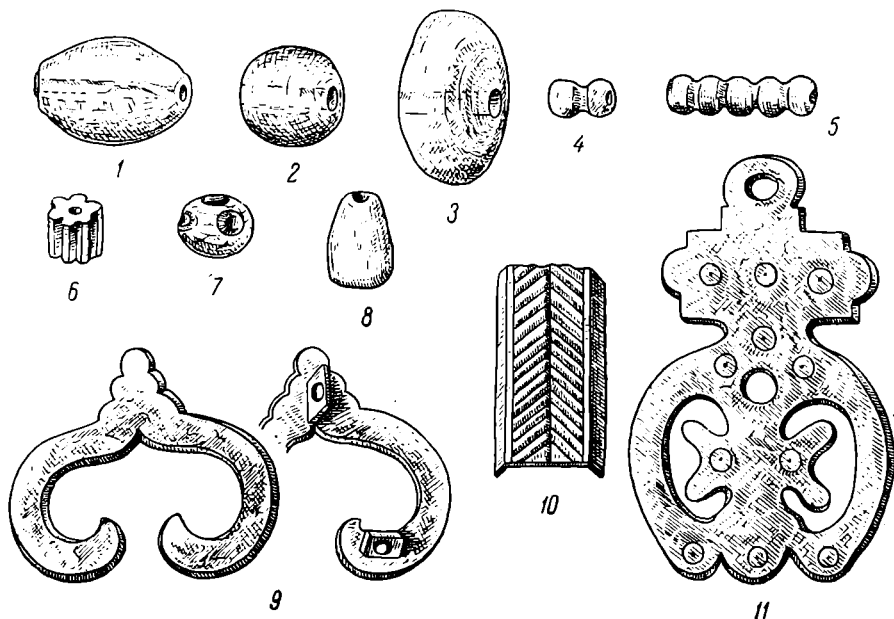

Рис. 36. Бусы и бронзовые украшения из Бродовского могильника

ком (рис. 34—2), таких пряжек в Прикамье почти не встречается; они были распространены в более раннее, таштыкское время в Южной Сибири¹. Накладка с узором из завитков, вероятно, происходит из Южной Сибири, так как в прикамском орнаменте этого времени подобных мотивов нет. В коллекции есть вторая подобная накладка, но сделанная чрезвычайно грубо, с явными следами подражания. Пряжка с кольцевым ободком (рис. 34—1) очень похожа на пряжки так называемого гото-сармато-аланского типа, распространенные в Прикамье в харинское время².

Назначение двух предметов не ясно (рис. 36—9, 11). Один из них, возможно, является подвеской, на что может указывать ушко. Орнаментирован он циркулярными кружками. Второй — фигура в овале — представляет стилизацию формы креста. Близкое к этому сочетание известно по находкам из Невалинского могильника того же времени.

Наиболее интересны в коллекции железные вещи. Среди них — четыре наконечника копий, наконечник стрелы, два ножа, обломок удила и несколько обломков предметов, назначение которых определить трудно. Железные наконечники копий — втульчатые. Один экземпляр имеет длинный четырехгранный стержень, расплюснутый у перехода к втулке (рис. 35—1). У другого также длинный плоский стержень, слегка суживающийся и округляющийся у перехода к втулке (рис. 35—2). Два последних наконечника имели очень короткие стержни, прямоугольный и круглый в сечении (рис. 35—3, 4). Наконечник стрелы втульчатый с листовидным пером (рис. 33—6). Обломок удила аналогичен удилам из раскопок 1950 г.

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 243.

² A. V. Schmidt. Kachka. ESA, I, Helsinki, 1927.

(рис. 35—9). Оба ножа одного типа — это ножи с уступом со стороны спинки (рис. 35—5).

Кроме описанных вещей, в коллекции имеется глиняный сосудик (рис. 32—2). По форме и по обработке поверхности он аналогичен чашке из погребения № 1. По внутреннему краю венчика нанесен резной орнамент короткими наклонными линиями. В глиняном тесте заметна примесь очень мелко истолченной раковины.

II

Описанная коллекция вещей из Бродовского могильника включает обычный для ломоватовской культуры инвентарь. Особенно широко распространены украшения этих типов. Реже встречаются находки изделий из железа — ножи, наконечники стрел и копий, стремена, удила и пр.

Ломоватовская культура датировалась А. А. Спицыным VIII—IX вв. н. э. и в его ранних работах по археологии Прикамья¹ и в более поздних².

Совершенно иная точка зрения на датировку ломоватовской культуры была высказана А. В. Шмидтом, относящим ее к более раннему времени. По его мнению, дата устанавливается рядом находок ломоватовских вещей с сасанидскими, среднеазиатскими, византийскими (Броды, Ташки, Ломоватовка, Зародята), а также и раннеарабскими монетами конца VII — первой половины VIII в.³

И в том и в другом мнении можно найти довольно много слабых мест и спорных положений.

Оставляя пока открытым вопрос о начальной дате ломоватовской культуры, обратимся к ее поздней, конечной дате. Спор вызывает в основном вопрос о IX в. Ссылка А. А. Спицына на могильники X в., Ильинский и Урьинский, не может быть принята за достаточно обоснованное доказательство, так как материалы из этих могильников представляют случайные сборы и точное время их не установлено. А как показывают примеры, в Прикамье на могильниках довольно часто встречаются разновременные погребения (Харинский, Кудымкарский, Горд-Кушет и др.).

Данные А. В. Шмидта о распределении монетных находок также нельзя считать убедительными, так как можно указать, что большинство сасанидских монет относится к VI—VII вв. (Броды, Горбунята, Неволино); чаще всего находят монеты Хосрова II (590—628 гг.). Однако эти монеты могли попасть в могилы и в VII в. и в последующие века.

Гораздо правильнее будет определить грань между ломоватовской и родановской (ее ранним этапом — загарским) культурами, сопоставляя комплексы вещей, относящихся к этим культурам, с вещами, найденными в других районах и относимыми к другим культурам, более или менее достоверно датированным благодаря новейшим исследованиям.

В этом отношении много дает сопоставление с салтовской культурой, характерной для Юго-Востока. Последняя хорошо датируется второй половиной VIII и IX вв.⁴ В Салтове можно найти много типичных вещей, встречаемых в Прикамье не в могильниках ломоватовской культуры, а только

¹ А. А. Спицын. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, № 26, стр. 23.

² А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗОРСА, т. VIII, в. 1, стр. 29—145.

³ См. А. В. Шмидт. Туйский всадник. Зап. кол. востоковедов АН СССР, т. I, Л., 1925, стр. 413; его же. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. Сб. Музея антропологии и этнографии, т. IV, 1927, стр. 141.

⁴ Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, стр. 14—30.

в могильниках загарского этапа родановской культуры (Горд-Кушет — поздний комплекс, на р. Колыч, Баяновский могильник и др.). А для вещей ломоватовских могильников ближайшие аналогии находятся в могильниках Сев. Кавказа, предшествовавших Салтову: Песчанка, Чми, Борисовский и др.¹

В вещах из могильников ломоватовской культуры встречаются литые бронзовые и серебряные бляшки с гладкой поверхностью и вырезами².

В салтовское время в могильниках Юго-Востока «характерные для предшествующего периода литые прорезные бляхи исчезают, их сменяют литые и штампованные бляхи с разнообразными растительными узорами»³. Замена бляшек с гладкой поверхностью и вырезами литыми с растительными узорами в Верхнем Прикамье видна по материалам из могильников загарского этапа. Штампованные же поясные бляшки в Прикамье были уже широко распространены в могильниках ломоватовского времени, но орнаментация их сходна с гладкими прорезными бляшками. Растительный орнамент на них не встречается⁴.

Характерные салтовские поясные накладки с колючками⁵ не встречены ни разу в ломоватовских комплексах, однако они встречаются в могильниках загарского типа — Баяновском⁶, Горд-Кушете⁷, на р. Колыч⁸ и др.

Можно указать еще на ряд украшений салтовского типа, встречаемых в загарских могильниках и не встречаемых в ломоватовских. Таковы медные спиральки⁹, подвески из меди в виде клыка медведя¹⁰. Аналогичны с салтовскими и формы загарских длинных топоров¹¹.

Не встречаются в ломоватовских могильниках и медные браслеты с кружковым орнаментом¹². В могильниках же загарского этапа они широко распространены. Браслеты эти, как известно, датируются IX—XII вв.¹³

Таким образом, мы видим чрезвычайно большую близость археологического материала Прикамья с Юго-Востоком нашей страны, на что в свое время еще указывал А. А. Спицын, объясняя и причину этой близости: «Из русских древностей Пермские поделки VIII—IX вв. теснейшим образом примыкают к вещам могильников Северного Кавказа, из чего впрочем не следует, что они происходят с Кавказа: здесь сходство означает лишь общее происхождение из одного источника»¹⁴.

Соглашаясь со взглядом А. А. Спицына на вопрос о происхождении некоторых мотивов орнамента и типов вещей, все же нельзя не учитывать, что некоторые изделия несомненно являются привозными, — результат обмена между племенами Прикамья и юго-востока Европы в ломоватовское и в более позднее время, чем и объясняется такая близость вещественного материала.

Таким образом, конечная дата ломоватовской культуры может быть отнесена не позднее чем на конец VIII в.; в IX в. в Верхнем Прикамье

¹ ОАК за 1898 г.; МАК, вып. VIII; ИАК, вып. 56.

² А. А. Спицын. Древности Камской чуди..., табл. XVII, рис. 20, 44. См. выше описание коллекции из Бродовского могильника, хранящейся в Молотовском областном краеведческом музее.

³ Н. Я. Мерперт, указ. соч., стр. 30.

⁴ Коллекция из Невоминского и Деменковского могильников.

⁵ Труды XII АС, т. I, М., 1905, табл. XXI, рис. 51.

⁶ Музей археологии Молотовского университета. Раскопки 1951 г.

⁷ А. А. Спицын. Древности Камской чуди..., табл. XXIII, стр. 20.

⁸ Коллекция Молотовского областного краеведческого музея.

⁹ Труды XII АС, табл. XXI, рис. 83.

¹⁰ Там же, табл. XXI, рис. 66.

¹¹ А. А. Спицын. Древности Камской чуди..., табл. XXVII, рис. 1.

¹² Там же, табл. XV, рис. 22.

¹³ М. В. Таллицкий. Кочергинский могильник. МИА, № 1.

¹⁴ А. А. Спицын. Древности Камской чуди..., стр. 23.

неволинские могильники¹ сменяются могильниками загарскими. Оба типа чрезвычайно близки. Большинство украшений загарского типа генетически связано с неволинскими.

Бродовский могильник совершенно аналогичен Неволинскому и по составу вещей и по погребальному обряду. Могильник дает многие типы вещей, близкие к предсалтовским на юге и к типам южносибирских культур V—VII вв. (поясные пряжки, накладки, конская сбруя). Во время раскопок 1898—1901 гг. найдено несколько сасанидских монет VII в.² А. В. Шмидт датировал Бродовский могильник началом VIII в.³ Пока, без полного изучения всего материала, хранящегося, кроме описанного выше, в музеях Ленинграда, может быть указана только конечная дата — не позднее VIII в.

---

¹ Указываем на Неволинский могильник, как на наиболее характерный и изученный могильник, относящийся к этой культуре.

² ОАК за 1898 г., 1901, стр. 47.

³ А. В. Ш м и д т. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля, стр. 141.

блеском. Вряд ли есть основание считать, что лощеная керамика появилась в Вологде раньше, чем в Москве. Кроме того, вологодская лощеная керамика, мало отличающаяся по форме от московской, стоит ниже по технике изготовления, поэтому будет правильнее датировать ее появление в Вологде не ранее XVI в.

В шурфе № 3 никаких находок не найдено.

Таким образом, при раскопках на территории старого городища не обнаружено следов древнейших слоев. Это, вероятней всего, объясняется

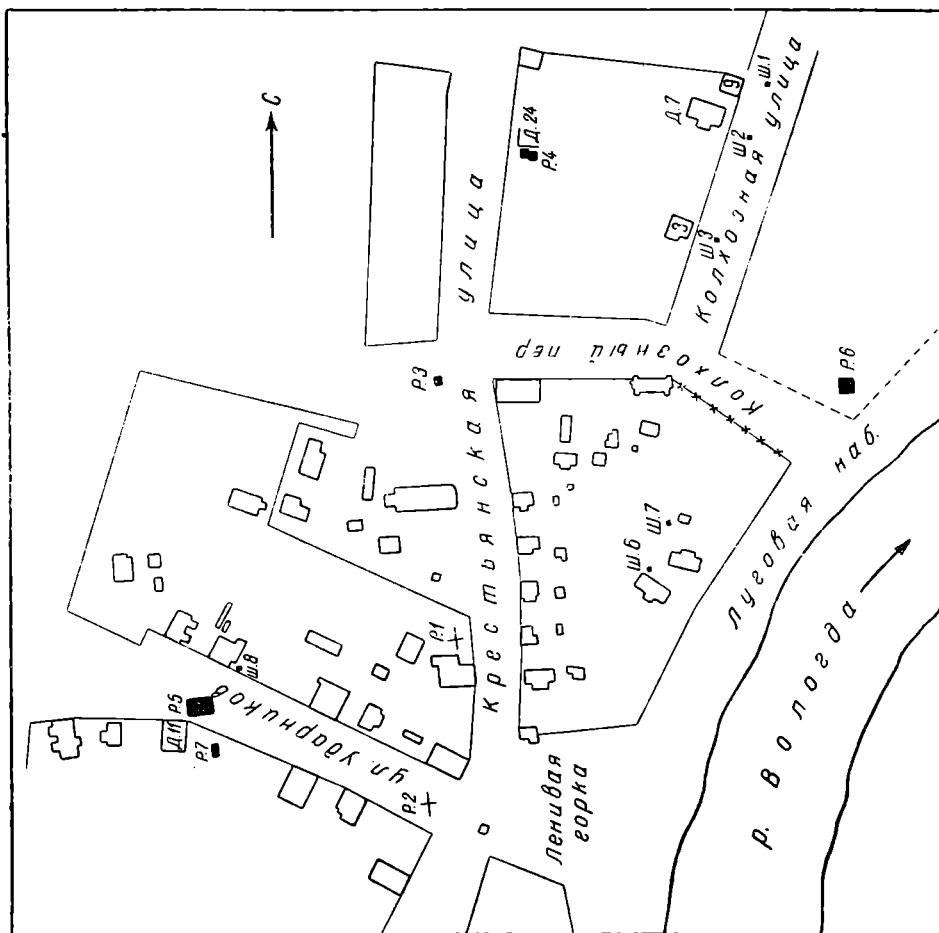

Рис. 37. План расположения шурфов и раскопов 1947—1948 гг.

топографией данной части города. Сравнительно низменная местность у Хрулева ручья была мало удобна для поселения; неудивительно, что до настоящего времени граница города проходит около ручья.

Другие шурфы (№ 4—7) были заложены также на территории древней Вологды, в части, лежащей высоко над уровнем реки. Шурф № 4 расположен на Крестьянской улице около д. № 50. Слой шурфа аморфный, в нем найдено много обломков керамики, а на глубине 0,4—0,6 м — четырехконечный сильно окислившийся крест с изображением распятия (рис. 38—2).

Шурф № 5, заложенный близ б. церкви Герасима и Пяташевской улицы, и шурфы № 6 и № 7 на Луговой набережной не дали каких-либо следов древнейшего слоя.

Раскопки на месте некоторых шурфов дали интересные находки, если не считать раскопа № 3¹, где, кроме позднего строительного мусора,

¹ Раскопы 1 и 2 были заложены в 1947 г. П. И. Засурцевым.

керамики XVII в. и фрагментарных остатков дерева, ничего не было обнаружено.

Раскоп № 4 разбит на Крестьянской улице, около дома № 24. После того как на глубине 1,0—1,2 м открылись остатки деревянных построек (рис. 39а—1), раскоп был расширен (этим и объясняется несистематичность нумерации участков на плане). При начале работ под слоем дерна

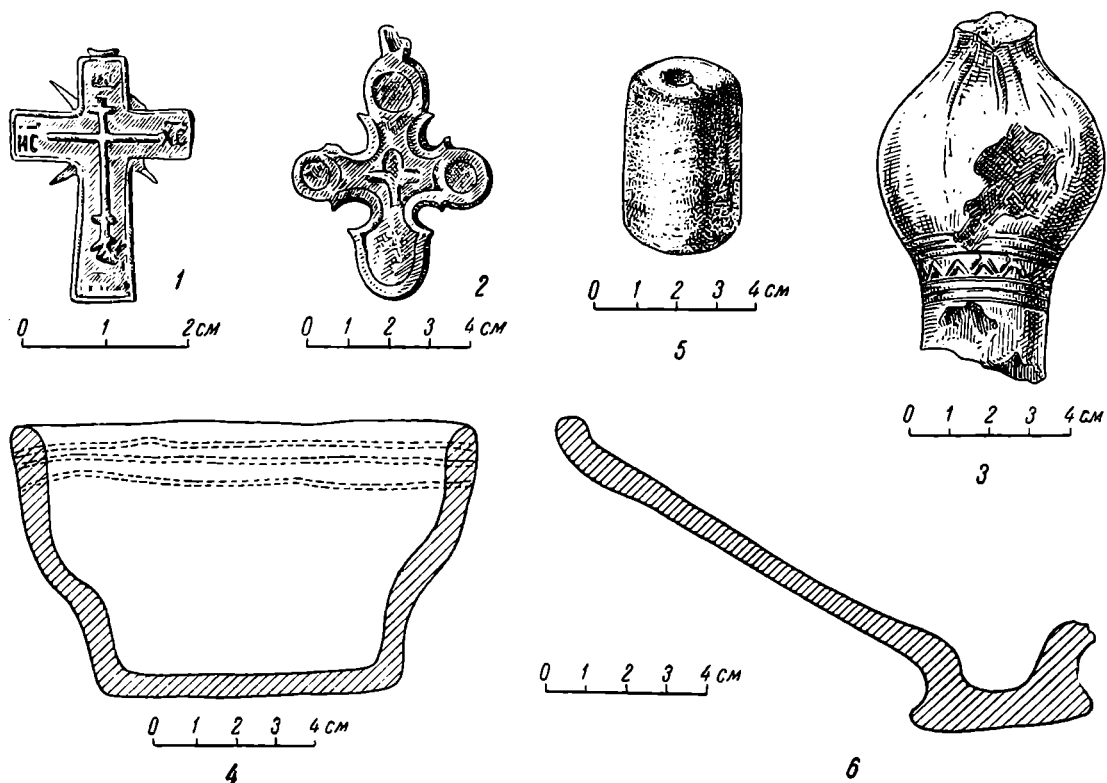

Рис. 38. Керамические изделия и кресты из раскопок в Вологде:

1, 2 — кресты-тельники; 3 — обломок балясины; 4 — черная лощеная чашка; 5 — грузило; 6 — профиль миски

встречался битый кирпич и кусочки дерева, обломки современной керамики и т. п. Из отдельных находок можно отметить глиняный предмет, встреченный на глубине 0,2—0,4 м, по форме напоминающий луковицу (рис. 38—3), в нижней части переходящую в цилиндр; «луковица» — диаметром 7 см; цилиндрическая полая часть покрыта орнаментом в виде параллельных линий, между которыми расположены треугольники. По телу «луковицы» идут сверху вниз выступы, сходящиеся, вероятно, на ее вершине (определить это невозможно, так как верх и низ «луковицы» отбиты).

На глубине 0,9—1,0 м обнаружены лаги с досками, лежащими на них; по мере расчистки выяснилось, что это настил мостовой улицы, шириной около 1,8 м.

Под настилом найдена лощеная чаша (рис. 38—4) с орнаментом в виде трех параллельных линий. Лощеная керамика встречена также и над настилом, так что датировать мостовую надо временем не ранее XVI в., если принять гипотезу, что вологодские мастера заимствовали московскую технику лощения, а не являлись сами ее изобретателями в более раннее время.

На глубине 1,2—1,4 м обнаружены остатки сруба, расположенного параллельно мостовой. Длина целиком вскрытой стены сруба 4 м, другие стены уходят под современное строение. Судя по расположению, дом

конструктивно был связан с улицей и относился ко времени существования настила мостовой.

При углублении до материка внутри сруба, на глубине 1,45 м, т. е. на 5 см ниже основания сруба, найден обломок черного ложновитого стеклянного браслета XI—XIII вв., единственного за все время раскопок, но тем не менее интересного для уточнения даты возникновения города.

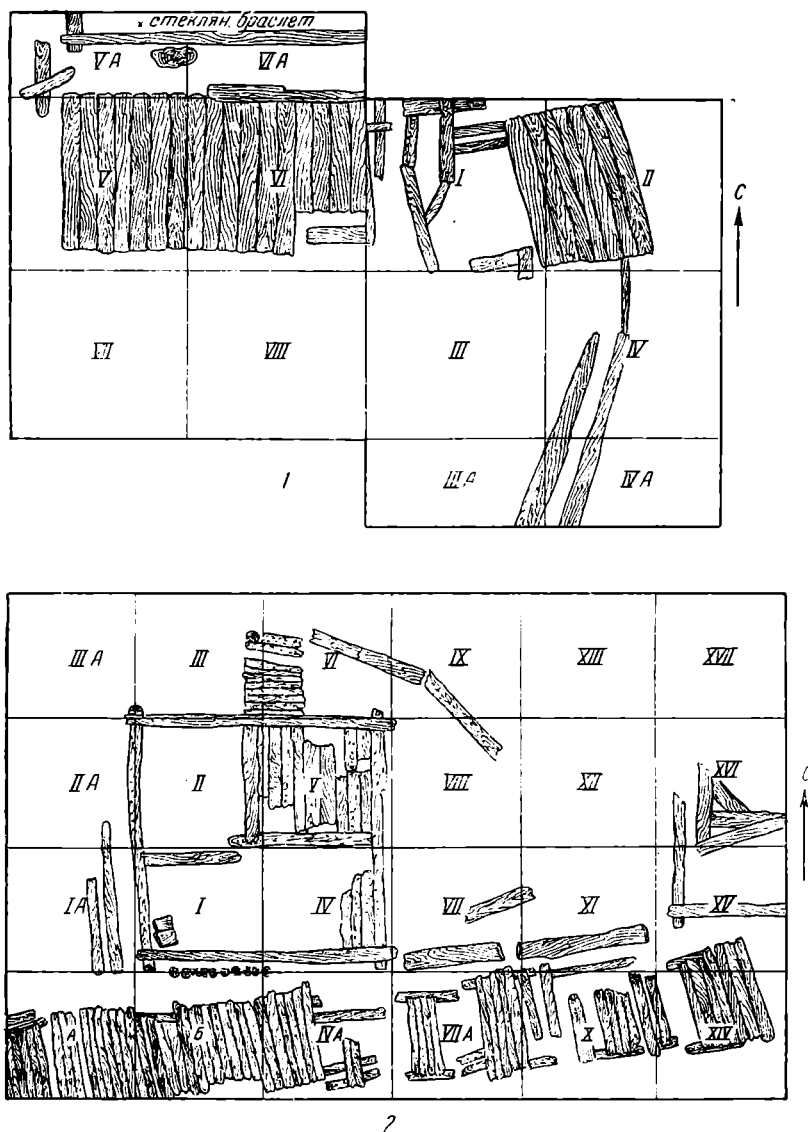

Рис. 39а. Остатки деревянных сооружений

1 — в раскопе № 4 на глубине 1,0—1,2 м; 2 — общий вид настила и постройки в раскопе № 5

В северо-восточном углу раскопа обнаружен другой настил, лежащий на 0,2 м ниже первого и под углом 8—10° к нему. Настил этот можно датировать более ранним временем, чем первый, т. е. XV в. Весьма возможно, что улица подвергалась перепланировке в XVI в., чем и объясняется не только изменение ее направления к северу, но и отсутствие под настилом XVI в. более ранних вымосток.

Раскоп № 5 был заложен на улице Ударников. На глубине 0,4—0,6 м (уч. № 5) встречено большое скопление щепы. После расчистки обнаружи-

лись следы досок, положенных в направлении с запада на восток, а затем и лаги, на которых они были положены. Это — остатки мостовой, аналогичной встреченной в раскопе № 4. К мостовой примыкали два сруба, один из которых вскрыт полностью (рис. 39а—2). Сруб, размером $3,8 \times 3,7$ м, сложенный в «лапу», поставлен на подстилке из хвои непосредственно на материке. Внутри сруба, в юго-восточном углу его, сохранились остатки пола в виде трех досок, уложенных вплотную друг к другу. В центре, в направлении с запада на восток, лежало бревно, диаметром ок. 30 см, на которое настилались доски пола. Вход в постройку был с северной стороны, где хорошо прослеживались два бревна, опиравшихся на центральное бревно. Ширина входа, судя по вырубке стены, 1,2 м. В северо-западной части сруба сохранилось перекрытие пола. Таким образом, в плане сруб представляет собою постройку, разделенную на три части, одна из них занимает примерно половину, две другие образуют как бы чуланы, между которыми проходил коридор.

С северной стороны к входу вел настил, следы которого хорошо видны. С юга почти вплотную примыкал частокол, от которого сохранилось 11 кольев. Следует отметить, что внутри сруба не найдено каких-либо предметов, кроме небольшого количества керамики, но зато встречены зерна ржи. Печи также не было. Все это заставляет думать, что перед нами не жилое помещение, а амбар, хотя, судя по его положению непосредственно на улице, а не в стороне от нее, такое определение вызывает некоторое сомнение. Сруб, вероятно, делался на месте, так как вокруг найдено много обрубков дерева и щепы.

На расстоянии около 4 м к востоку на той же глубине открыт другой сруб, в котором также ничего не обнаружено, кроме керамики, среди которой попадает и лощеная.

Мостовая очень хорошей сохранности; ширина ее 1,2—1,4 м; доски положены на поперечные лаги; прослеживается она на протяжении всего раскопа.

Все сооружения представляют хронологически единый комплекс. Датировать его надо временем не ранее XVI в., так как лощеная керамика лежит выше сооружений или непосредственно на них. Ниже вскрытых построек и замощений шел материк, поэтому надо полагать, что этот район Вологды начал заселяться сравнительно поздно.

Из отдельных находок в раскопе № 5 следует отметить круглое и цилиндрическое глиняное грузило (рис. 38—5), обломок глиняной миски или сковороды (рис. 38—6).

Шурф № 8, заложенный на расстоянии 15 м к северо-востоку от раскопа № 5, не дал почти никаких находок.

Раскоп № 6 разбит на Луговой набережной р. Вологды. Сначала был заложен шурф, который по мере выявления построек расширялся. По

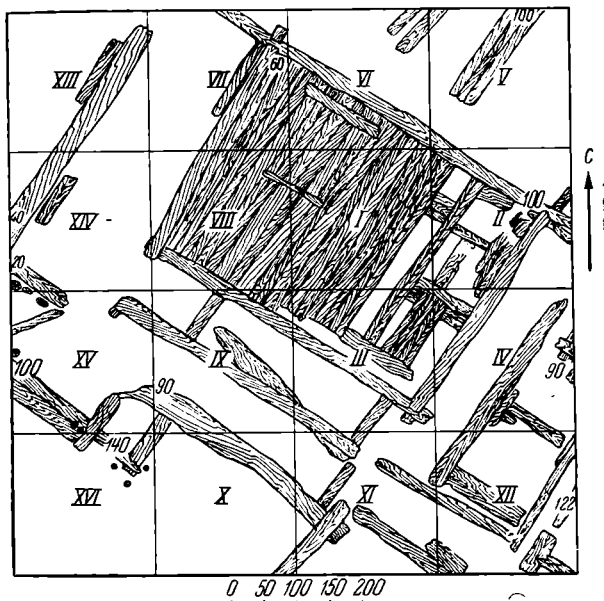

Рис. 39б. Сруб дома и прилегающие строения в раскопе № 6

снятии верхнего слоя стал попадаться строительный мусор со щепой (до глубины 0,8 м). Здесь найден обломок красного неполивного изразца хохломской работы с рельефом, выполненным в форме; в дальнейшем были найдены и другие его части (рис. 40). По форме он квадратный (13 × 13 см) с румпой, сходящей на конус. Аналогичный ему, но менее совершенной выработки найден в районе Тушинского лагеря и опубликован А. В. Филипповым¹. Другие подобные изразцы, опубликованные тем же автором, не имеют даты. Лощеная керамика также встречается на этой глубине, поэтому возможно датировать изразец не ранее конца XVI в.

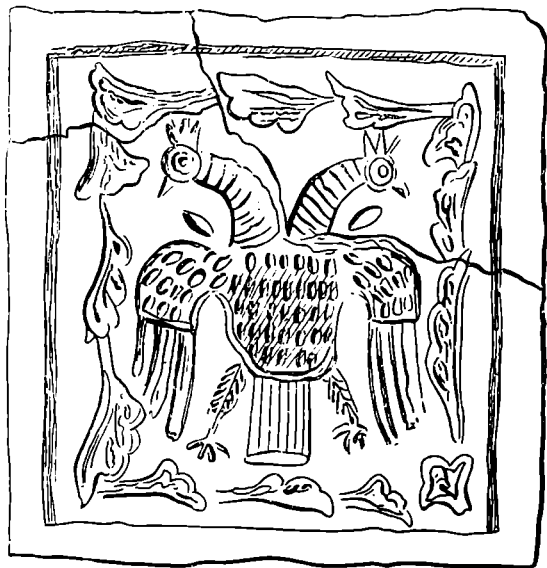

Рис. 40. Красный неполивной изразец с рельефом

постройки. Нижние венцы его проложены берестой для предохранения от гниения. Повидимому, это сооружение являлось сенями, часто встречающимися и в современных домах Вологды. Внутри и около него найдено много шерсти и обрезков кожи. Вероятней всего дом принадлежал ремесленнику-кожевнику. Этим объясняется и местоположение дома вблизи реки — для обработки кож требуется много воды. Постройки в других частях раскопа № 6 вскрыты частично, и о них можно будет сказать что-либо определенное только после продолжения работ в этом районе города. Датировать весь комплекс построек можно концом XV или XVI в., так как лощеная керамика и красный неполивной изразец были найдены в 0,2—0,4 м над уровнем пола.

Раскоп № 7 заложен в 12 м от юго-востока угла раскопа № 5 на улице Ударников, так как необходимо было уточнить планировку улицы, открытой в раскопе № 5. До глубины 0,6 м никаких включений и находок, кроме керамики, не было сделано; глубже стало встречаться дерево и вскрыт сруб со следами настила. Сруб лежал на глубине 0,6—0,8 м. В северной части его найдены кирпичи. В юго-западной части прослежено бревно, отделявшее как бы самостоятельную часть избы, возможно сени, подобные вскрытым в доме в раскопе № 6. Ориентировка сруба указывает, что дом был связан с улицей (раскоп № 5), только он был поставлен в стороне от нее. Лощеная керамика встречена в непосредственной близости к уровню пола, так что дата вскрытой постройки определяется временем не ранее XVI в. Углублять раскоп ниже 0,8 м было невозможно, так как появились грунтовые воды.

Всего в 1948 г. в Вологде было вскрыто 272 м² площади, что совершенно недостаточно для полной характеристики материальной культуры

¹ А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы. М., 1938, № 63.

древнего города. Однако некоторые наблюдения предварительного характера можно сделать и сейчас.

Находка стеклянного браслета, хотя и в единственном экземпляре, в какой-то степени свидетельствует о ранней дате возникновения города, о которой сообщается в «Житии св. Герасима». Правда, в городах домонгольской Руси такие находки являются массовыми, но если принять во внимание небольшой объем работ, то есть основание предполагать, что в дальнейшем стеклянные браслеты будут обнаружены в большем количестве.

Весь комплекс находок свидетельствует, что Вологда жила общей культурной жизнью с Московской Русью; каких-либо местных особенностей в материальной культуре города пока не обнаружено.

Расположение Вологды далеко от Москвы не придавало ее быту отпечатка провинциализма — городское хозяйство (улицы, мостовые) вряд ли в чем уступало другим городам.

До XV в. нельзя говорить о значительной величине города. Только в XVI в. он начал разрастаться в районе Ленивой горки и дальше, но даже и в это время он не представлял единого целого: наличие построек на Луговой набережной и отсутствие их выше, непосредственно в черте города, свидетельствуют об этом.

Планировка домовладений, судя по материалам раскопов № 5 и 7 и шурфу 8, проводилась так, что за домами начинались огороды или сады и между отдельными усадьбами было много свободного пространства.

В заключение хотелось бы сделать замечание о методике раскопок 1948 г. Отсутствие письменных источников и археологических исследований города не давало возможности сразу установить место раскопов, а ограниченность средств требовала определения этих мест в наиболее короткий срок с минимальной затратой сил. Все это заставило прибегнуть к заложению шурфов, с последующим расширением наиболее богатых находками до раскопов. Метод разбивки сразу больших раскопов может быть полезен только в том случае, если известна историческая топография исследуемого места, чего никак нельзя сказать о Вологде.

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

В. Л. ЯНИН

ПЕЧАТИ НОВГОРОДСКИХ ТИУНОВ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Круг должностных лиц новгородской администрации XIII—XV вв., имевших право на собственную вислую печать, очень ограничен. Известно лишь семь разрядов свинцовых административных печатей этого времени: печати «Великого Новгорода», архиепископские, владычных наместников, посадников, тысяцких, кончанские, наконец — печати новгородских тиунов, являющиеся предметом настоящей статьи. Остальные немногочисленные печати, анонимные в отношении должностей их владельцев, при типологическом анализе можно распределить по перечисленным разрядам.

Известно довольно много тиунских печатей: 43 печати были собраны в «Сфрагистическом альбоме» Н. П. Лихачевым, оставившим их без надлежащего исследования; 11 — хранятся в коллекциях Новгородского музея (они до сих пор не изданы); три — обнаружены раскопками А. В. Арциховского на Славне (1937 г.) и на Неревском конце (1952 г.)¹. Всего, таким образом, известно 57 печатей. Все они по именам тиунов и особенностям композиции группируются в 24 типа и дают 32 варианта матриц. На печатях читается 15 имен тиунов. Материал обилен и разнообразен, однако до сих пор он не только не охарактеризован, но даже не намечены пути его исследования.

Вместе с тем группа тиунских печатей представляет большой научный интерес. Дело в том, что должность новгородского тиуна известна только по печатям. Ни в летописи, ни в актах она не упоминается. Отсутствие отчеств при именах, помещенных на печатях, затрудняет отождествление тиунов с историческими лицами, известными из письменных источников. В то же время обилие печатей свидетельствует о том, что тиун занимал важное место в системе новгородской администрации. На значение серии тиунских печатей было указано в свое время А. В. Арциховским, писавшим: «...Эта находка (тиунской печати на Славне.— В. Я.) напоминает о том, что раскопки могут давать новые сведения по политической истории Новгорода»².

Отсутствие упоминаний в письменных источниках должности тиунов при обилии их печатей находит только одно объяснение. Повидимому, на

¹ Подробные ссылки на издания печатей и их описание см. на стр. 110.

² А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 148.

печатах наблюдается подмена должностного наименования, принятого в XIII—XV вв., к которым восходит большинство памятников, другим термином, вероятно более древним, сохранявшимся традиционно на печатях, но уже не употреблявшимся в языке и письме того времени.

Термин «тиун» не может быть вторым обозначением должности посадника или тысяцкого, так как и форма титулования и тип печатей последних в XIII—XV вв. очень устойчивы. Печати тиунов не могут принадлежать и представителям церковной власти, поскольку, за единственным исключением, не несут религиозных эмблем, а композиционно близки печатям представителей светской власти — посадников и тысяцких, отличаясь лишь смыслом надписей.

Очевидна принадлежность тиунских печатей какому-то иному разряду лиц новгородской администрации.

В связи с этим очень интересен анализ состава должностных лиц, представляющих Новгород при заключении различных государственных актов.

Привожу начальные формулы некоторых договоров:

1342 г. Договорная грамота Новгорода с Ригию, Готским берегом и немецкими городами о торговле воском: «Так dokonчали владыка новгородский, и наместник великого князя Федор, и тысяцкий Остафий, и староста купецкий Сидор, и все купцы новгородские, а также все новгородцы с немецкими детьми» и т. д.¹

1371 г. Проект договора Новгорода с Любеком, Готским берегом и заморским купечеством: «От архиепископа новгородского Алексея, и от наместника великого князя Андрея, и от посадника Юрия, и от тысяцкого Матвея, и от старост купеческих Сидора и Еремея, и от всех купцов новгородских» и т. д.²

1372 г. Договорная грамота Новгорода с немецким купечеством о перемирии на два года: «От архиепископа Новгородского Алексея, от великого князя наместника Александра, от посадника Михаила, от тысяцкого Матвея, от старост купеческих Якима и Федора, от всех купцов и от всего Новгорода» и т. д.³

Большой сфрагистический интерес представляет конец договорной грамоты Великого Новгорода с ганзейскими городами 16 июля 1436 г.: «На всем том руку дали посадник новгородский Борис Юрьевич и тысяцкий новгородский Федор Яковлевич, и старосты купеческие Александр Матвеевич и Варфоломей Яковлевич, за все свои города и всю свою землю, и печати свои привесили...»⁴

Печати купеческих старост упоминаются также в грамотах 1450, 1466 гг. и в приписке к немецкому варианту акта 1409 г.⁵

Из приведенных примеров видно, что, кроме архиепископа, посадников и тысяцких, Новгород в международных сношениях представляли еще княжеские наместники и купеческие старосты. О печатях наместников ничего не известно. В те времена, когда князь еще представлял Новгород, грамоты обычно запечатывались княжеской печатью; когда же князя почему-либо представляет наместник, печати вообще нет. Так, при грамоте 1373 г., составленной от лица наместника великого князя Ондreja, от посадника Ивана, от тысяцкого Олисея и от всего Новгорода⁶, были печати лишь посадника и тысяцкого. Посадники великого князя не могли называться новгородскими тиунами и потому, что в ряде актов княжеские и новгородские

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, стр. 73, № 41.

² Там же, стр. 74, № 42.

³ Там же, стр. 76, № 43.

⁴ Там же, стр. 112, № 67.

⁵ Там же, № 74, 76, 49.

⁶ Там же, стр. 79, № 44.

тиуны Волока и Торжка противопоставляются. Формула «держати (князю) тивун на своей части, а новгородец на своей части» обычна для многих договоров Новгорода с князьями¹. Кроме того, печати княжеских тиунов известны. Указания на принадлежность тиунов тому или иному князю на них определены².

По-иному встает вопрос о купеческих старостах. Приведенный выше договор 1436 г. свидетельствует о том, что эти лица, занимавшие, судя по их функции в международных делах, важное место в новгородской администрации, пользовались собственными печатями. Ни одной печати с обозначением должности купеческого старосты до сих пор не найдено, хотя, учитывая значительное число старост, отправлявших свои обязанности в течение нескольких веков новгородской истории, можно было бы предполагать существование очень большой группы принадлежащих им печатей. Наличие значительной серии тиунских печатей, не находящей отражения в актах, наталкивает на отождествление ее с упоминаемыми печатями купеческих старост.

Это отождествление было бы случайным, если бы термины «тиун» и «староста» не были равнозначными, что выявляется при сопоставлении различных списков Русской Правды. Термины «староста ратайный» и «староста сельский княжеский» в Академическом I и Археографическом I списках Русской Правды середины XV в.³ полностью соответствуют терминам «тиун ратайный» и «тиун сельский княжеский» большинства остальных списков и восстановленного М. Н. Тихомировым протографа Русской Правды⁴.

Разумеется, простейшим и наиболее убедительным доказательством тождественности новгородских тиунов и купеческих старост было бы совпадение имен тиунов на печатях с именами старост, упоминаемыми в актах. Известный нам сейчас материал не позволяет выявить эти совпадения достаточно полно. Однако кое-какие попытки в этом направлении все же оказались безрезультатными.

Стилистически и палеографически подавляющее большинство тиунских печатей датируется XIII—XIV вв. Они несут имена Батыра, Василка, Дмитра, Иеромии, Иова, Калиста, Окинфия, Ондreja, Остафьи, Прокши, Савы, Семена, Филипа.

Только два типа тиунских печатей могут быть с достоверностью отнесены к XV в.— это печати Андрея и Фомы, на которых появляются, кроме надписей, и эмблемы — крест на печати Андрея и воин на печати Фомы.

В то же время из 11 известных сейчас имен купеческих старост семь относятся к XV в.: Кузьма Тимофеевич (первая четверть XV в.), Варфоломей Яковлевич (1436, 1439 гг.), Александр Матвеевич (1436 г.), Алексей Игнатьевич (1448, 1450 гг.), Есиф Иванович (1448, 1450 гг.), Василий Захарынич (1466 г.), Климент Иванович (1466 г.), и только четверо старост известны по документам XIV в.: Сидор (1342, 1371 гг.), Еремей (1371 г.), Федор (1372 г.) и Яким (1372 г.)⁵. Приведенные даты упоминания старост в письменных источниках показывают, насколько наши сведения случайны и отрывочны.

На известном сейчас материале можно установить лишь одно, но весьма показательное совпадение имен. Печать тиуна Иеромии настолько близка хорошо известным печатям 70-х годов XIV в., что можно предполагать в

¹ См. Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 9, № 1; стр. 11, № 2; стр. 12, № 3; стр. 15, № 6 и др.

² Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XVII, рис. 3—6; табл. II, рис. 10, 11; табл. V, рис. 13.

³ Русская Правда, т. I. Под ред. Б. Д. Грекова. М., 1939, стр. 72, 80, статья 24.

⁴ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М., 1941, стр. 237.

⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 41, 42, 43, 67, 68, 73, 74, 76, 138.

ней работу того же мастера, который делал печати тысяцкого Матвея Фалалеевича, Семена Андреевича, «Новгородскую и посадничью» печать грамоты Новгорода послам Юрию и Якиму 1372 г.¹ В акте 1371 г. упоминается купеческий староста Еремей. Таким образом, тождество «Иеромии» печати и «Еремея» грамоты вполне правомерно.

В письменных источниках купеческие старосты упоминаются сравнительно часто. Их общественное положение и обязанности выясняются из грамоты Всеволода Мстиславича о судах церковных и десятине: «Яз, князь Всеволод, созвал есмь десять сотских, и старосту Болеслава, и бирюча Мирошку, и старосту Иваньского Васяту; и погадав со владыкою, и со своею княгинею, и со своими бояры, и с десятью сотскими, и со старостами, дал есмь суд и мерилы». По свидетельству той же грамоты, старосты житьих людей и купеческие должны были быть членами купеческой общины, т. е. сделать вклад в 50 гривен серебра, если этот вклад не был сделан предками купца. Это достаточно ярко рисует имущественное положение старост. Совет из трех старост от житьих людей, двух от купцов и тысяцкого от черных людей заседал при церкви Иоанна Предтечи на Опоках для разбора торговых и купеческих дел. В их решения не имели права вмешиваться ни посадник, ни бояре новгородские². Купеческие старосты были обязательными представителями Новгорода во всех делах, касающихся новгородской торговли.

Из грамоты 1436 г. ясно, что печатью пользовалось одновременно несколько старост. Поэтому нужно полагать, что не один член Совета (глава), а все его члены были новгородскими тиунами. Ведая торговыми и гостинными делами, купеческие старосты были, повидимому, и контролерами торговых пошлин, взимаемых с товаров, перевозимых через земли Великого Новгорода. Местные тиуны находились, вероятно, в распоряжении Иваньской общины, так как их обязанностью было, как это видно из ряда договоров, взимание пошлин на местах: «А что пошлина в Торжку и на Волоци тивун свои держати на своей чясти, а Новгороду на своей чясти»³. Известно, что основной частью дохода Иваньского ста были именно торговые пошлины.

Очень интересен вопрос о печатях новгородских купцов, упомянутых в грамотах без разъяснения административного их положения. В грамоте 1396 г., в которой новгородцы Иван Калека, Терентий Юрьевич, Иван Яковлевич, Константин Олешкович, Оксентий сребреник ручаются за товар, отнятый немцами у русских купцов, сообщается, что все эти лица привесили к грамоте свои печати⁴. Купец Иван Кочерин привесил свою печать к грамоте 1411 г.⁵ По всей вероятности, эти купцы тоже были купеческими старостами. Авксентий в грамоте 1409 г.⁶ назван среди пяти купцов, положивших отнятый у немцев товар в церкви св. Иоанна. Число купцов, привесивших свои печати к грамоте 1396 г. и упомянутых в связи с церковью св. Иоанна, вполне соответствует числу купеческих старост, составивших Совет Иваньской общины.

Купеческие старосты принадлежали к верхушке новгородской олигархии. Алексей Игнатьевич, упомянутый в 1448 и 1450 гг. как староста, в

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 17. Печати воспроизведены Н. П. Лихачевым в «Сфрагистическом альбоме», табл. XIV. 1, 2, 10.

² Более подробный очерк о деятельности Совета и старост см. в книге И. Беляева. История Новгорода Великого. М., 1866. стр. 178 сл.

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 77. Договорная грамота короля польского Казимира IV с Великим Новгородом, 1470—1471.

⁴ Там же, № 47.

⁵ Там же, № 51.

⁶ Там же, № 49.

1456 г. назван уже тысяцким¹. Печать тиуна Остафьи по времени близка упоминанию в летописи посадника Остафия Дворянина (1327 и 1357 гг.). Печать Иевля по времени близка упоминанию в летописи боярина Иова Обакумовича (1380 г.).

Дальнейшая работа над тиунскими печатями должна заключаться в детальной датировке остальных типов. Большую помощь при этом должны оказать стратиграфические данные новых находок. Так, две печати Калиста, новгородского тиуна, были обнаружены в 1952 г. при раскопках на Неревском конце в непо потревоженном слое первой половины XIII в. Это самый древний, после княжеских, тип новгородских административных печатей. Что касается отдельных экземпляров тиунских печатей, точные хронологические определения их пока весьма гадательны.

При датировке печатей важно учитывать совпадение имен тиунов с исторически известными именами купцов, бояр, посадников, тысяцких и т. д. При этом надо иметь в виду, что один и тот же человек в разные периоды своей общественной карьеры может выступать под разными титулами. Дальнейшие поиски имен тиунов в списках исторически известных лиц новгородской администрации безусловно должны быть успешными. В особенности это касается наиболее редко употреблявшихся имен.

Приложение

СВОД ПЕЧАТЕЙ НОВГОРОДСКИХ ТИУНОВ

Описание основной массы печатей составлено кратко. Все эти печати имеют на обеих сторонах строчные надписи. Разделителем строк в описании служит знак |, разделителем сторон знак ||. В ссылках на издания или хранение применены следующие сокращения: Лихачев, №, № — Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, таблица, рисунок; НГМ, № — Новгородский музей, № по инвентарю; Н-52, №, №, № — Новгород, 1952 г., раскоп, пласт, квадрат.

I. Кали стова печа ть Новгор одского тиуна 1. Лихачев, XVI, 10. 2. Н-52, III, 16, 277. 3. Н-52, II, 18, 235. I. Са вина пьчат тиу на ноу городск о- го 4. Лихачев, XVI, 8. 5. Арциховский, МИА, № 11, стр. 148. 6. Лихачев, XVI, 7. 7. Лихачев, XLV, 13. 8. Лихачев, XXIII, 4. III. Васи лков а печа ть тиуо на но вго- ро дско го 9. Лихачев, XXIX, 18. 10. Лихачев, XVI, 11. 11. Лихачев, XX, 6. 12. Лихачев, XXIII, 13. 13. НГМ, 4073. 14. Новгород, собрание феля. Печа оть Ва силк ова тиу на нов о ро- дец кого 15. Лихачев, XXXIX, 12. 16. НГМ, 4093 (?) Васи лкова печАт ь тиу на нов гороц о- кого 17. Лихачев, XVI, 16.	18. Лихачев, XXVII, 8. ... . . ова печа ть тиу на новго ро- д ского 19. Лихачев, XXIII, 18. IV. Печа ть Пр окши на ти юна нов- гор одск² 20. Лихачев, XXXIX, 10. 21. НГМ, 4062 и 4102 (два обломка). V. Печа ть Семен ова тив уна н ов- гор одск 22. Лихачев, XXXVIII, 1. Семь нова печа ть новг ородс кого ти 23. Лихачев, XXIX, 6. VI. Ие вля печа ть тиоу на но вгоро- ко го 24. Лихачев, L, 17. 25. Лихачев, XLI, 12. 26. НГМ, 4078. Печа ть Ие вля тиоу на нов горо дск 27. Лихачев, XLI, 9. Печа ть Ие ля тиоу на н овгоро цк зерк. 28. Лихачев, XXIII, 12. Печа ть Ие вля тиоу на новго родц кого 29. Лихачев, XLV, 11. VII. Онд еква печа ть тиоу на но вгор- ц кого 30. Лихачев, XXIX, 17.

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 294.

² Буква «Ю» в слове «тиуна» имеет зеркальное изображение.

31. НГМ, 3507.

VIII. Ба|тыро|а печ|ать || тиу|на новго-
рочко|го

32. НГМ, 4070.

IX. Дми|тров|а печ|а||тиу|на нов|гор|очк

33. Лихачев, XXVII, 9.

34. Лихачев, XXXIX, 11.

X. Печа|ть| Осьта|ф.: || тиу|на нов|гор

35. Лихачев, XVI, 15.

36. НГМ, 4116.

XI. Оки|н|фе|ева печ|а|ть || тиу|на нов|-
горо

37. Лихачев, XXIII, 9.

XII. Ие|ром|... |печ|ать|| тиу|на нов|го-
род|кого

38. Лихачев, XXXVIII, 2.

XIII. Фи|ли|пова печ|а|ть || тиу|на нов|-
горо|д|кого

39. Лихачев, XLV, 12.

XIV. Печ|а|ть.|....|| тиу|н||а нов|горо|д|с|в

40. Лихачев, XVI, 13.

41. НГМ, 4063.

XV. ....|. ....|.а печ|ать|| ти..|на но|-
вгоро|д|ськ

42. Лихачев, XVI, 14.

XVI. . . у|. . на|печ|а|ть||ти|оу|на|.о. ....

43. Лихачев, XVI, 18.

44. Лихачев, XXIII, 16.

45. НГМ, 4091.

XVII. Печа|ть| Р... || о... || тиву|на нов-
г|. . о|д|к

46. Лихачев, XVII, 9.

XVIII. Са... | в... |.... || ....|две|ко-
го ти|у|а

47. Лихачев, XXIII, 10.

XIX. Н...|печ|а|те || Нов|горо|д|ско|го ти

48. Лихачев, XVII, 7.

XX. ...|. ...|иу|н|| нов|горо|ко|го

49. Лихачев, XXIII, 11.

XXI. ...|. ...|. ... || тиу|на нов|горо|кого

50. Лихачев, XX, 7.

XXII. И... | и... | п... || тиоу|на|новъ|го-
ро|д|кого

51. Лихачев, XXIII, 7.

Шесть печатей, описанных ниже, имеют значительные композиционные отличия, так как на них появляются изображения.

XXIII. Л. С. Шестиконечный крест на подножии; вокруг: Андреева

О. С. Ти|оу|на|новгоро|д|ско|го

52. Лихачев, LI, 12.

XXIV. Оми|на печ|а|те ти|юна|| изображение св. воина Дмитрия.

53. Лихачев, XVI, 20.

Оми|на пь|ча|ть|| изображение св. воина Дмитрия.

54. Лихачев, XVI, 17.

55. Лихачев, XVI, 19.

56. Лихачев, XXIII, 5.

57. НГМ, 4065.

Последние четыре печати не несут термина «тиун», однако они являются простой разновидностью предыдущей.

В. Л. ЯНИН

ПЕЧАТИ ЛАДОЖСКИХ НАМЕСТНИКОВ

Новгородские вислые печати владычных наместников чрезвычайно трудны для точного хронологического определения. На большинстве их, кроме религиозной эмблемы и имени владельца, нет никаких элементов для уточнения принадлежности. Очень редко при имени владельца обозначена его должность: владычный наместник. Почти никогда не указывается территория наместничества. Редкими исключениями являются печати новоторжских наместников новгородского архиепископа, где территория наместничества указана. Автор сделал попытку доказать связь новоторжских наместников с новгородскими владыками и датировать все известные типы их печатей по тезоименитству святых, изображенных на печатях, с рядом имен новгородских архиепископов¹. Внимательное изучение материала, собранного Н. П. Лихачевым в «Сфрагистическом альбоме», позволило выделить еще один разряд печатей владычных наместников с обозначением территории наместничества.

1. Лицевая сторона — поясное изображение св. Климента, папы римского, в святительском облачении, с правой рукой благословляющей и с евангелием в левой².

¹ В. Л. Янин. Печати наместников новоторжских. СА, XIX.

² Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, XVI, 4.

По сторонам:

КЛ МЄ
Н НТ
О

Оборотная сторона — надпись в пять строк (рис. 41—1):

НАМѢ | СТНКА | ЛАДОЗК | ОГОПЕ | ЧАТ

2. Второй экземпляр той же матрицы. Печать обломана по краям¹.

3. Лицевая сторона — шестиконечный крест на подножии. Изображение имеет двойной контур².

Оборотная сторона — надпись в пять строк (рис. 41—2):

... | Т6НАМ : СТНКА | ЛАДОЖЬСК | ОЗАХАР.

Все три печати чрезвычайно близки хронологически и по смыслу печатям новоторжских наместников. Поэтому в изображении св. Климента на

Рис. 41. Печати ладожских наместников

1 — печать наместника архиепископа Климента (1274—1299 гг.); 2 — печать наместника Захара (начало XIV в.)

первых двух экземплярах можно было предполагать святого, тезоименитого новгородскому архиепископу, назначившему посадника в Ладогу. По близости новоторжским печатям приведенные экземпляры ориентировочно датируются XIV в., точнее — началом XIV в., что близко соответствует архиепископству Климента (1274—1299 г.). Таким образом, уточнение датировки типа печати с изображением Климента позволяет отнести время его бытования в последнюю четверть XIII в.

Точная датировка третьей печати затруднительна, но все же возможна благодаря существованию аналогий изображения креста на печатях архиепископа. Шестиконечный крест без надписей по сторонам употреблялся на владычных печатях только в начале XIV в. (время Феоктиста и Давида). Впоследствии изображение креста надолго сменяется строчной надписью и появляется вновь

только в начале XV в. Упоминание имени наместника как будто не характерно для ладожских и новоторжских печатей. Однако единственное исключение для новоторжских печатей (упоминание имени наместника — Саввы) приходится тоже на начало XIV в. К этому времени и следует относить печать ладожского наместника Захара.

Новый случай установления тезоименитства святого на печати наместника с новгородским архиепископом подтверждает правильность датировки печатей новоторжской серии.

¹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, XVI, 5.

² Там же, LV, 14.

За основу описания топографии кладов взято административно-территориальное деление союзных республик СССР на 1 января 1951 г.¹.

Архангельская область

1. Коношский р-н. В 100 м от д. Хмелевое Шарихановского с/с на приусадебном участке колхозника С. Г. Шубина был найден глиняный горшок с серебряными русскими монетами. Вес клада 3—4 кг. Присланные на определение в ГИМ монеты принадлежали чекану Ивана IV до и после 1547 г., Федора Ивановича, Бориса Годунова и Василия Шуйского. По сообщению председателя Шарихановского с/с Т. А. Новожилова, килограмм монет передан им в Архангельский музей, остальные монеты хранятся у нашедшего клад С. Г. Шубина.

Брянская область

2. Клиновский р-н. В д. Смоленичи при прокладке шоссе найден клад монет в глиняной кубышке. Присланные на определение в ГИМ Л. П. Туранским образцы монет принадлежали чекану Ивана IV, Федора Ивановича и Бориса Годунова. Часть клада (около 200 монет) находится в Клиновском краеведческом музее.

3. Севский р-н. На территории Юминского с/с найден в кубышке клад русских серебряных монет, весом 1 кг. Присланные в ГИМ образцы принадлежали чекану Михаила Федоровича.

Великолукская область

4. В 1950 г. в ГИМ за № 83297 поступила часть найденного в Великолукской области клада, весом 12,18 г, состоящая из 24 монет Ивана IV.

Владимирская область

5. Петушинский р-н. В д. Борщевня, по Куйбышевской ул., на берегу высохшего русла р. Клязьмы, в 1945 г. обнаружен клад серебряных копеек Михаила Федоровича, весом около 4 кг. Клад найден в кубышке на глубине 0,25 м. Часть монет передана в Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

6. Вязники. «Проживающий в д. Селища агроном А. М. Януш, копая гряды на огороде, обнаружил зарытый в земле горшок с серебряными монетами. В горшке оказалось 500 монет, из которых 448 рублей и 52 полтины. Самая старая монета чеканки 1705 года и самая поздняя 1767 года. Общий вес клада 12 кг. Свою находку агроном решил передать в Вязниковский, Мстерский и Владимирский музеи». Из газеты «Призыв» (Владимир) от 14/V, 1950 г., № 95.

Вологодская область

7. Вологда. По сообщению Вологодского областного музея на месте фундамента церкви Георгия на Наволоке на глубине 1,5 м был обнаружен в 1951 г. клад из 22 талеров (1622—1666 гг.) и 46 152 русских серебряных монет XVII в., всего весом 21,857 кг. Клад помещался в медном, луженом внутри жбане. Высота его 22 см, диаметр шейки 24 см, диаметр в

¹ «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик». Изд. газ. «Известия», М., 1951.

плечах 33 см, диаметр дна 22 см. Клад хранится в Вологодском областном музее.

8. Вологда. В кремле, у стены на заднем дворе, в 1950 г. найдено около 100 серебряных рублей и полтин XVIII в. Монеты помещались в железной банке. Часть клада передана в Вологодский областной музей, остальное сдано в Ювелирторг.

9. Кадуйский р-н. По сообщению из Пусторадицкой школы Кадуйского р-на колхозником Н. Елисеевым найден клад с копейками Петра I, медными или серебряными — не отмечено (очевидно — медные).

Воронежская область

10. Боринский р-н. В д. Ащериха при полевых работах найден в 1939 г. клад серебряных монет в кубышке серой глины. В 1946 г. из клада в ГИМ за № 82135 поступила 21 монета: Владимира Андреевича Серпуховского — 1, суздальская деньга времен Василия Дмитриевича Кирдяпы (1366—1387 гг.) — 2, суздальская деньга с русскими надписями и с подражаниями татарским — 11, татарских денег XIII—XIV вв. — 7.

Калининская область

11. Новоторжский р-н. В д. Куклино Голубовского с/с найдены монеты Василия Шуйского.

Калужская область

12. Бабынинский р-н. В д. Хвалово Бабынинского с/с найден в 1950 г. клад из 599 джучидских дирхемов. Самая ранняя монета Уруса (1375—1380 гг.), самая поздняя Чекре (1414—1416 гг.). При монетах найдены обрывки кожи, очевидно от мешочка (?), в котором они были зарыты. Клад поступил в Калужский областной краеведческий музей. Монеты определены научным сотрудником ГИМ С. А. Яниной.

13. Детчинский р-н. В д. Рябцево при дорожных работах в 4 м от дома колхозника Б. Сборщикова найден клад из 1400 русских медных пятикопеечников 1724—1760 гг., весом 90 кг. Клад был зарыт в двух глиняных горшках, обмотанных берестой и покрытых жестяными крышками («Крестьянская газета» от 3/VI 1935 г.).

14. Дзержинский р-н. У д. Сафоново Кургановского с/с при полевых работах на глубине 20 см найден в 1949 г. клад русских серебряных монет начала XVII в. Клад находился в кубышке черного лощения, высотой 8,5 см. 41 монета клада и кубышка поступили в Калужский областной краеведческий музей.

15. Угодско-Заводской р-н. В д. Марьино Овчинниковского с/с найден клад монет XVI—XVII вв. весом 1,5 кг.

Крымская область

16. Найден клад монет Елизаветы Петровны. Часть клада, состоящая из монет 1744—1760 гг. (2 рубля, 1 полтина, 12 полуполтинников, 15 гривенников — всего 30 монет), поступила в ГИМ за № 81178.

Курская область

17. Стрелецкий р-н. В д. Волобуево Букреевского с/с в 1947 г. найден клад саманидских дирхемов, 78 целых и 4 обрезанных, весом 61,40 гр. Монеты находились в кубышке с прорезью у горлышка (копилка?). Кубышка,

высотой 10 см, вылеплена от руки. Клад поступил в Дмитриевский краеведческий музей. Определение монет клада произведено научным сотрудником ГИМ С. А. Яниной.

Молотовская область

18. Березовский р-н. В 200 м к северу от д. Бартым на картофельном поле найден в 1950 г. клад византийских монет императора Ираклия (610—614 гг. н. э.). 260 монет находилось в серебряном сосуде. При закладке шурфа на месте находки было обнаружено еще 12 монет того же императора. Клад передан Молотовским университетом в ГИМ (инв. № 83750), за исключением 10 монет, хранящихся в Кунгурском музее, и 10 монет, оставленных в Молотовском университете. Определение монет клада произведено старшим научным сотрудником ГИМ Ю. С. Крушкол.

19. Чердынский р-н. В поле, близ д. Горбуново Редикорского с/с, найден в 1949 г. клад из 160 саманидских дирхемов. Клад поступил в Чердынский краеведческий музей. Определение монет произведено научным сотрудником ГИМ С. А. Яниной.

Московская область

20. Виноградовский р-н. В 5 км от с. Барановского (между д. Бессоново и с. Никольским) при посадке леса был найден в 1949 г. глиняный кувшин с монетами Михаила Федоровича. Вес клада 500—800 г.

21. Донской р-н. Близ д. Дубовое Дубовского с/с при разработке каменного карьера на склоне балки Крутовского леса, находящегося на левом берегу Иваньковского ручья, в километре от места его впадения в р. Дон, под каменной плитой найден в 1949 г. клад из 433 серебряных монет, весом 0,730 кг. Присланные в ГИМ образцы монет определены С. А. Яниной как джучидские (Бирдибека и Тохтамыша). Клад поступил в музей Подмосковского бассейна.

22. Зарайский р-н. В д. Филипповичи Клин-Березинского с/с обнаружен клад серебряных монет. Часть его, состоящая из 1 монеты Ивана III, 2 монет Ивана III и Василия III, 33 — Ивана IV до 1547 г. и 46 после 1547 г., 15 — Федора Ивановича, 32 — Бориса Годунова, 2 — правления Лжедмитрия, всего 129 монет, весом 75,64 г, поступила в ГИМ за № 82713.

23. Кашира. В Ямском поселке, против д. № 73 по улице Ильича, найдена в 1950 г. кубышка черного лощения с монетами Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, всего около 300 монет. По мнению краеведа Г. Федорова, сообщившего о находке, на кубышке имеется дата: 1711 г.

24. Каширский р-н. В д. Березино, близ ст. Жилево Павелецкой ж. д., найден клад русских серебряных монет XVI—XVII вв.

25. Кунцевский р-н. В д. Толстопальцево при копке ямы под деревья на глубине 60—70 см найден в 1951 г. клад из 1 монеты Василия Ивановича Шуйского, 17 монет — Михаила Федоровича, 12 — Федора Алексеевича, 5 — стертых, плохо читаемых, всего 35 монет.

26. Ленинский р-н. В с. Беседы (ст. Царицыно Курской ж. д.) на участке д. № 2 найден в 1951 г. клад из 11 монет Петра I, 2 — Екатерины I, 2 — Петра II, 22 — Анны Иоанновны, 44 — Елизаветы Петровны, 1 монеты — Петра III, 3 монеты — Екатерины II (самая поздняя 1766 г.), всего 85 монет, весом 0,942 кг. Монеты находились в ангобированном кувшине со спиральным орнаментом красной краской. Клад поступил в ГИМ за № 83490.

27. Можайский р-н. В д. Михайловской Отяковского с/с на огороде

О. А. Булычевой найдена в 1944 г. кубышка с монетами Ивана IV — Бориса Годунова, весом около 1 кг.

28. Москва. В 500 м к востоку от платформы Текстильщики Курской ж. д. у дома № 29 совхоза им. Максима Горького найден в 1948 г. в кубышке черного лощения клад русских серебряных монет XV в. (великокняжеского периода) весом 1,037 г. Клад поступил в ГИМ за № 82525.

29. Москва. Близ д. 33/35 по Хохловке в с. Карачарове при рытье кбтлована на глубине 1,2 м найден в 1951 г. клад в кубышке черного лощения. В ГИМ за № 83058 поступило: 24 монеты Ивана IV (до 1547 г.), 27 монет Ивана IV (после 1547 г.), 13 — Федора Ивановича, 14 — Бориса Годунова, 2 монеты Лжедмитрия, 4 — Василия Шуйского и 4 стертых, плохо читаемых, всего 88 монет, весом 46,14 г. Клад весил около 1,5 кг.

30. Москва. В с. Карачарово при земляных работах обнаружен в 1947 г. клад, состоявший из 1533 монет, весом 812 г. Клад поступил в ГИМ за № 82622. Состав клада следующий: 476 монет Ивана IV до 1547 г. и 380 после 1547 г., 231 монета Федора Ивановича, 319 монет Бориса Годунова, 13 — Лжедмитрия, 17 — Владислава, 86 — Василия Шуйского, 10 стертых, плохо читаемых, и 1 довольно редкая серебряная монета — Сулеймана I (1520—1566)¹.

31. Москва. В доме № 26 по ул. Володарского найден клад, весом 1,308 кг, состоявший из 4 монет времен Ивана III и Василия III, 5 — Ивана IV до 1547 г. и 2 после 1547 г., 5 — Федора Ивановича, 6 — Бориса Годунова, 1 монеты Лжедмитрия, 7 монет Владислава, 19 — Василия Шуйского, 2662 — Михаила Федоровича, 77 Алексея Михайловича, 92 монет стертых, плохо читаемых. Всего 2880 монет. Клад поступил в ГИМ за № 83168.

32. Москва. В д. № 5 по ул. Обуха во время земляных работ найден в 1949 г. клад из 7847 монет, весом 4,339 кг. Состав клада: 1 монета Новгорода Великого после 1456 г., 1 — исковская после 1510 г., 2 монеты Ивана III, 1 монета времен Ивана III и Василия III, 3037 монет Ивана IV до 1547 г. и 2115 после 1547 г., 599 — Федора Ивановича, 1403 монеты Бориса Годунова, 141 монета Лжедмитрия, 474 монеты Василия Шуйского, 73 стертых, плохо читаемых.

33. Москва. В д. № 30 по Конюшковской ул. во время земляных работ найден в 1936 г. клад в фаянсовой миске, состоявший из русских медных монет 1780—1810 гг. достоинством от 1 до 5 копеек. Клад обследовали П. А. Незнамов и Е. В. Веймарн.

34. Ногинский р-н. В поселке Успенском найдена в 1948 г. кубышка с монетами Ивана IV.

35. Подольский р-н. Близ д. Андреевской Мостовского с/с, в осыпи над р. Десной, обнаружен в 1950 г. клад в кубышке. В его составе: 1 монета Федора Ивановича, 2 монеты Бориса Годунова, 4 — Василия Шуйского, 212 монет Алексея Михайловича, 341 монета Михаила Федоровича, 1 — датского короля Христиана IV и 29 стертых, плохо читаемых монет, всего 590 монет, весом 278 г. Клад хранится в ГИМ за № 83194.

36. Районный центр с. Серебряные пруды. При торфоразработках найден клад монет Ивана IV чеканки после 1547 г.

37. Уваровский р-н. Близ д. Сады, в саду колхоза «Александровка», на глубине 0,20 м найден в 1952 г. клад в кубышке, состоявший из 2884 монет, весом 1,414 кг. Образцы монет, присланные на определение в ГИМ, принадлежали чекану Ивана IV — Бориса Годунова.

¹ По определению научного сотрудника ГИМ С. А. Яниной.

Новгородская область

38. Старорусский р-н. В д. Коноково найден в 1936 г. клад серебряных монет в лукошке, весом 3 кг. Присланная на определение в ГИМ монета оказалась серебряной копеейкой Петра I (1702 г.).

Смоленская область

39. Гжатский р-н. В д. Петрецово на усадьбе колхозника И. Е. Квасова при посадке деревьев на глубине 1,5 м найден в 1951 г. клад из 500 серебряных копеечек Михаила Федоровича (судя по монетам, присланным в ГИМ на определение).

40. г. Смоленск. В Верхних Садках найден в 1948 г. клад из 435 русских серебряных монет, в горшочке черного лощения с волнистым орнаментом по плечикам. Монеты относятся к XV в. Клад хранится в Смоленском областном музее (инв. № 1493). Сообщено о кладе определявшим его В. Л. Яниным.

41. г. Смоленск. В 1948 г. обнаружен клад из 395 русских серебряных монет Ивана III — Бориса Годунова. Клад найден в лощеном кувшинчике с волнистым и линейным орнаментом по горлышку. Одна монета Иоанна Алексеевича, находящаяся в экспозиции Смоленского музея вместе с кладом (инв. № 1371), по мнению разбиравшего и сообщившего о кладе В. Л. Янина, попала туда случайно.

42. Холм-Жировский р-н. В деревне Печатники найден клад из 1182 русских серебряных монет XVI—XVII вв.

Тамбовская область

43. Сосновский р-н. В селе Правые Ламки найдена в 1947 г. кубышка с монетами Михаила Федоровича.

Тульская область

44. Алексинский р-н. На берегу р. Оки, против г. Алексина, обнаружен в 1950 г. клад в глиняном кувшинчике. Присланные на определение в ГИМ образцы монет принадлежали чекану Михаила Федоровича и Алексея Михайловича.

45. Алексинский р-н. В д. Ларино Каргашинского с/с при строительстве дороги найден в 1948 г. на глубине 70—80 см клад из 1458 монет Михаила Федоровича. Клад, весом 683 г, находился в кубышке емкостью в два литра. Находка передана в Тульский областной краеведческий музей.

46. Косогорский р-н. В поселке Черни, на огороде П. С. Степанова, жителя Казацкой слободы, найден клад в кубышке. Там же найдено холодное оружие. Образцы монет, присланные на определение в ГИМ, принадлежали чекану Михаила Федоровича.

47. Чекалинский р-н. Недалеко от г. Чекалина и Митина-Завода на берегу р. Жиздры, на усадьбе колхозницы Крушковой, найден в 1951 г. клад монет весом 1,2 кг. Образцы монет, присланные на определение в ГИМ, принадлежали чекану Ивана IV до и после 1547 г., Федора Ивановича, Бориса Годунова и Владислава, Василия Шуйского. По местным сведениям, монеты были перепрятаны лет 50 тому назад и тогда же часть клада была сдана куда-то.

Ярославская область

48. Пречистенский р-н. В д. Костине при копке огорода найден на глубине 0,5 м горшок с монетами Федора Ивановича, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича; вес находки около 2 кг.

Татарская АССР

49. Куйбышевский р-н. В с. Болгары, на участке А. К. Ипполитовой, найден в 1947 г. клад из джучидских монет: 2 — Узбека, 20 — Джанибека, 6 — Бирдибека, 4 — Науруза, 3 — Кульны, 7 — Хызра, 1 монеты Орду-Мелиха, 4 монет Мюрида, 2 — Хайр-Пулада, 1 — Пулад-Ходжи, всего 50 монет. Клад хранится в ГИМ за № 82292. Определен научным сотрудником ГИМ С. А. Яниной.

Башкирская АССР

50. Бирский р-н. Во время пахоты на поле колхоза Чалпан (д. Кузово) найден в 1946 г. клад медных русских монет Екатерины II, Павла и Александра I, 5 и 10-копеечного достоинства, всего около 100 монет.

Марийская АССР

51. Семеновский р-н. В 1 км от с. Третье Туруново и в 3 км от с. Семеновки находится городище (?), площадью 0,5 м², обнесенное с трех сторон рвом 4—5 м глубиной. На этом городище обнаружен в 1948 г. клад из 800 монет Василия III — Ивана IV чеканки после 1547 г. Клад хранится в краеведческом музее Марийской АССР. Сообщил о находке директор музея.

Краснодарский край

52—53. Темрюкский р-н. На территории Запорожского хлопкосовхоза (Патрейское городище) при археологических работах Таманской экспедиции ИИМК в прибрежном раскопе А найдено два клада. Клад, найденный в 1950 г., обнаружен на глубине 2,5 м в горелом слое эллинистического здания. Монеты слиплись от огня в несколько комьев. Вместе с ними найдены бронзовые кольца неизвестного назначения. Клад состоял из 82 бронзовых монет (четыре распались при чистке) эпохи Митридата VI Евпатора; в состав клада входили монеты Пантикапея, Синопы и «безымянные». Клад 1951 г. найден на глубине 1 м в слое позднего античного города IV—V вв. н. э. Он состоял из 397 бронзовых монет боспорских царей IV в. н. э. и был помещен в особой кубышке яйцевидной формы, замурованной в стене здания.

Оба клада хранятся в материалах экспедиции. Сообщила о кладах и определила их монеты старший научный сотрудник ГИМ Ю. С. Крушкол.

БССР

Витебская область

54. Кохановский р-н. В д. Прячиха Шибекского с/с в 1948 г. была найдена кубышка с польско-литовскими монетами XVII в.

Гомельская область

55. Журавичский р-н. Близ д. Зимница в Урочище Залозье, на возвышенном месте у реки обнаружен в 1940 г. клад из 108 серебряных монет: одного русского рубля Анны Иоанновны 1730 г. и 107 монет западноевропейских 1622—1710 гг. (польских — 61, прусских — 30, нидер-

ландских — 7, испанских — 7, кельнских — одна и одна монета Монако). Клад поступил в Гомельский исторический музей. Сообщил директор музея.

56. г. Речица. На 1-й Набережной ул. найден в 1944 г. клад польских и литовских грошей XVI в., весом 2,290 кг. Клад поступил в ГИМ за № 81348.

Могилевская область

57. Краснопольский р-н. В д. Городецкой найден в 1932 г. клад из 680 медных русских монет XVIII в. достоинством в 5, 2 и 1 копейку. Хранится в Гомельском Историческом музее. Сообщил директор музея.

В. Б. ГИРШБЕРГ

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

I. ГРАФФИТИ НА СТЕНЕ ЦЕРКВИ ТРИФОНА В НАПРУДНОМ

Надписи-граффити на стене церкви Трифона в Напрудном переулке в Москве помогают уточнить время постройки одного из древнейших зданий города. Л. А. Давиду, автору проекта реставрации, принадлежит первая публикация содержания надписей¹. В западной трети южного фасада храма обнаружено пять тождественных по содержанию надписей, высеченных на плоскости белокаменной стены (рис. 42—1)².

Верхняя из них находится в 1,6 м от поверхности земли. Текст ее: «лѣт 3 ПРѢ».

Непосредственно под первой находилась сбитая ныне вторая надпись. По содержанию она идентична первой и восстанавливается по сохранившимся частям букв. Под буквами ПР первой надписи (эти буквы даны лигатурой) начертана третья, в которой уцелело слово лѣт и цифра-буква «3» (7000). Далее заметны следы двух букв, по всей вероятности, недописанного, как и в остальных случаях этой группы надписей, обычного для надгробной формулы термина «преставися». Квадр обрублен с восточной стороны, удален и располагавшийся за ним в ряду следующий квадрат. Произошло это во время одной из позднейших переделок храма; обржавшееся свободное пространство заложено кирпичом XIX в., что лишает нас возможности с полной достоверностью определить, было ли слово «преставися» закончено или обрывалось, как во всех других случаях.

На квадратах ряда, расположенного под указанным, находятся еще две аналогичные надписи (4 и 5). В четвертой заметны следы двух первых букв начального слова «лѣт». Затем следует — «7000 ПРѢ». Через небольшой промежуток следует пятая надпись: слабо начертанный знак «л», и далее прекрасно видное: 7000 ПРѢ.

По содержанию рассматриваемые надписи несомненно представляют собой оборванную могильную формулу, окончательно разбившуюся несколько позже и прекрасно известную по московским надгробиям³. Примерами такой, правда еще не вполне установившейся, формулы

¹ Л. А. Давид. Церковь Трифона в Напрудном. Сб. «Архитектурные памятники Москвы XV—XVII вв.». Изд. Акад. архит., 1947. Пользуюсь случаем выразить благодарность Л. А. Давиду за детальное ознакомление меня с памятником в процессе реставрационных работ и за предоставление мне фото с надписей.

² Надписи обнаружены в 1936 г. П. Д. Барановским.

³ А. В. Арциховский. Надписи, найденные на метрострое. Сб. «По трассе первой очереди московского метрополитена», М., 1936; его же. Археологические работы в Москве. «Преподавание истории в школе», 1946, № 1.

могут служить надписи на надгробиях 1513 и 1518 гг. из коллекций Государственного Исторического музея¹.

Недописанных надписей типа граффити известно довольно много. Таковы многие надписи Софии Новгородской², Успенского собора «на городке» в Звенигороде, относимые Б. А. Рыбаковым к концу XIV в.³

Граффити церкви Трифона указывают, вероятнее всего, на «пробу пера» мастера или испытания им своего инструмента. Но все-таки чрезвычайно интересно упорное повторение даты 7000, т. е. 1492 года.

Характер начертания слова «ЛЕТ» (современная транскрипция) везде одинаков. Отличия наблюдаются только в размере букв надписей.

Буква «Л» (люди) во всех надписях имеет вертикальную мачту; наклонная отходит не из ее вершины, а от несколько пониженной точки. Подобный тип буквы «Л» в московских эпиграфических памятниках (на камне) можно указать, например, в надписи 1491 г. о построении Спасской башни Кремля. Необходимо, однако, отметить тщательность резки текста строительной плиты 1491 г. и небрежность начертаний граффити. И. А. Шляпкин в «Русской палеографии» не дает подобного типа «Л». Несколько похожие буквы автор относит к XV и XVI вв.⁴

В московских надписях на камне подобная схема «Л» чрезвычайно стойка и обычна даже для второй половины и конца XVII в. Правда, в позднее время буква становится немного угловатой, но построение ее остается прежним. В качестве примеров укажем на строительную надпись Рязанского подворья в Москве (1671 г.)⁵ и запись, вырезанную на белокаменной плите в 1685 г. царевной Софьей Алексеевной в Новодевичьем монастыре над могилой дочери Ивана Грозного Анны, умершей в 1550 г. Можно также назвать надгробия кн. Ромодановской (1652 г.), Головиной (1654 г.), Кокоревой (1671 г.), камень с именем стольника Савелова (1690 г.), обнаруженные в 1949 г. в б. Георгиевском монастыре и подготовляемые нами к изданию, а также могильную плиту 1680 г. боярыни Хитрово (хранится в Новодевичьем монастыре).

Буква «Ѧ» (ять) всегда с вертикальной мачтой, высотой равной мачте «Л». Петля ее в первой надписи треугольна, хотя в пятой заметна припухлость кузовка, превращающегося в прямоугольник, как в третьей надписи.

И. А. Шляпкин относит квадратную форму кузова «ять» к позднему типу и указывает на тенденцию для этой буквы (в позднем типе) выходить за строку⁶. Последней особенностью в надписях на церкви Трифона нет. Коромысло «ять» очень широко и левым концом соприкасается с мачтой «Л», как например, в надписи Спасской башни 1491 г.

Буква «Т» (твердо), заключительная в слове «ЛЕТ», всегда вынесена над строкой. Покрытие «Т» широко и имеет шипы, а ножка или короче покрытия, или равна ему. Аналогия — в первой строке упоминавшейся надписи 1491 г.

Петля «Р» (рцы) лигатуры «ПР» всегда округла, что является, по наблюдениям И. А. Шляпкина, признаком письма XV в.⁷ Девять аналогий ему находим в строительной надписи Спасских ворот.

¹ Опубликованы В. Н. Щепкиным в отчете Российского Исторического музея за 1906 год. М., 1907. Описание надгробий, I, стр. 76: а) 1513 г.: «Лет 7021 преставися раб божий инок скимник Серапион Дудин месяца... арта в...»; б) 1518 г.: «Лет 7026 преставис раб божий Василий Попада и положен быс zde...»

² В. Н. Щепкин. Новгородские надписи graffitti. «Древности», т. XIX, вып. 3.

³ Б. А. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде (1943—1945 гг.). МИА, № 12, стр. 127.

⁴ И. А. Шляпкин. Русская палеография. СПб., 1913 (типы буквы «Л» на рис. 89—97); несколько похожие на описываемые см. рис. 94, 95.

⁵ Хранится в Музее истории и реконструкции г. Москвы.

⁶ И. А. Шляпкин, указ. соч., стр. 63, рис. 202 и 204.

⁷ Там же. стр. 58, рис. 148.

1

2

Рис. 42. Надписи на стене церкви Трифона в Напрудном

1 — надпись на южном фасаде в западной трети; 2 — надпись на южном фасаде в восточной трети

Варьирует начертание цифры-буквы «З» (земля) — 7000. В первой надписи довольно значительная головка несколько утолщена в верхней части. Вторая петля не имеет направленного вниз хвоста. Он подтянут к знаку тысяч, слитому с телом буквы, и перечеркнут один раз. В третьей надписи головка сбита, но ясно виден ее далеко выступающий нос. Нижняя петля не длинна. Знак тысяч перечеркнут один раз. В четвертой надписи подтреугольная головка петли довольно большая. Нижняя петля образована ломаной линией, конец которой направлен параллельно горизонтальной части головки. Знак тысяч перечеркнут один раз. Пятая надпись: головка верхней петли большая, подтреугольная. Нижняя часть буквы округла. Знак тысяч перечеркнут дважды. И. А. Шляпкин точных аналогий не приводит. Но отмечает в качестве древней приметы «спокойствие» верхней части буквы «З» в письме XV в. Н. М. Каринский, разбирая хронологические приметы «З» в рукописях и на надгробиях, приходит к выводу, что с конца XVI века знак тысяч с двойной перечеркой и округлое «З» уже преобладают в надгробных надписях и переходят в XVII век¹.

Буква «Е» (есть) сохранилась на церкви Трифона в надписях 1, 2, 4 и 5, но везде фрагментарно. Четыре «Е», здесь довольно открытые. Спинка выгнута слабо. Язычок в большинстве случаев направлен вверх. Только в четвертой надписи он горизонтален. Все язычки имеют на концах перечерки, относимые И. А. Шляпкиным в основном к XV, а иногда даже к XII в.² Буква «Е» надписей церкви Трифона близка к приведенным И. А. Шляпкиным примерам³. В надписи 1491 г. «Е» — иного вида и вырезано очень тщательно.

Надгробия 1513 г.⁴ и 1522 г. найдены близ Кропоткинских ворот при сооружении первой очереди Московского метрополитена⁵, имеют архаичное «Е», близкое рассматриваемому.

Текст приведенных аналогий выполнен почерком, определенным В. Н. Щепкиным как «простой, полууставный»⁶. Почерк надписей в церкви Трифона можно характеризовать так же.

Древность начертаний рассмотренных граффити особенно очевидна при сравнении их с могильной надписью восточной трети той же стены. На двух квадратах здесь расположена незаконченная двустрочная надпись 1670 г. (рис. 42—2).

Эта запись в орфографии и в начертаниях несет все характерные черты своего времени.

Можно было бы предположить, что квадраты с граффити попали в кладку стены уже с надписями, однако наблюдения показывают, что швы между блоками заполнены однородным составом, к тому же надписи не расположены на одном квадрате. Изображение, приложенное к сообщению, служит доказательством того, что в некоторых случаях (надписи 4, 5) фраза одной и той же записи, начинаясь на одном квадрате, продолжалась на следующем.

На основании сказанного можно утверждать, что древние надписи в церкви Трифона в Напрудном подтверждают факт существования этого храма в 7000 г. от сотворения мира, т. е. в 1492 г. по современному исчислению.

¹ Н. М. Каринский. Русская надпись XVI в. с именем Марка — сына палача. Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, М., 1928, стр. 273.

² И. А. Шляпкин. Русская палеография, стр. 49, рис. 46 и 48.

³ См. И. А. Шляпкин, указ. соч., рис. 48.

⁴ Опубликовано В. Н. Щепкиным в отчете Российского Исторического музея за 1906 год. М., 1907, стр. 75—76.

⁵ А. В. Арциховский. Надписи, найденные на метрострое.

⁶ В. Н. Щепкин, указ. соч., стр. 75.

II. НАДПИСЬ НА МОГИЛЬНОЙ ПЛИТЕ 1607 ГОДА

В 1949 г. коллекция московских монументальных эпиграфических памятников увеличилась благодаря находкам на территории б. Георгиевского монастыря (Пушкинская улица, д. 5). При разборке остатков фундамента Георгиевского собора, оконченного постройкой в XVIII в., были обнаружены белокаменные могильные плиты с надписями.

Общее количество плит и обломков их доходит до 35. Наиболее поздняя из них датирована 1708 г. (надгробие жены Траханиотова). Восемь памятников относятся к XVI и первой четверти XVII вв., 20 датируются 1626 г. и более поздним временем.

Публикуемый памятник входит в сравнительно малочисленную группу могильных плит начала XVII в. Дата его: февраль 1607 г.

Размещение текста — обычное для большинства московских и провинциальных надгробий XV—XVII вв.¹ Концевая часть плиты обита и утрачена, но надпись не пострадала. Она расположена в семь строк на широкой горизонтальной поверхности плиты. Длина камня 1,2 м, ширина изголовья 0,78 м, ширина облома 0,7 м, толщина плиты 0,31 м, высота строки 9 см, глубина вреза букв до 4 мм.

Текст памятника и аналогии к нему даются в современной транскрипции, так как к статье приложен фотоснимок (рис. 43). Титлы везде раскрыты, выносные буквы введены в строку, неупотребляемые ныне буквы алфавита, равно как и древние буквы-цифры, заменены современными.

Текст гласит: «Лет (а) 7115 февраля¹ в 23 день на память святого священномученика Поликарпа Змирского² уьбен(бысть) на| государеве службе под Колугою | князь Юрь Юрьевич Мещерской столник| а погребен того же месяца 27 день на память| преподобного исповедника Прокофия».

Надпись содержит 13 строчных лигатур и три надстрочные³. Среди строчных есть редко встречающееся соединение «АК», где «А» и «К» соподчинены и правая мачта «А» образована нижней наклонной «К». Над строками вынесены 23 отдельные буквы, три упомянутые лигатуры и три окончания слова по три буквы в каждом⁴.

Кроме случая соподчинения в лигатуре «АК», в тексте надписи есть примеры несоединенных соподчинений и усеченных мачт отдельных букв, что позволяет определить почерк надписи как хорошо развитую вязь, в последующие десятилетия превращающуюся в штамбовую и сближающуюся с вязью рукописной⁵.

К архаичным, но стойким начертаниям отдельных букв, восходящих к половине XVI в., относится среднее «А» имени «Поликарп». Оно образовано округлым кузовком, прикрепленным к вертикальной мачте. Близкая схема начертания «А» известна для 50—60-х годов XVI в. по памятникам, опубликованным В. Н. Щепкиным еще в 1906 г.⁶; имеются подобные начертания и на надгробии конца XVI в. Анфисы Годуновой, находящемся

¹ А. В. Арциховский. Надписи, найденные на метрострое; его же. Основные вопросы археологии Москвы. МИА, № 7, 1947.

² 23 февраля — память священномученика Поликарпа Смирского.

³ Надстрочные лигатуры: «дн» (день) — 2; третья — «до». Аналогии к последней имеются в надгробии 1558 г. кн. И. Ф. Сисеева (хранится в Ризположенской церкви Кремля) и на строительной надписи 1566 г. церкви Вознесения — Исидора чудотворца в г. Ростове (хранится в Ростовском музее, текст издан Эдинггом, «Ростов Великий», «Углич», стр. 68). За предоставление фотоснимков ростовской надписи автор приносит благодарность архитектору Л. А. Давиду.

⁴ Строка III: «РПА»; строка IV: «ГОЮ»; строка VI: «БЕН».

⁵ В. Н. Щепкин. Вязь. «Древности», т. XX, вып. I; его же, Учебник русской палеографии. М., 1920, глава о вязи.

⁶ В. Н. Щепкин. Описание надгробий, I; камни 1551 и 1562 гг. Отчет Российского Исторического музея за 1906 год.

в усыпальнице Смоленского собора б. Новодевичьего монастыря. Мы подчеркиваем именно близость схем построения буквы памятников XVI в. и рассматриваемого надгробия, а не их тождественность. В имени «Поликарп» кузовок «А» как бы несколько провисает: нижняя часть петли направлена к мачте. Эту особенность необходимо отметить как временную примету архаической формы «А» в XVII в. Такое «А» далее первой четверти XVII в. не употребляется. Несколько неровные линии вязи надписи 1607 г. еще далеки от геометризованного почерка позднейших десятилетий XVII в. Старые элементы чувствуются в начертаниях буквы «земля». Небольшая угловатая головка и резко опущенный хвост нижней части (строки 3 и 6-я) напоминают начертания букв середины XVI в.

Для Москвы конца XVI — начала XVII в. в настоящее время известно свыше двенадцати подобных камней. Приведем наиболее интересные из них.

1. Могильный камень 1595 г. Анфисы Годуновой; хранится в музее «Бывший Новодевичий монастырь». Текст в восемь строк расположен по лицевой поверхности до тяг. Из желания разместить все записи на этом пространстве резчику пришлось постепенно сжимать ширину строки, одновременно уменьшая ее высоту. Последняя строка находится между тягами и содержит всего четыре буквы. Уменьшение ширины строки напоминает «руку» рукописей и старопечатных книг. Длина камня 1,49 м, ширина изголовия 0,52 м, ширина нижнего торца 0,41 м, толщина 0,32 м.

Текст гласит: «Лет(а) 7104 | декабря в 11 день | на память преподобного | Данила столпника | преставис раба божия | инока схимница старца Онфиса Годунова».

Жгутовая рама окаймляет плиту. Тяги и ободки клейм также жгутовые.

2. Надгробие Дмитрия Григорьева сына кольчужника 1596 г.; хранится в Музее истории и реконструкции г. Москвы¹.

3. Надгробие Евпраксии Ивановой, дочери белозерского воеводы (1598 г.), найдено при прокладке первой очереди московского метрополитена и ныне хранится в музее «Бывший Новодевичий монастырь»². На этом надгробии наряду со жгутовой рамой наблюдаются элементы треугольчатого узора в нижнем клейме и тягах.

4. Могильный камень Марии Степановой, дочери Скудина (июнь 1602 г.), хранится в том же музее³. Текст в семь строк гласит: «Лет(а) 7110 | июля в 9 день на память священномученика Панкратия епископа | Тавроменийского преставис раба божия Марья | Степанова дочь Скудина».

5. Обломок надгробия 1602 г. княжны И. Ю. Мещерской, видимо близкой родственницы (сестры?) убитого стольника; найден одновременно с его могильной плитой и ныне хранится в Музее истории и реконструкции г. Москвы (рис. 44). Длина обломка 0,7 м, ширина изголовия 0,71 м, ширина облома 0,56 м, толщина 0,21—0,23 м. Высота строки 7 см.

Текст обломка: «Лет(а) 7112-г. | октября 12 день преставис | раба божия княжна Ирина князь Юрева дочь Григоревича Мещерскаго...» (далее облом). На обломке жгутовая рама. Хорошо сохранилось верхнее полукруглое клеймо с «крутящейся» розеткой в центре.

Юрий Григорьевич Боровитинов-Мещерский — служилый князь. В царствование Ивана IV он участвовал во многих военных походах. При Борисе Годунове (1600—1602 гг.) он был объезжим головой в Москве и

¹ М. Г. Рабинович. О производстве оружия в Москве и ремесленных слободах за Яузой. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. 4, 1948; его же. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы. МИА, № 12, стр. 16.

² А. В. Арциховский. Надписи, найденные на метрострое, стр. 161, рис. 103.

³ Не издан.

губным старостой в Кашире (1603 г.). Сведения о нем кончаются в 1606 г. известием об участии его на свадьбе самозванца и Марины Мнишек в должности рынды, что мало правдоподобно, так как должность рынды обычно

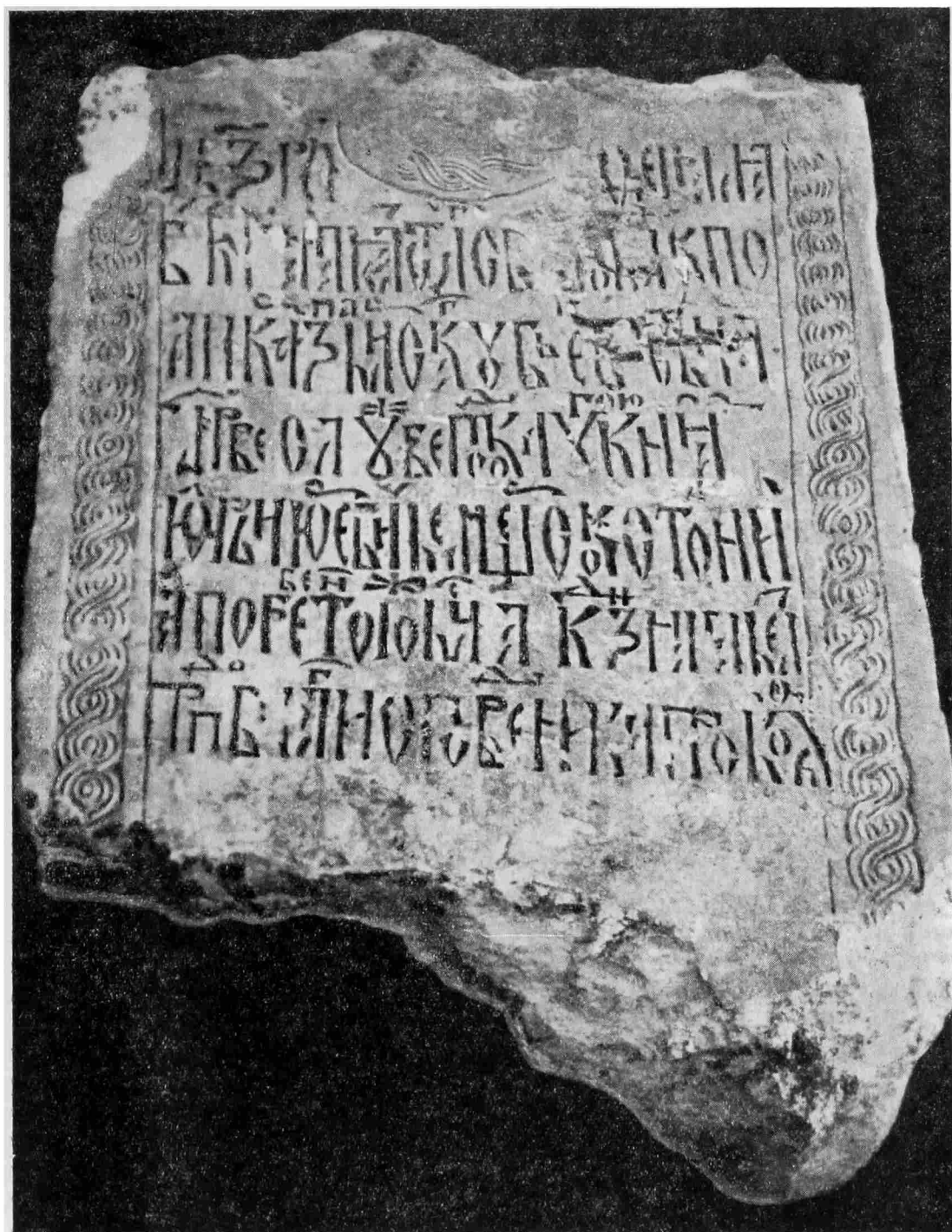

Рис. 43. Надпись на могильной плите 1607 г.

замещалась молодыми людьми, а Юрий Григорьевич был в начале XVII в. человеком уже пожилым. По всей вероятности составитель «Разрядных записей» или их переписчик ошибся, спутал отца и сына. Это тем более вероятно, что они оба носят одно и то же имя. Погребенный Юрий Юрьевич Мещерский мог быть сыном кн. Юрия Григорьевича, братом умершей в 1602 г. княжны Ирины Юрьевны. Похоронен же был он близ сестры в мо-

сковском Георгиевском монастыре, где обычно погребались представители рода Мещерских.

6. Близка по внешнему виду рассматриваемому надгробию могильная плита 1605 г. подъячего Казанского дворца Юрия. Найдена также в Георгиевском монастыре¹.

Текст надписи состоит из пяти сохранившихся строк: «Лет(а) 7114... | в 7 день на память иже во святых | отца нашего Амвросия епископа | преставис раб божий Казанского дворца подъячий | Юрей...» (далее облом).

День памяти епископа Амвросия приходится на седьмое декабря.

Рама и верхнее клеймо жгутовые. В центре верхнего клейма — «крутящаяся» розетка; тяги нижнего не сохранились.

7. Последнее из приводимых для сравнения памятников надгробие Варвары Борисовой дочери псковки находится в музее «Бывший Новодевичий монастырь». Камень датируется 15 августа 1607 г. Длина его 1,26 м, ширина 0,51 м, ширина нижнего торца 0,30 м, толщина 0,24 м, высота строки 6 см.

Текст гласит: «Лет(а) 7115 году | августа в 15 день на па|мять пре- святые богородицы чел|стнаго ея успения | преставися раба божи|а инока скимница Варва|ра Борисова дочь | псковка». Последнее слово помещено под тягами; оно разделено на две части: под левой тягой: «ПСКО», под правой «ВКА».

В орнаменте плиты наблюдаются соединения двух видов узора, обводная рама лицевой поверхности жгутовая, а верхнее клеймо и ободок нижнего клейма треугольчатые. В центре нижнего клейма два концентрических круга, что невольно заставляет вспомнить древнейший славянский орнамент в резьбе по кости, а также узоры резьбы по дереву.

Во всех без исключения памятниках, приведенных здесь, первое слово поминальной записи всегда в форме: «ЛЕТ». В надписях более поздних оно приобретает окончание «а», редко встречающееся как в XVI в., так и в первой четверти XVII в.

Могильные камни конца XVI — начала XVII в. по внешнему виду довольно однородны.

Все перечисленные выше памятники, включая и публикуемый, имеют трапециевидную в плане форму.

Поминальная запись на трапециевидных камнях располагается по верхней горизонтальной плоскости (назовем ее лицевой). Размещение текста по наибольшей поверхности, формой приближающейся к рукописному или книжному листу, наиболее логично и удобно. На лицевой стороне плит обычно имеются узорчатые рамы, тяги и клейма.

Установлено, что в надгробной орнаментике жгутовой узор приходит на смену треугольчатому (иногда последний называют зубчатым) с середины XVI в.² При публикации могильной плиты 1643 г. княгини Елецкой М. Г. Рабинович отмечал архаизм орнаментики, выразившийся в сочетании жгутовой рамы с «зубчатым» рисунком нижнего клейма и тяг³. Ранее на подобные же факты указывали В. Н. Щепкин и Н. М. Каринский⁴. Выше нами также приводились аналогичные примеры для плит 1598 и 1607 гг.

Не располагая данными относительно характера орнаментации утрачен-

¹ Камень передан Управлению по охране памятников архитектуры Комитета по делам архитектуры СССР. Фото имеется в музее Истории и реконструкции г. Москвы.

² См. указанные работы В. Н. Щепкина, А. В. Арциховского.

³ М. Г. Рабинович. Указ. работы.

⁴ В. Н. Щепкин. Описание надгробий, I, камень 1551 г.; Отчеты Российского Исторического музея за 1906 год; Н. М. Каринский. Надпись XVI в. с именем Марка — сына палача. Тр. секции археол. РАНИОН, т. IV, 1928.

ной еще в древности концевой части могильного камня Мещерского мы, однако, должны отметить, что в рисунке сохранившегося верхнего клейма дан внутренний ободок, составленный из сильно изогнутых треугольников, соединенных вершинами. Это позволяет предположить, что такой же вид узора был в тягах и нижнем клейме концевой части.

Рис. 44. Надпись 1602 г. на обломке надгробия И. Ю. Мещерской

Чрезвычайно стоек на надгробиях узор торцов и боковых плоскостей. Сложился он, повидимому, еще в XV в., так как уже с начала XVI в. наблюдается вполне определенный тип украшения торцов и боковых сторон могильных камней. Они опоясываются узорчатыми полосами, при этом иногда варьирует рисунок полос, находящихся ближе к краям камня. Центральный пояс (в перечисленных случаях) одинаков для всех: арочки в два тяга чередуются с треугольниками, поставленными на столбики. В. Н. Щепкин неоднократно отмечал этот вид украшения боковых сторон могильных плит при описании собрания надгробий XVI—XVII вв.¹ Исторического музея.

Последовательность изготовления надгробий прекрасно видна по публикуемому памятнику. После вытески блока-плиты нужной формы и тщательного выравнивания ее плоскости на лицевую сторону сначала наносился узор. Он вырезывался или в углубленной технике (треугольчатой), или в

¹ В. Н. Щепкин. Описание надгробий, I и II. Отчеты Российского Исторического музея за 1906 и 1911 годы.

плоско-рельефной (жгутовой). Боковые стороны часто обрабатывались в смешанной технике. Затем по разлинованным строкам на лицевую сторону наносилась надпись. Разлиновку строк иногда можно хорошо проследить. При нанесении текста мастера не всегда соблюдали неприкосновенность обводной рамы и клейм, отдельные знаки просекали их. Так, в публикуемом надгробии начальные буквы 1, 2, 4, 7-й строк и конечные в первой и последней строках нарушили картуш и раму. Нарушения имеются на всех приведенных памятниках.

Клейма лицевых поверхностей чрезвычайно ярко отражают символику языческих верований славян. Несомненно, что в XVII в. первоначальный смысл этих изображений был основательно забыт, а «вертящиеся» розетки, сияния вокруг них, лучи рассматривались только как традиционные украшения надгробий, а не изображения Солнца и его атрибутов. Клейма есть на обломке 1602 г. и на надгробной плите кн. Юрия.

Необходимо также отметить близость узоров белокаменных надгробий к рисункам в деревянной народной резьбе¹. В данном случае плита кн. Мещерского из общего круга не выпадает.

Погребенный принадлежал к некогда владетельной княжеской семье. Родословные книги называют предком Мещерских Бахмета Уссейновича, который «пришел из Большой орды в Мещеру, и Мещеру воевал, засел ее»². В 1298 г. родился Беклемиш Бахметьевич, в крещении князь Михаил, он «в Андрееве городке посвятил храм Преображения Господа нашего Иисуса Христа и с собой крестил многих людей»³. Внук Михаила, кн. Юрий Федорович, вывел на Куликово поле мещеряков и отличился в битве. Дмитрий Донской, продолжая политику собирания земель вокруг Москвы, в 1389 г. вынудил его сына Александра продать Мещеру. Полная потеря Мещерскими их владений произошла при Иване III, которому кн. Юрий Семенович, внук кн. Александра, с согласия своих братьев окончательно уступил все права на Мещеру, получив за это различные земли в вотчинное владение.

Ни Бархатная книга, ни основанные на ней построения генеалогов XIX в. стольника Юрия Юрьевича среди многочисленных князей Мещерских (по Руммелю и Голубцову — 477 представителей) не называют⁴. Но «Разрядные записи за смутное время», изданные в 1907 г. С. А. Белокуровым по нескольким параллельным спискам, восемь раз упоминают о нем⁵. В 1605 г. он был Михайловским городовым воеводой самозванца; 8 мая 1606 г. — четвертый рында на его свадьбе с Мариной Мнишек; затем, в том же 1606 г., — участник приема литовских послов, опять же в должности четвертого рынды. Вероятно, он был еще молодым человеком. Не исключено, что он брат рано умершей Ирины Юрьевны и сын Юрия Григорьевича, упомянутых в надписи 1602 г. Неизвестно, когда и кем ему было пожаловано стольничество, разрядные книги этого не отмечают.

В царствование Василия Шуйского он, видимо, стремился заслужить полное прощение за прежнюю службу самозванцу, почему и принял самое непосредственное участие в подавлении восстания Болотникова.

Современник событий Ив. Мих. Катырев-Ростовский, историк, всецело

¹ А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия, вып. I—XII, М., 1910—1912; Воронов. Крестьянское искусство, М., 1924. (Изображение вещей).

² Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, ч. II, М., 1787, гл. 38, стр. 239.

³ Там же.

⁴ См. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. II. СПб., 1887.

⁵ С. А. Белокуров. Разрядные записи за смутное время. М., 1907, стр. 40, 76, 81, 134, 135, 137, 183, 204.

находившийся на стороне правивших кругов, следующим образом описывает действия под Калугой:

«...Северские же людие доидоша до града Колуги¹ и ту утвердишася с тамо жительствующими народы. Царь же Василей собра воинство и повелити под Колугу, и тамо облегоша его воеводы царевы и ополчашуся противу их по вся дни, и брани многие безчисленные творяху, и гору древяну ко граду дивным домышлением поведоша уже и до стены града сим домышлением достигоша. Людие же града того никакo о том ужасошоя, из града мужескы вытекоша, и на войско царево нападоша, и гору сию древяную запалиша, людей же царевых бесчисленно побиша и по сем многы пакости чиниша царевым людям, по всяк день ополчения творяще никогда же от них покою царевым людям бываше»².

Приведенные строки ярко рисуют события в Калуге в феврале 1607 г., когда она была центром народного восстания. Отряды Василия Шуйского непрерывно направлялись сюда, но на этом этапе побеждал народ.

Публикуемый памятник ценен тем, что позволяет установить участие одного из московских феодалов в подавлении народного движения: князь и царский стольник Юрий Юрьевич Мещерский жизнью заплатил за активную борьбу с восставшим народом.

К малому числу достоверных источников о движении народных масс начала XVII в. добавлен еще один документ.

¹ После того как были отбиты от Москвы.

² Повесть кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского. СПб., 1908, стр. 27.

IV. ХРОНИКА

*Н. К. ЛИСИЦЫНА*АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РСФСР
В 1951 ГОДУ

Археологические исследования в РСФСР в 1951 г. по своему объему и научной тематике явились показателем дальнейшего неуклонного развития советской археологии. Значительно возросло число экспедиций, работавших на новостройках.

Отдел полевых исследований Института истории материальной культуры СССР в 1951 г. выдал 137 открытых листов на право производства археологических раскопок и разведок на территории 49 областей, автономных областей и автономных республик РСФСР (Московская обл. и г. Москва, Новгородская обл. и г. Новгород, Псковская, Калининградская, Ленинградская, Великолукская, Смоленская обл. и г. Смоленск, Вологодская, Калининская, Владимирская, Ивановская, Горьковская, Рязанская, Калужская, Тульская, Брянская, Курская, Орловская, Костромская обл. и г. Кострома, Ростовская, Воронежская, Саратовская, Сталинградская, Куйбышевская, Ульяновская, Челябинская, Свердловская, Кировская, Молотовская обл., Чувашская, Мордовская, Татарская, Башкирская, Марийская, Удмуртская АССР, Дагестанская АССР, Ставропольский (Черкесская автономная обл.) и Краснодарский края, Крымская обл., Тюменская, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Амурская, Алтайский край (Хакасская автономная обл.), Тувинская автономная обл., Бурят-Монгольская АССР.

Кроме того, на право производства археологических исследований на памятниках общесоюзного значения было выдано восемь открытых листов на территории союзных республик (Узбекской ССР — 2, Карело-Финской ССР — 1, Белорусской ССР — 2, Молдавской ССР — 3). В 1951 г., как и в предыдущие годы, включилось в работу много новых краеведов, занимающихся разведкой археологических памятников.

Самые крупные по масштабу археологические работы производила Волго-Донская экспедиция, закончившая в 1951 г. свои исследования. Она работала под руководством М. И. Артамонова в составе шести отрядов. Основные работы, как и раньше, были сосредоточены на городище Саркел-Белая Вежа. Полностью вскрыта поперечная оборонительная стена, делившая крепость на две части. В северо-западной части крепости открыты вторые ворота, выходившие на реку. От них мощеная дорога вела внутрь крепости. Полностью вскрыт комплекс сооружений, отделявших северную часть крепости от западной. Установлено, что здания внутри крепости были двухэтажные, причем нижний этаж использовался для хозяйственных надобностей; жилые помещения были в верхнем этаже. Открыта стена,

отделявшая юго-западную часть крепости от восточной. Вдоль юго-западной части оборонительной стены расчищено длинное здание с одинаковыми камерами по концам, массивная прямоугольная башня и прямоугольная кирпичная вымостка возле нее. Подобная же вымостка открыта в восточной части крепости, в юго-западном углу которой сохранились остатки толстых стен башни. Эти платформы представляют собой основания жилых зданий из дерева или глины, — вероятно, помещения для начальствующих лиц.

Все попытки обнаружить следы христианского храма не увенчались успехом. Установлено, что материальная культура русского населения Саркела относится к роменско-боршевскому типу. Раскопки доставили огромный новый материал для ее изучения и вообще для характеристики культуры Саркела в хазарский период и выяснения обстоятельств взятия крепости Святославом.

Обнаружено много ремесленных мастерских русского периода. Интересны кузница и мастерская по обработке янтаря. На многих вещах русского времени имеются «знаки рюриковичей». Среди привозных вещей выделяется резной гребень из слоновой кости. Установлено, что в Белой Веже жили также торки.

Сырцовые постройки, находимые в верхнем слое городища, относятся к половецкому периоду.

Большую работу по обследованию археологических памятников провел разведочный отряд Волго-Донской экспедиции под руководством И. И. Ляпушкина¹.

Отряд под руководством А. А. Иессена продолжал начатое в предыдущие годы исследование курганов в окрестностях Саркела на левом берегу Дона. В группе, расположенной в 2 км от Саркела, за два года раскопано 7 курганов, а в группе, находящейся в 9 км от Саркела, 5 курганов. Всего в 1951 г. вскрыто 84 погребения. Основная масса (немногим более половины) относится к разным периодам эпохи бронзы; встречены отдельные скифские погребения, несколько отличающиеся по инвентарю от обычных скифских. 25 погребений относится к сарматскому времени. Кроме того, было вскрыто несколько разрозненных средневековых погребений.

У хутора Ляпичева М. П. Грязновым было раскопано поселение эпохи бронзы².

Еще большие по объему, чем в предыдущий год, развернулись работы в зоне строительства Куйбышевской ГЭС. Исследования велись пятью отрядами³.

В 1951 г. начала свою работу Сталинградская экспедиция. Опубликованы предварительные отчеты о проведенных исследованиях⁴.

В Москве продолжались археологические работы в Зарядье. Было заложено три раскопа — VII, VIII и IX. Установлено, что мощность культурного слоя возрастает в направлении к улице Разина. Напластования XI—XIII вв. залегают только на ограниченной территории и суживаются

¹ И. И. Ляпушкин. Из полевых изысканий разведочного отряда Волго-Донской экспедиции 1951 года. КСИИМК, вып. L.

² М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону. КСИИМК, вып. L.

³ См. КСИИМК, вып. L: А. П. Смирнов. Итоги исследований в зоне строительства Куйбышевской ГЭС; М. З. Паничкина. О работах по изучению палеолита на Волге; Н. В. Трубникова. Поселение эпохи бронзы у деревни Воскресенской; А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье; Н. Я. Мерперт. Археологические памятники у села Хрящевки: Б. Б. Жеромский. Подгорная слобода города Болгара; А. М. Ефимова. Гидротехнические сооружения XIV в. в г. Болгаре; О. С. Хованская. Водоснабжение и канализация болгарской бани.

⁴ И. В. Сеницын. Археологические работы в районе строительства Сталинградской ГЭС. КСИИМК, вып. L.

клинообразно к востоку. Произведено исследование стены Китай-города. Оказалось, что часть стены была только облицована кирпичом, а основная ее кладка состояла из белого бутового камня. При археологических наблюдениях открыт ряд крупных и мелких сооружений, относящихся к XV—XVII вв.; наиболее значительное из них — крепление рва, разрушенного при постройке Китайгородской стены. Всего вероятней, это было крупное дренажное сооружение. Открыты древние кладбища при церквях Варвары и Анны, Николы Мокрого и Николы Москворецкого. Погребения совершены по христианскому обычаю, большей частью в долбленых гробах, в основном без вещей (за исключением крестиков). Часты находки обломков белокаменных надгробий. Целое надгробие обнаружено только одно — у церкви Анны. Интересны срубы, открытые в траншее. Они продолжают ряд срубов, обнаруженных в предыдущие годы и выходящих на Великую улицу. Как и раньше, встречены остатки производств (кожевенного, костяного и др.).

На территории Московской области в 1951 г. раскопан ряд курганов; Г. П. Смирнова вскрыла пять и доисследовала один в группе у с. Спас-Тушино. Судя по обряду погребения и инвентарю, можно думать, что курганы оставлены племенем вятичей в XIII—XIV вв.

А. В. Успенская произвела раскопки пяти курганов в Звенигородском районе — четырех близ Саввино-Сторожевского монастыря, одного у д. Клопово. Это также вятические погребения XII—XIII вв.¹ В Звенигородском же районе, у дома отдыха АН СССР «Поречье», А. Л. Монгайтом при участии пионеров был вскрыт один курган, в котором в яме, глубиной 0,6 м, оказалось мужское погребение без вещей, ориентированное на запад.

А. Я. Брюсов произвел раскопки на нескольких небольших участках известной Льяловской неолитической стоянки, ранее исследованной Б. С. Жуковым и Б. А. Куфтиным. С северо-запада и востока вокруг раскопа Б. С. Жукова были проложены траншеи (27 участков). Установлено, что прежними раскопками разрушено жилище, пол которого был устлан корой. Ширина жилища 4 м, длина не менее 6 м. Небольшое количество найденных предметов не дает основания для определенных выводов, но во всяком случае можно считать установленным, что стоянка Бол. Буньково, обнаруженная в Ногинском районе, моложе Льяловской и датируется второй четвертью II тыс. до н. э.

И. К. Цветкова произвела разведку памятников по течению р. Пры, от д. Коренец Коробеевского района Московской обл. до с. Владычено Спас-Клепиковского района Рязанской обл. Обследованы стоянки Коренец I (рязанская культура), Коренец II (поздняковская культура — конец II тыс. до н. э.), Черная гора у с. Русанова (второй этап волосовской культуры). На основании собранных материалов можно сделать вывод, что в начале II тыс. до н. э. территория течения р. Пры была занята племенами волосовской культуры, а в середине II тыс. до н. э. эти земли занимают племена — носителями рязанской культуры, которые находятся здесь вплоть до конца II тыс., когда сюда проникают племена, относящиеся к поздняковской культуре.

М. Е. Фосс и А. Я. Брюсов произвели разведку на Бисеровом озере (Ногинский район Московской обл.). В двух пунктах были заложены небольшие раскопы. Можно предполагать, что в древний период основная часть стоянки занимала более низкую часть местности, а позднее — более высокую. Анализируя находки и керамику, можно предположить, что кремневые орудия, считавшиеся типичными для волосовской культуры, появи-

¹ А. В. Успенская. Звенигородские курганы. КСИИМК, вып. XLIX.

лись в период, предшествующий керамике волосовского типа. Присутствие кремневых орудий волосовского типа на Бисеровом озере служит признаком существования там стоянки в более позднее время, чем в Льялове, так как орудий типа Льялово не обнаружено.

В 1951 г., после двухлетнего перерыва, возобновились работы в Новгороде. Раскопки велись на Неревском конце города под руководством А. В. Арциховского¹. Отряд экспедиции под руководством В. В. Седова производил раскопки в Перыни².

В Псковской обл. С. А. Тараканова продолжала раскопки на городище Камно и заложила два раскопа на погосте Камно. На городище, к югу от раскопа № 1, был разбит раскоп площадью 48 м². Обнаружены остатки сыродутных горнов. Вещевые находки аналогичны находкам предыдущих лет. На погосте Камно вскрыты остатки сельского феодального поселения. Кроме того, этот пункт имел важное стратегическое значение для обороны Пскова. Анализ материала позволил установить, что поселение возникло здесь не ранее XII в. и существовало до XVI—XVII вв.

Кроме раскопок, произведены разведки городищ Велия, Врев и Савкина Горка. Основной период их обитания — великокняжеское время.

Ф. Д. Гуревич продолжала исследования памятников в Приморском районе Калининградской обл. Велись раскопки на городище у с. Грачевки³. Это двуслойный памятник. По керамике и находкам верхний горизонт городища можно отнести к концу I тыс. н. э. Находки нижнего горизонта датируются по аналогии с инвентарем погребений III—IV вв. н. э., но встречается керамика и более раннего времени. Материал свидетельствует о занятии жителей земледелием, ремеслом, торговлей и позволяет установить связь между поселением и погребальными памятниками.

Н. Н. Гурина продолжала исследования на территории Карелии и Ленинградской обл.⁴

Я. В. Станкевич завершила трехлетнее обследование района, протяжением до 350 км, в пределах Великолукской обл. между верхним течением Зап. Двины и р. Торопой. Обследовано свыше 300 пунктов, и раскопаны отдельные поселения. В результате установлена относительная хронология вновь открытых памятников⁵.

В 1951 г. Д. А. Авдусиным начаты раскопки в г. Смоленске. Заложено три раскопа — два на Соборном холме и один у его подножья. Первые раскопки дали напластования XII—XVII вв. с остатками сооружений. Установлено, что на Соборном холме был городской посад XII—XIV вв. Третий раскоп дал мощные напластования XII—XX вв. Место это было заселено с XII в., и в течение длительного времени здесь было смоленское торжище. Обнаружен ряд деревянных построек, среди которых особенно интересна лавка купца XIII в. Среди найденных вещей нужно отметить печать, черепок с арабской надписью, художественные изделия, орудия труда.

На территории Смоленской обл. Е. А. Шмидт продолжал начатое в 1950 г. обследование археологических памятников бассейна Днепра и Зап. Двины.

Основной задачей экспедиции была разведка неолитических стоянок, но попутно обследовались городища, селища, курганы, места находок

¹ См. А. В. Арциховский. Новые открытия в Новгороде. «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 77—78; его же. Археологические открытия в Новгороде. Вестн. АН СССР, 1951, № 12, стр. 60—70.

² В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни. КСИИМК, вып. L.

³ См. статью Ф. Д. Гуревич в настоящем выпуске.

⁴ Н. Н. Гурина. Археологические исследования в Карелии и Ленинградской области. КСИИМК, вып. 51.

⁵ См. статью Я. В. Станкевич в настоящем выпуске.

и т. д. Бассейн Днепра был охвачен разведкой от г. Смоленска до ст. Красное; бассейн Зап. Двины — от д. Селезни до впадения р. Межи; обследованы районы бассейнов мелких рек и берега нескольких озер (Ельша, Щучье и др.). Установлено, что наиболее ранними неолитическими поселениями являются стоянки у дер. Борок, Беркова № 2 и Кутино. Стоянки без керамики в бассейне Зап. Двины (Беркова № 2 и Кутино) отличаются от днепровских (Борок) тем, что кремневые орудия с них имеют ярко выраженную макролитическую технику. Позднеолитические поселения встречены у деревень: Катынь, Мочуры, Беркова № 1 — они имеют много общего с неолитическими поселениями бассейна Мсты и Волги. Поселения у деревень Борок, Уфинье, Алексеевка отличаются от всех других древних поселений Смоленщины.

Л. А. Голубева раскапывала древнее Белоозеро Вологодской обл. (раскопки начаты в 1949 г.). В 1951 г. вскрыто 360 м². Наиболее значительный древнейший слой поселения обнаружен на самой возвышенной части урочища «Старый город», к западу от Борисоглебского ручья. В слое IX—X вв. вскрыты основания двух домов; собран обильный инвентарь. Очень интересна лепная керамика с необычным для северо-восточной Руси гребенчатым штампом. В XI—XII вв. древнейшая часть Старого города была густо застроена жилыми и производственными (кузница) постройками. В приречной части города продолжалось вскрытие мостовой — пристанского взвоза XI—XII вв. Открыта часть базарной площади и расположенный вдоль мостовой дом с многочисленным инвентарем. Интересны изделия из кости, богато орнаментированные (ложки, накладки ножен), и глиняные скульптуры — вероятно, детские игрушки.

А. Я. Брюсов продолжал раскопки Караваяевской неолитической стоянки и могильника и произвел разведки на левом берегу р. Еломы напротив Караваяхи (Чарозерский район Вологодской обл.). Можно считать установленным, что древнейшая стоянка возникла на левом берегу Еломы. В это время на правом берегу, на месте будущей стоянки, был могильник (костики обнаружены ниже культурного слоя стоянки). Когда повысился уровень воды в Еломе и стоянка на левом берегу стала периодически затопливаться, поселение перенесли на правый берег, на место Караваяевской стоянки, причем сначала была заселена восточная часть поляны. Переселение произошло, вероятно, в конце III — начале II тыс. до н. э. В западной части стоянки обнаружено более молодое поселение, о чем свидетельствуют находки орудий более поздних типов (например, треугольные черешковые наконечники стрел). Еще позднее поселение распространилось на южную часть стоянки, когда возник могильник в самом юго-восточном углу площадки (вторая половина II тыс. до н. э.).

В Калининской обл. А. Х. Репман вел археологическое обследование памятников в Вышневолоцком, Брусковском и Удомельском районах. В результате работ открыто десять курганов, городище и жальник. Особенно большой интерес представляют квадратные и удлиненные курганы в Шихинской и Карзовской курганных группах. На побережье Перховского озера найдены неолитические орудия, что говорит о возможности существования здесь стоянки.

В Ивановской обл. Е. Н. Ерофеева вскрыла семь курганов в двух группах в Заволжье, против г. Кинешмы, на правом берегу Мерижки. Все погребения были совершены в виде трупоположений в ямах глубиной 75—90 см. В высоких полушарных курганах прослежены остатки обожженного дерева от гробовищ или колод; в низких продолговатых курганах, находящихся в отдельной группе, остатков обожженного дерева нет. Погребения первой группы ориентированы точно на северо-запад. Вторая группа характеризуется неустойчивой ориентировкой, расчленением костяков, а

также присутствием черепков в насыпи (чего нет в курганах первой группы), наличием подстилки и обкладки из камней на дне могильной ямы. В одном из курганов обнаружено парное погребение, в остальных одиночные. Найдены орудия труда и украшения. Судя по инвентарю, курганы датируются XII—XIII вв. Погребения первой группы следует, по всей вероятности, отнести к мерянским, второй — к славянским.

В 100—200 м к ССВ от второй группы обнаружено селище. На поверхности отмечены большие бугры неправильной формы с кусками глины и обломками керамики. Селище, очевидно, одновременно курганам.

Б. А. Софонов продолжал в 1951 г. работу по сплошному обследованию археологических памятников южной части Волго-Окской (Балахнинской) низины и противоположного правого берега Оки. Закончено обследование долины р. Кишмы. В результате открыт ряд археологических памятников: на территории Балахнинской низины — шесть неолитических стоянок, одна стоянка эпохи бронзы и поселение с сетчатой керамикой; на правом берегу Оки — два поселения с сетчатой керамикой и два славянских селища; в долине р. Кишмы, на ее левом берегу, — два поселения с сетчатой керамикой, два славянских селища.

М. В. Фехнер обследовала девять древнерусских селищ в Богородском и Павловском р-нах Горьковской обл., ранее открытых Б. А. Софоновым. Выяснено, что все они, кроме селища у д. Тарки Павловского р-на, оказались разрушенными. Датируются селища X—XIV вв.

Экспедиция под руководством И. К. Цветковой произвела раскопки четырех памятников у д. Гавриловки в Дзержинском р-не Горьковской обл. и обследовала Сейминские дюны в Володарском р-не. Гавриловские дюны были обитаемы в течение длительного времени. Гавриловка II является наиболее ранним из известных в настоящее время памятников балахнинской культуры. Две группы керамики этой стоянки преемственно связаны и свидетельствуют о длительном существовании ее в конце III — начале II тыс. до н. э.

Следующим по времени памятником является стоянка Гавриловка IV, относящаяся ко второму этапу балахнинской культуры. Керамика двух стоянок аналогична. Возможно, что поселение на месте стоянки Гавриловка IV явилось непосредственным продолжением поселения Гавриловка II в первой половине II тыс. до н. э.

На стоянке Гавриловка I была вскрыта площадь 56 м² и обнаружены следы полуподземного жилища подтреугольной формы, почти полностью разрушенного. Керамика и инвентарь позволяют отнести стоянку ко второму этапу волосовской культуры. Стоянка Гавриловка III, где был заложен раскоп площадью 56 м², относится к позднему этапу балахнинской культуры — уже к эпохе бронзы. Обследована стоянка Сейма I в 5 км к ЮЗЗ от пос. Решетиха. Установлено, что она датируется поздним этапом балахнинской культуры — концом II тыс. до н. э.

Произведенная А. А. Формозовым разведка в двух пунктах Калужской обл. (близ д. Стенино около г. Козельска и у д. Турынинские Дворики близ г. Калуги) показала, что первое местонахождение ранее ошибочно признавалось палеолитической стоянкой, а у д. Турынинские Дворики, очевидно, была неолитическая стоянка — II тыс. до н. э.

Обследование восьми городищ и четырех селищ по течению р. Упы в Косогорском, Новотульском, Щекинском, Дедиловском, Тульском, Ленинском и Алексинском р-нах Тульской обл. произвела С. А. Изюмова¹

В Новозыбковском р-не Брянской обл. К. М. Поликарповичем были предприняты раскопки ранее уже подвергавшейся исследованиям верхне-

¹ См. статью С. А. Изюмовой в настоящем выпуске.

палеолитической стоянки в Н. Бобовичах. Заложено два раскопа, из которых № 1 не дал положительных результатов, а в раскопе № 2 обнаружены кости мамонта. Оказалось, что основная часть стоянки была размыта. К. М. Поликарповичем осмотрены также выходы кремня в нескольких пунктах области — у д. Дядьковичей и с. Вщижа Жуковского района, у д. Тимоновки Брянского р-на, у дд. Супонево, Выговичей и Лопуш Выгоничского р-на. У д. Н. Бобовичи было обследовано четыре пункта с неолитическими находками.

Обследования и небольшие раскопки произвела Т. Н. Никольская на территории Болховского, Володарского, Знаменского и Мценского р-нов Орловской обл., по течению рр. Оки, Нугри, Зуши и Черни.

В основном обследованы городища (селище только одно), главным образом относящиеся к концу I — началу II тыс. н. э.: у д. Гонючей, Мценское, у д. Жилино, Михайлов Брод, Зайцево; у с. Борилово, у д. Рожново и Локно. Установлено, что городища, расположенные на мысу, как правило, относятся к первой половине I тыс. н. э., а круглые с кольцевым валом к концу I — началу II тыс.; городища — круглые с кольцевым валом, но без культурного слоя — являются укреплениями засечной черты.

В Курской обл. П. И. Засурцевым на Липинском городище (Ленинский р-н) вскрыта площадь 403 м². Мощность культурного слоя до 1,6 м. Памятник многослойный. Верхний слой — древнерусский (до XIII в.), под ним идет роменский слой, в нижних горизонтах вместе с роменской керамикой встречается более ранняя (III—V вв. н. э.). Обнаружено пять землянок с глинобитными печами. Жилища относятся к роменскому времени. Из вещей наиболее интересны: клад скифских стрелок из белого металла (8 экз.), гальштатская булавка, глиняное пряслице с штампованным орнаментом, костяная псалия и др.

В г. Белгороде (Курская обл.) А. В. Никитин исследовал находящуюся под угрозой разрушения крепость. Выяснена конструкция различных оборонительных сооружений и планировка города в черте крепостных стен. Вскрыта площадь 1252 м². Мощность культурного слоя 0,2—0,8 м. В напластованиях XVI—XVII вв. собраны отдельные фрагменты роменской керамики. Обнаружено много изделий кузнечного, слесарного и оружейного ремесла.

В связи с 800-летием г. Костромы М. Ф. Фехнер были предприняты исследования с целью установления местоположения города в XI—XII вв.¹

На территории Ростовской области, кроме Волго-Донской, работало несколько небольших экспедиций.

Н. П. Федотова раскопала разрушаемый курган в 5 км от г. Новочеркаска, на левом берегу р. Тузлы. Из трех погребений два, на глубине 1,5 и 3,32 м, были почти полностью разрушены; два других открыты в катакомбах, причем во второй катакомбе была погребена женщина с двумя детьми. Погребения в материке, видимо скифские впускные, относятся к эпохе бронзы.

Г. А. Иноземцев исследовал курганный могильник, в 4 км на северо-запад от ст. Аксайской (Аксайский район Ростовской обл.). Из семи курганов вскрыто три, в которых обнаружено восемь захоронений. Основные погребения курганов № 3 и 5 относятся, вероятно, к концу бронзового века. Следующими по времени идут впускные погребения кургана № 3. Основное погребение кургана № 4 и впускное погребение № 2 кургана № 5 относятся, повидимому, к концу I тыс. до н. э. — началу I тыс. н. э. Впускное погребение № 1 кургана № 5 принадлежит кочевникам.

¹ М. В. Фехнер. Раскопки в Костроме. КСИИМК, вып. XLVII.

На территории Воронежской области А. Н. Рогачев продолжал исследование палеолитической стоянки Костенки I (Гремяченский район)¹.

П. Д. Степанов вел обследование археологических памятников к югу от г. Ульяновска (Ульяновская обл.), вдоль правого берега Волги. Открыто селище эпохи бронзы у с. Кременки (срубно-хвалынская культура — вторая половина II тыс. до н. э.). К эпохе железа относится ряд памятников, самым ранним из которых является селище Кувай и нижние слои на некоторых городищах. Затем идут верхние слои городищ и селищ; самый поздний — древнечувацкий могильник XVII—XVIII вв. Городища по форме и характеру укреплений можно разбить на три группы. К первой группе относятся расположенные на длинных мысах; с напольной стороны они отгорожены тремя линиями валов и рвов — такие городища в Криуме (восточное) и в Буераках. Датируются они болгаро-татарским временем. Городища второго типа располагаются обычно на широких мысах над Волгой; от напольной части они отгорожены одним валом, часто без рва (западное у с. Криума и городище Кувай). Датируются тоже болгаро-татарским временем. Третий тип представлен городищем у Сенгилея — оно четырехугольной формы, огорожено с трех сторон валом и рвом, имеется пригород, также защищенный валом и рвом. Городище одновременно предыдущим. К этому же типу, очевидно, относится и городище у с. Елаур. У с. Елаур на чувашском кладбище раскопано женское погребение XVII в. Установлено, что территория Ульяновской обл., к югу от г. Ульяновска, вдоль Волги, была обитаема со II тыс. до н. э.

Экспедиция Челябинского музея работала в пределах Челябинской обл. тремя отрядами. Отряд под руководством К. В. Сальникова произвел раскопки и разведки в пределах Буринского района. На городище у д. М. Казахбаевой вскрыто около 170 м². Обнаружены три земляные стенки прямоугольного, площадью в 80 м², жилища с очагом-козрищем в центре. Находок получено мало — в основном керамика. Городище следует признать сарматским, но существовавшим очень недолго, о чем свидетельствует и малочисленность находок. В 80—180 м к югу от городища находится группа курганов, один из которых был раскопан. Обнаружено три погребения — основное и два впускных. Основное относится к эпохе бронзы, одно из впускных — ко II—IV вв. н. э. Другое впускное — средневековое. Проведены также разведки на Больше-Казахбаевском городище (сарматское время), на Казахбаевском селище (сарматское время), на селищах I и II близ г. Сигряны на р. Синаре. Первое из них — двухслойное (сарматское и болгарское время), второе было обитаемо только в сарматское время.

Работой Увельского отряда руководила Н. П. Кипарисова. Разведкой пройден маршрут 320 км по берегам р. Увельки. Выявлено 59 новых памятников — 31 одиночный курган, 16 курганных групп (154 кургана), менгиры, древние рудные разработки, поселения эпохи неолита и бронзы, остатки старинных крепостных сооружений, старые казахские кладбища и т. д. У с. Клястицкого, в районе г. Троицка, исследован курган с разрушенной насыпью, под которой оказалось погребение савроматского времени. Среди погребального инвентаря много разных вещей. Близ с. Уваровки раскопан курган, в насыпи которого встречены большие включения камней. Никаких вещей не обнаружено. На берегу оз. Елового, на окраине пос. Чебаркуль, на месте находки жителями каменного наконечника дротика, обнаружена неолитическая стоянка — памятник типа, ранее не известного в Челябинской обл., но имеющий аналогии в Свердловской (Полуденка).

¹ А. Н. Р о г а ч е в. Раскопки Костенок I. КСИИМК, вып. 51.

В. П. Бирюков во главе Миасского отряда произвел обследование долины р. Миасс от оз. Тургойк до г. Челябинска. Учтено 20 курганных групп (178 курганов), городище и селище, повидимому, андроновского времени.

В. И. Фомина возглавляла работу по исследованию Верхне-Уральского и Агаповского р-нов Челябинской обл. Произведены разведочные раскопки Верхне-Спасского селища (у с. Спасского Верхнеуральского р-на). Вскрыта площадь 64 м². Это селище по керамике, характеру находок, жилищу и т. д., так же как Сейткуловское и Шиколовское, выделяется среди памятников андроновской культуры. Их датировка и принадлежность остаются пока неясными. Раскопаны также два кургана на втором Мало-Кизыльском могильнике. Курган № 1 относится к эпохе бронзы, курган № 9 к железному веку. Анализ обряда погребения и вещей кургана № 1 позволяет говорить о том, что он находится на границе территорий распространения андроновской и срубно-хвалынской культур. Курган № 9 можно отнести к сарматской или сусловской культуре (II в. до н. э.— II в. н. э.).

В Свердловской обл. В. М. Раушенбах производила разведку памятников неолита и бронзы по р. Исети и западному берегу Исетского озера на территории Свердловского р-на. Обследовано поселение на «Пашне Комарова», относящееся к концу II тыс. до н. э.— началу абашевского времени, и стоянка Шанаиха на западном берегу Исетского озера. Это двуслойный памятник — нижний слой неолитический (конец III — начала II тыс. до н. э.), верхний датируется эпохой бронзы (конец II тыс. до н. э.). Обследованная на Разбойничьем острове первого Карасьего озера стоянка относится к концу II тыс. до н. э.

Е. М. Берс исследовала Макушинское селище у оз. Мелкого в верховьях р. Исети в окрестностях г. Свердловска и жертвенное место, находящееся в лесу в 2 км к северо-западу от селища, а также место древнего металлургического производства на горе Думной в г. Полевском Свердловской обл.

В Пензенской обл. М. Е. Фосс обследовала памятники эпохи неолита и бронзы в долине р. Суры близ г. Пензы, на дюне вдоль протока Целибухи, где установлено полное разрушение поселения эпохи бронзы. Основные работы были сосредоточены в Наровчатском р-не. На дюне Озименки заложено два шурфа. Выяснено, что остатки неолитической стоянки были частично уничтожены при заселении дюны в эпоху срубной культуры, к которой относятся все ненарушенные комплексы. Кроме того, вскрыты остатки землянки городищской культуры. Неолитический слой уцелел только в виде небольшого пятна на глубине 1,8 м. Исключительный интерес представляет находка в Озименках характерной фатьяновской керамики (балановского типа). Это первые фатьяновские предметы, обнаруженные в юго-западной части Пензенской обл. В 0,5 км от Озименок, на окраине колхоза им. Молотова установлено наличие культурного слоя, относящегося к эпохе неолита, без следов поселения срубной культуры. Близ Озименок обследованы также дюнные возвышения — Полинной бугор, Парилки, где обнаружены следы поселения эпохи бронзы. На дюне между колхозом им. Молотова и селом М. Кавендра собрана керамика срубной культуры. Около г. Наровчата обследовано позднее поселение городищской культуры на берегу р. Шелданы, а в Поимском р-не — торфяник близ поймы «Горелый Гай». Кроме отдельных предметов, встречена керамика срубной культуры.

В Пензенской же обл. М. Р. Полесских продолжал исследование археологических памятников. Основными объектами были поздние городища — Наровчатское, Неклюдовское, Сундуrowsкое, Канаевское, Трескинское, стоянки на р. Суре, в местности «Яксарка», и селище у р. Неклюдовки. Кроме

того, раскопаны два кургана у с. Загоскино Кучкинского р-на и у с. Абалдуйки Каменского р-на. Следов погребений не обнаружено.

В Молотовской области несколькими отрядами под общим руководством О. Н. Бадера продолжала работать Камская археологическая экспедиция¹.

Несколько экспедиций производили исследования на территории Башкирской АССР.

Л. Я. Крижевская обследовала поселение на левом берегу р. Уфы².

М. Д. Гвоздовер исследовала палеолитические местонахождения по р. Уфе. Прошурфовано 15 пещер; в большинстве из них культурных слоев не обнаружено. В пещере, напротив д. Усть-Байки Караидельского р-на, вскрыт культурный слой, по керамике относимый к концу эпохи бронзы или к началу эпохи железа.

Южно-Уральская экспедиция Уральского университета работала на территории Башкирской АССР тремя отрядами. Отряд К. В. Сальникова вел раскопки селища Баланбаш у с. Красный Яр на р. Белой, открытого еще в 1934 г. Вскрыта площадь в 201 м². Встречено много керамики, которую по орнаменту в основном можно разделить на четыре типа: с геометрическим орнаментом, с желобчатым, волнистым и зигзаговым. Кроме керамики, обнаружены изделия из бронзы или меди, камня, кости. На основании анализа керамики и других находок селище Баланбаш можно рассматривать как памятник абашевской культуры в ее уральском варианте. Кроме стационарных работ, отряд обследовал Ибракаевское и Куганакское селища, относящиеся к срубно-хвалынской культуре, и место нахождения костей мамонта у с. Красный Яр на р. Белой. Следов культурного слоя не обнаружено.

Отряд В. П. Викторова обследовал памятники по берегам р. Белой и ее притоков между с. Красный Яр и г. Ишимбай. Разведкой охвачено 230 км. Осмотрены ранее известные памятники. Вновь открыто шесть селищ, жертвенное место, пещера, две группы в 16 курганов. Обследована курганная группа, селище и городище из ранее известных. Открыто селище срубно-хвалынского времени у с. Черкасы, селище эпохи бронзы у с. Урняк (на правом берегу Белой). Несколько поселений, в том числе городище Тура-Тау и жертвенное место на горе Юрак-Тау, относятся к эпохе раннего железа. Селище у с. Селеук является поздним.

Разведочный Магнитогорский отряд экспедиции под руководством В. И. Фоминой обследовал берега рек Большой и Малый Кизыл. В поисках памятников абашевской культуры отрядом пройдено 200 км. Выявлено два селища и 15 курганных групп (101 курган). Почти все они ранее не были известны. Селища относятся к еще неизученной археологической культуре, требующей дальнейших исследований (Сейткуловское и Ишкуловское).

В пределах Марийской АССР Р. В. Чубарова обследовала археологические памятники в Горно-Марийском районе. Детальному обследованию подверглись шесть памятников: городища — Чулымское (Мало-Сундырское; XVI в.), Иоаннова гора (XVI в.), Юльяльское (II тыс. н. э.); стоянки — Аккозинская (I тыс. до н. э.), Шаржнейская (конец I тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э.), Токаревское селище (II тыс. до н. э.). Взяты на учет Мало-Сундырский могильник, два места жертвоприношений у с. Шартин, Сауткинское погребение, три городища у с. Сиухина, поселение у с. Владимирского и места отдельных находок.

М. С. Акимова произвела раскопки поздних мордовских и марийских кладбищ с целью получения антропологического материала.

¹ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 51.

² Л. Я. Крижевская. Археологические работы в Башкирии. КСИИМК, вып. 51.

На территории Марийской АССР раскопки проведены на кладбище у дер. Немец-Сала Моркинского р-на. Обряд погребения разнообразный. В большинстве случаев погребенные клялись на спине, головой на запад, часто с отклонениями на север. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая несколько согнута в локте, кисть на животе. В могилах встречены монеты XVIII и XIX вв. В других случаях голова обращена на север, обе руки вытянуты вдоль туловища. Это, очевидно, языческие погребения. Вещей в могиле мало.

В Мордовской АССР раскопки велись в Кадошкинском и Котуровском районах. У с. Адашево на кладбище вскрыта площадь 300 м², встречено 18 могил; у д. Н. Пырма — 1730 м² и обнаружено 152 могилы. Погребенные клялись в вытянутом положении, на спине. Ориентировка различная. При захоронениях встречены вещи, главным образом украшения.

П. Д. Степанов в пределах Мордовской АССР произвел раскопки Итяковского городища (Темниковский район). Была вскрыта на глубину 0,6 м площадь в 432 м². Обнаружена и частично раскопана глубокая землянка прямоугольной формы. Вскрытая ее часть имеет длину 4,7 м, ширину 4,3 м, глубину 2,25 м. Найдено много орудий труда, оружие, бытовые предметы, украшения, керамика, остатки различных ремесел: литейного, кузнечного, гончарного, прядения. Обнаружено также много ям разных форм и размеров. По вещам, монете и керамике поселение датируется золотоордынским временем и принадлежало татарам, подчиненным темниковским мурзам в пределах Наручатского княжества.

В г. Котельниче (Кировская обл.) было обследовано А. В. Никитиным городище в связи с предполагавшейся застройкой его территории. Двумя разведочными шурфами установлена мощность культурного слоя 0,4—0,6 м. Обнаружена позднеславянская керамика. Вещей найдено не было.

К. Ф. Смирнов продолжал многолетние исследования на территории Дагестанской АССР. Выяснено, что для Карабудахкентского могильника № 2 характерен обряд погребения в скорченном положении на боку, головой на юг. В могилах отмечено присутствие красной охры, много посуды и вещей. Манасские курганы дали погребения в больших овальных подземных камерах с куполообразным сводом, содержащих до девяти погребений в каждой. Камера представляет как бы семейную усыпальницу, в которой захоронение мужчины с булавой занимало центральное место. Судя по инвентарю и керамике, оба типа погребений относятся к первой половине II тыс. до н. э. В кургане № 3 урочища «Коркама-хола» встречены погребения каякентско-хорочоевской культуры — в простых земляных могилах, окруженных каменным кольцом, и каменные ящики. Для этой культуры впервые установлен обряд трупосожжения. Близ Карабудахкентского могильника № 2 открыто большое поселение эпохи бронзы (II тыс. до н. э.). Раскопки могильника № 1 дали большое количество погребений, относимых к раннежелезной эпохе, в основном I—II вв. н. э., с различным погребальным обрядом. В Карабудахкентском могильнике № 3 обнаружены только вытянутые погребения в простых ямах или каменных гробницах. Инвентарь здесь отличается от инвентаря предыдущих могильников. Датируется он II—III вв. н. э. В курганной группе урочища «Коркама-хола» обнаружено катакомбное погребение мужчины — воина гуннского времени (конец IV—V вв. н. э.). В Буйнакском районе продолжены раскопки Агачкалинского поселения хазарского времени (VIII—X вв. н. э.). Хорошо сохранились каменные фундаменты прямоугольных домов. Археологический материал свидетельствует о развитии земледелия и домашнего ремесла у населения предгорных районов Дагестана в хазарское время.

М. И. Пикуль произвела разведки в северо-восточной части Бабаюртского в Хасавюртском и Ново-Лакском р-нах. В результате работ зафиксиро-

ровано 886 курганов, семь поселений, стоянка и каменный склеп. В районе г. Махач-Кала, около сел. Алибурикент, обследован могильник, состоящий из каменных ящиков. Обнаруженные в районе ст. Тарки памятники относятся к эпохе бронзы, каякентско-хорочоевской культуре, сарматскому времени и средневековью.

В Ставропольском крае И. С. Гумилевский произвел раскопку кургана № 1 на Константиновском плато близ г. Пятигорска. На площади 472,5 м² вскрыто девять погребений в каменных ящиках. Все они, кроме одного (погребение Б), сооружены на материке и соединялись между собой каменными перемышками. Ящик Б сооружен на 0,65 м выше других, в насыпи кургана. Погребения производились в разное время. Первое погребение было разрушено более поздним захоронением А. Погребения А и Б — впускные. Каменные ящики основных семи погребений, размещенных у полы кургана, не образуют фигуры замкнутого круга, а расположены спирально. Каждое последующее погребение помещалось у полы насыпи, вызывая ее наращивание. Сооружение насыпи сопровождалось частично укреплением ее поверхности — камнем и битым плитняком. Из девяти ящиков в пяти были неполные костяки, в четырех — костяков не было. В четырех ящиках было по одному погребению, в ящике № 4 — три. Все костяки лежали вытянуто на спине, ориентировка разная — три головой на юг, один на восток, два на юго-восток, один на северо-восток. Среди инвентаря изделия из камня, украшения из бронзы, разнообразная керамика (13 сосудов, все они широкогорлые, тонкостенные, почти все плоскдонные). Основной орнамент — ногтевой, шнуровой, треугольный и ямочный штамп. Курган можно отнести к первой половине II тыс. до н. э. — к локальному варианту северокавказской культуры.

Т. М. Минаева раскопала грунтовой могильник на р. Зеленчук близ аула Ново-Кувинского (Черкесская автономная обл.). Рядом с раскопом 1950 г. площадью в 225 м², обнаружено 36 могил, датируемых XIII—XV вв. На этой же площади вскрыты остатки поселения X—XII вв. Это, очевидно, северо-западная окраина поселения, находящегося на расстоянии 200 м от могильника. Кроме того, были произведены раскопки на городище Адиух близ аула Иншич-Гукун на р. М. Зеленчук. В 1951 г. раскопана третья часть городища — почти вся площадь мыса. На этой же площади вскрыто 15 целых и более 10 разрушенных кладоискателями могил. Все они оказались аналогичными по устройству и погребальному обряду: могилы высекались в скале в форме узкого длинного ящика с закругленными углами. Вдоль стенок они обставлялись вертикальными плитками. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на запад. Инвентарь очень беден — нет ни посуды, ни костей животных. В восточной части раскопанной площади, в 40 м от башни Адиух, обнаружены остатки христианской церкви обычного для Кавказа типа. Длина ее 6 м, алтарная часть 2,5 м. Толщина стен 0,9 м. Они сохранились на высоту 0,6—0,8 м. Панцыри стен из битого, слегка подтесанного камня — пространство между ними заполнено щебнем и мелким битым камнем. С внутренней и внешней сторон стены оштукатурены и побелены. Фундамента у церкви не было. Пол был устлан тонкими плитками из рыхлого песчаника. Найдены черепки крупной красноглиняной корчаги с линейно-гребенчатым орнаментом и металлический нагрудный крест.

Как и в прошлые годы, в 1951 г. многие экспедиции работали на территории Краснодарского края.

В. Д. Блаватский продолжал исследование синдских поселений¹

¹ В. Д. Блаватский. Второй год работы Синдской экспедиции. КСИИМК, вып. 51.

Д. Б. Шелов раскапывал Западно-Цукурское поселение¹. Н. В. Анфимов продолжал раскопки Семибратнего городища². М. М. Кобылина продолжала исследования Фанагории³. А. С. Башкиров производил раскопки на городище Патрэй. В 1951 г. вскрыты четыре площади (V, VI, VII, VIII), примыкающие к площадям прошлого года. Обнаружены античные и средневековые слои. Жизнь на городище шла без перерыва с VI в. до н. э. по XVI в. н. э. Обнаружены остатки строений, стен и вымосток, много керамики, античной и средневековой черепицы. Найден клад монет, принадлежащих сарматской династии Рискупоридов.

И. Б. Зеест производила раскопки некрополя Тузлы⁴.

Т. В. Блаватская исследовала I и II Суворовские поселения. На первом обнаружены слои эллинистического, римского и средневекового (тмутараканского) времени. На поселении Суворовское II вскрыты напластования античного и нового времени. Небольшие раскопки велись на некрополе, расположенном на холме к югу от плато Суворовское II, через дорогу Тамань — Сенная. Обнаружено два погребения: первое датируется керамикой V в. до н. э.; второе не позднее середины V в. до н. э.; повидимому, оба принадлежали местному населению — синдам (судя по наличию не греческих предметов вооружения — меч, стрелка, ворворка — во втором погребении). Материал поселений указывает на тесные связи местного населения с боспорскими городами.

Т. Н. Высотская продолжала исследование Воронцовской пещеры близ пос. Хоста. Установлено, что пещера была одновременно обитаема в трех удаленных от входа местах (Заложенный грот, Колокольный грот, Тоннель). Наиболее длительной была стоянка в Заложенном гроте. Все три стоянки относятся к медно-бронзовому веку. Основой хозяйства населения пещеры было, очевидно, скотоводство. Кроме того, небольшой раскоп на площадке у V входа позволяет говорить о том, что заселение пещеры производилось постепенно, начиная с площадок перед входами.

Как и обычно, многочисленные экспедиции работали на территории Крымской области.

В. Д. Блаватский обследовал археологические памятники между Феодосией и Керчью по маршруту: Феодосия, Сорыголь, Береговая, Шабонь, Павловка, Семь Колодезей, Ленинский, Керчь. Было учтено около 200 курганов и курганных групп.

В. Ф. Гайдукевич продолжал исследование античных городов Илурата и Тиритаки. В Илурате обнаружено несколько новых типов домов, одни из них представляют комплекс, состоящий из жилого помещения и двора, другие — обширные дома-усадыбы, имеющие 12 помещений вокруг большого двора. Среди вещей интересны глиняные муфтообразные подставки с боковыми отверстиями, применявшиеся при обжиге керамических изделий. Такие же подставки были ранее найдены в Пантикапее и Фанагории. Материалы свидетельствуют о значительной сарматизации Илурата во II—III вв. В Тиритаке вскрыта угловая северо-восточная башня и часть прилегающей к ней оборонительной стены. Таким образом, выяснены границы древнего города. Велись также раскопки сельской усадьбы II—III вв. н. э. в районе Мирмекия у Карантинной слободки. Расчищен центральный двор и часть помещений. Найдено много вещей и архитектурных деталей. Разведкой Аккосова вала установлено, что куполообразные насыпи, распо-

¹ Д. Б. Шелов. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани. КСИИМК, вып. 51.

² Н. В. Анфимов. Исследование Семибратнего городища. КСИИМК, вып. 51.

³ М. М. Кобылина. Раскопки Фанагории. КСИИМК, вып. 51.

⁴ И. Б. Зеест. Земляные склепы некрополя Тузлы. КСИИМК, вып. 51.

ложенные на линии вала, являются остатками сторожевых пунктов. Находки позволяют датировать вал третьей четвертью I в. до н. э.

О. Д. Дашевская произвела небольшие исследования на городище «Красное», в 4 км к северо-западу от г. Симферополя. В 1951 г. был доведен до материка и несколько увеличен раскоп, начатый в 1945 г. П. Н. Шульцем на месте находки гончарной печи. Обнаружены остатки прямоугольного каменного здания — фундамента трех стен и остатки основания четвертой. Здание относится ко II в. до н. э. Открыта кладка стены III—II вв. до н. э., вымостка из гольшей и гончарные печи I в. до н. э. — I в. н. э., ямы этого же времени и зольник II—III вв. н. э. Встречено много различной керамики — лепной, лощеной, эллинистические амфоры, римские синопские амфоры, немного античной тонкостенной керамики и керамики с лаком. Среди находок — два обломка зернотерок, фрагменты глиняных жаровен, «рогатый кирпич», пирамидальные грузила и т. д. Также была произведена зачистка обреза невысокого плато у подножия городища, где обнаружены остатки трех скифских хозяйственных ям грушевидной формы.

М. А. Наливкина исследовала древнюю Керкинитиду¹. И. Т. Кругликова продолжала раскопки Киммерика². И. Б. Зеест, наряду с работами на Тамани, продолжала раскопочные работы в Феодосии³. В. П. Бабенчиков продолжал исследования средневекового поселения близ с. Планерское⁴. А. Л. Якобсон произвел небольшие вскрытия на раннесредневековом поселении Горзувиты.

В Тюменской области В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская вели работы у г. Тобольска на городище Потчеваш. На нем установлено два разновременных слоя. Нижний относится к XIII—X вв. до н. э. Он перекрыт культурным слоем городища середины I тыс. до н. э. Конец жизни на городище относится к рубежу нашей эры и определяется возрастом курганного могильника. Основные работы экспедиции были сосредоточены на городище Андрюшин городок на южном берегу Андреевского озера⁵.

А. П. Окладников вел археологические работы в Иркутской обл. и Бурят-Монгольской АССР⁶.

У. Э. Эрдниевым, а затем В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской (контрольные раскопки) продолжалось начатое в 1950 г. исследование Маякова городища, находящегося близ г. Сталинска Кемеровской обл. В 1951 г. было заложено два раскопа — один в центральной части городища, другой вдоль раскопа № 1. Полученный материал свидетельствует о занятии жителей охотой, рыболовством и о зачатках мотыжного земледелия. Найдены изделия из кремня, кости и бронзы, много керамики. Основной период обитания на городище, очевидно, следует отнести к эпохе неолита и бронзы.

П. П. Хороших продолжал многолетние исследования Прибайкалья (Иркутская обл.). В г. Иркутске было вскрыто еще четыре одиночных и три парных погребения неолитического могильника на территории стадиона «Локомотив». Захоронения находились в курганоподобной насыпи, ориентировка их различная — на восток, северо-восток и на север. Относятся они к китойскому времени. Предметы из кремня и кости по типу аналогичны находкам предыдущих лет. Небольшие разведочные раскопки были

¹ М. А. Наливкина. Раскопки в Евпатории. КСИИМК, вып. 51.

² И. Т. Кругликова. Раскопки Киммерика. КСИИМК, вып. 51.

³ И. Б. Зеест. Раскопки Феодосии. КСИИМК, вып. 51.

⁴ См. статью В. П. Бабенчикова в КСИИМК, вып. XLIX.

⁵ В. И. Мошинская и В. Н. Чернецов. Городище «Андрюшин городок». КСИИМК, вып. 51.

⁶ А. П. Окладников. Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом. КСИИМК, вып. 51.

заложены на трех стоянках на побережье Байкала. На стоянке в местности «Жилище 2» обнаружено три очага, много керамики и поделок из серого камня и кремнистого сланца. Очевидно, стоянка была обитаема в конце неолитической эпохи и служила временным стойбищем для рыбаков-охотников. На стоянках на террасе у Чаячьего утеса и в распадке Тетериха найдены предметы, свидетельствующие об обитании здесь в период эпохи неолита и в железном веке. В 1951 г. обнаружены новые рисунки на горе Манхай. Изображения высечены неглубоким контуром на гладких плитах красного песчаника. Чаще всего изображаются сцены охоты и фигуры лошадей.

Г. С. Новиков продолжал работу по обследованию памятников на территории Амурской обл. Осмотрены городища у Усть-Умлекана, с. Практичи, с. Великокняжевки, могильник между этим селом и д. Ново-Андреевкой, городище у д. Ново-Андреевки.

В Тувинской автономной обл. С. И. Вайнштейном вскрыто двойное погребение в могильнике на берегу р. Тора-Хем в районе оз. Азас. Погребение было завалено песчаниковыми плитами и крупной речной галькой. Оба костяка (один из них — женский) скорченные, один ориентирован головой на запад, другой на восток. Возраст погребенных 17—20 лет. В захоронении обнаружен обломок глиняного сосуда, заостренная деревянная палочка, пропитавшаяся раствором железа, и кусочки бересты, устилавшей дно могилы. В нижнем течении р. Ий осмотрена группа круглых земляных и каменных курганов. Произведена их топографическая съемка.

В результате археологических исследований 1951 г. советские историки и археологи получили новый ценнейший материал для решения многих важных проблем древней истории народов СССР.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗОРСА — Записки Отдела русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАВГ — Материалы по археологии восточных губерний
МАО — Московское археологическое общество
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НПК — Новгородские писцовые книги
ОАК — Отчеты археологической комиссии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
ТПУАК — Труды Пермской ученой архивной комиссии
Тр. АС — Труды Археологического съезда
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Академик Борис Дмитриевич Греков	3
I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ	
<i>Э. А. Володченко.</i> К вопросу о технике черни на Руси	10
<i>П. А. Раппопорт.</i> Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырьевой кладки	17
<i>В. В. Косточкин.</i> Русские военно-оборонительные сооружения XVI века у устья реки Наровы	25
<i>Е. И. Горюнова.</i> Муромский могильник	33
II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>М. Ю. Брайчевский.</i> Древнеславянское святилище в селе Иванковцы на Днестре	43
<i>Б. А. Тимошук.</i> Подкарпатские курганы III—V веков нашей эры	54
<i>Я. В. Станкевич.</i> Исследование памятников первого тысячелетия нашей эры в верховьях Западной Двины за 1949—1951 годы	60
<i>С. А. Изюмова.</i> Археологическая разведка в 1951 году в Тульской области	68
<i>Ф. Д. Гуревич.</i> Раскопки на городище Грачевка	80
<i>В. Ф. Генинг.</i> Бродовский могильник	87
<i>А. В. Никитин.</i> Раскопки в Вологде в 1948 году	99
III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ	
<i>В. Л. Янин.</i> Печати новгородских тиунов как исторический источник	106
<i>В. Л. Янин.</i> Печати ладожских наместников	111
<i>Н. Д. Мец.</i> Клады монет (зарегистрированные Государственным Историческим музеем за 1945—1952 годы)	113
<i>В. Б. Гиришберг.</i> Эпиграфические заметки	121
IV. ХРОНИКА	
<i>Н. К. Лисицына.</i> Археологические исследования в РСФСР в 1951 году	132
Список сокращений	147

*Утверждено к печати Институтом истории
материальной культуры Академии Наук СССР*

Редактор издательства *М. Г. Воробьева*. Технический редактор *Т. А. Землякова*

РИСО АН СССР № 63—55 В. Т-07672. Издат. № 129. Тип. зак. № 1564. Подп. к печ. 30/X 1953 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,63. Печ. л. 12,67. Уч.-издат. 12,5 Тираж 1700
Цена по прейскуранту 1953 г. 7 р. 50 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
25	10 св.	песок	поселок
112	{ 6 св.	НАМЪ СТНКА	НАМЪ СТННКА
	{ 11 св.	ЛАДОЗК ОГОПЕ ЧАТ Т6НАМ СТННКА	ЛАДОЗК ОГОПЕ ЧАТЬ ТЬНАМ СТЬННКА
121	14 св.	ПРЭ	ПРЕ
125	{ 14 св.	обита	отбита
	{ 25 св.	Юрьевич	Юревич
	{ 26 св.	месяца	месяца
130	20 св.	засел	и засел
137	6 св.	отности	отнести